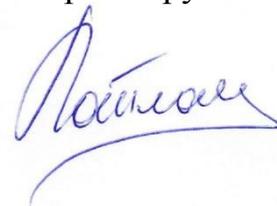

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский Томский государственный университет»

На правах рукописи

Готлан Юлия Александровна

**ПРИЗНАКОВЫЙ КОНЦЕПТ КАК ДИАХРОННЫЙ ФЕНОМЕН
(НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)**

Специальность 10.02.19 – теория языка

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель
доктор филологических наук,
профессор Л. П. Дронова

Томск 2015

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ И МЕТОДИКИ СОВРЕМЕННЫХ КОГНИТИВНЫХ И ДИАХРОНИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	14
1.1. Картина мира. Языковая картина мира. Диахронический аспект языковой картины мира	14
1.2. Категоризация и концептуализация в исследовании языковой картины мира	20
1.3. Роль инокультурных концептов в формировании национальной картины мира	26
1.4. Концептуальный анализ: задачи, проблемы	28
1.5. Современный диахронический анализ	35
1.5.1. Проблема метода, совершенствование приемов реконструкции	35
1.5.2. Функциональный подход в современном диахроническом исследовании	41
1.5.3. Методика диахронического анализа	43
ГЛАВА 2. ЛСП «ЧИСТОТА» В НЕМЕЦКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ В ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ	51
2.1. ЛСП «Чистота» в современном немецком языке	51
2.1.1. Анализ структуры ядра ЛСП «Чистота» в современном литературном немецком языке	52
2.1.2. Семантическая структура <i>rein</i> в современном литературном немецком языке	53
2.1.3. Семантическая структура <i>sauber</i> в современном литературном немецком языке	60
2.1.4. Вывод по структуре ядерной части ЛСП «Чистота» в современном литературном немецком языке	66
2.1.5. ЛСП «Чистота» в диалектах немецкого языка	69
2.2. Эволюция ЛСП «Чистота» в немецком языке	72
2.2.1. ЛСП «Чистота» в древневерхненемецкий период	72
2.2.1.1. История и происхождение <i>rein</i>	73
2.2.1.2. История и происхождение синонимов к <i>rein</i> (<i>hreini</i>)	79
2.2.2. ЛСП «Чистота» в средневерхненемецкий период	98

2.2.3. ЛСП «Чистота» в ранненововерхненемецкий период	105
2.2.4. ЛСП «Чистота» в современном немецком языке	110
2.2.5. Общий вывод по ЛСП «Чистота» в немецком языке.....	114
2.3. Анализ структуры ядра ЛСП «Чистота» в современном английском языке	116
2.3.1. Семантическая структура clean в современном английском языке	117
2.3.2. Семантическая структура pure в современном английском языке.....	123
2.3.3. Семантическая структура clear в современном английском языке	125
2.3.4. Вывод по структуре ядерной части ЛСП «Чистота» в современном английском языке.....	129
2.4. Эволюция ЛСП «Чистота» в английском языке	132
2.4.1. ЛСП «Чистота» в древнеанглийский период.....	132
2.4.1.1. История и происхождение clean	132
2.4.1.2. История и происхождение синонимов к clean (clæne)	137
2.4.2. ЛСП «Чистота» в среднеанглийский период.....	149
2.4.3. ЛСП «Чистота» в ранненовоанглийский период	157
2.4.4. ЛСП «Чистота» в новоанглийский период	162
2.4.5. Общий вывод по ЛСП «Чистота» в английском языке	166
2.5. Общие выводы по эволюции признакового концепта «Чистый» в языковой картине мира немцев и англичан.....	168
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	172
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ	174
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	184
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	202
Приложение А.....	203
Приложение Б	204
Приложение В.....	212
Приложение Г	220
Приложение Д.....	222

ВВЕДЕНИЕ

Данная работа посвящена выявлению эвристических возможностей методики диахронного анализа, опирающегося на интегративный метод, в качестве начального этапа концептуального анализа при рассмотрении концепта в его эволюции.

Актуальность проблемы исследования заключается в том, что концептуальный анализ и все, что с ним связано, находится в центре внимания современной лингвистики (Дж. Лакофф, 1988, 1990; Ч. Филлмор, 1981, 1988; У. Л. Чейф, 1983; Е. С. Кубрякова, 1992, 1994, 2007, 2009; В. З. Демьянков, 1994, 2007; Ю. С. Степанов, 1997; А. Вежбицкая, 1999, 2001; З. Д. Попова; И. А. Стернин, 1999, 2007; Н. Ф. Алефиренко, 2005; В. И. Карасик, 2004; Н. А. Красавский, 2001; М. В. Никитин 2004, Н. Н. Болдырев, 2006, 2009 и др.). При этом сущность концептуального анализа, его структура, исследовательские приемы – все это до сих пор достаточно дискуссионно. Наиболее проблемным в концептуальном анализе является рассмотрение концепта в эволюции, в историческом аспекте: признание явных преимуществ синхронно-диахронного изучения фактов языка и порицание нежелания когнитологов рассматривать языковые явления в их широкой исторической перспективе (Е. С. Кубрякова, 2007, 2009; Е. Г. Беляевская, 2000, 2007) не изменили ситуации, не прояснили конкретную методику такого синхронно-диахронного анализа (И. Е. Тищенко, 2008; Н. В. Коч, 2010).

В то же время, в отечественной лингвистике имеется эффективный метод исторического анализа фактов языка, наработан высокий теоретический и практический уровень диахронических исследований. Это является следствием того, что современное сравнительно-историческое языкознание, осознавая неуниверсальность любого метода, основывается на интегративном методе, вобравшем в себя, кроме сравнительно-исторического, приемы других методов анализа языка, на усовершенствованной процедуре реконструкции и учете фактов всех вариантов национального языка. Среди тех, кто в последние десятилетия много сделал для совершенствования теории и практики сравнительно-исторических исследований, видим целый ряд известных имен: Э. А. Макаев, В. И. Абаев, В. Г. Гак, Р. А. Будагов, В. В. Иванов, В. Н. Топоров, Н. И. Толстой, О. Н. Трубачев, Ж. Ж. Варбот, С. М. Толстая, А. Е. Аникин и многие другие.

Подход к анализу языкового материала в данной работе соотносится и со спецификой современного когнитивного подхода, состоящего, по определению Д. Герартса (2007), в отходе от моделирования языковых процессов, прежде всего, в области семантики на основе «эталонных» примеров и в переходе к *реконтекстуализации* лингвистического описания, т. е. в возвращении к эмпирическому материалу как базе лингвистического исследования. Поэтому актуальность нашего исследования заключается и в том, что главными диагностирующими критериями в анализе описываемого семантического поля являются особенности контекстного употребления, синтагматические и парадигматические особенности привлекаемых для анализа лексических единиц на разных исторических этапах немецкого и английского языков.

Кроме того, тема исследования актуальна в связи с важностью данного признакового концепта в европейской культуре, особенно в культуре немцев, которые отличаются стремлением к порядку, пунктуальности, бережливости, законопослушности, чистоте, аккуратности.

Объектом исследования послужили лексические средства немецкого и английского языков, соотносящиеся с понятием «чистота».

Предмет исследования – особенности формирования признакового концепта «Чистый» в немецком и английском языках на разных этапах их истории.

Гипотеза исследования: использование диахронического анализа структуры лексико-семантических полей позволит реконструировать исходную семантику понятийного ядра концепта, его когнитивное содержание.

Цель исследования – выявить эвристические возможности современного диахронического исследования, основывающегося на интегративном методе, в проблемном поле концептуального анализа.

Конкретная реализация данной теоретической задачи была проведена на материале лексико-семантического поля (ЛСП) «Чистота», реализующего признаковый концепт «Чистый» в немецком и английском языках. Значимость признакового концепта обуславливается тем, что признак выполняет когнитивную, категоризирующую, функцию: это инструмент, с помощью которого человек идентифицирует и сравнивает объекты.

Для достижения данной цели потребовалось решить следующие **задачи**:

1. Определить круг языковых единиц, составляющих лексико-семантическое поле «Чистота» в немецком и английском языках на разных этапах истории этих языков и провести внутреннюю реконструкцию динамики содержательной стороны этого поля.

2. Определить историческую глубину формирования лексических средств представления о чистоте в немецком и английском языках и их историко-культурную детерминированность.

3. Выявить динамику в структуре лексической репрезентации признакового концепта «Чистый».

4. Реконструировать когнитивное основание признакового концепта «Чистый» по полученным результатам анализа динамики его «поверхностной» (языковой) семантики.

5. Выявить специфику взятой для апробации методики диахронического анализа применительно к представлению признакового концепта в эволюции.

Материалом для исследования послужили данные лексикографических и корпусных источников немецкого и английского языков:

- лексикографические источники: толковые словари немецкого языка (Duden. Deutsches Universal Wörterbuch, 1989; Götz, 1998), толковые словари английского языка (Oxford Dictionary of English, 2005; Collins Concise English Dictionary, 2008), двуязычные словари немецкого языка (Большой немецко-русский словарь, 1997; Русско-немецкий словарь, 1998), двуязычный словарь английского языка (Большой англо-русский словарь, 1977), синонимические словари немецкого языка (Das Krüger Lexikon der Synonyme, 1993; Gröner, 1980), синонимические словари английского языка (Webster, 1984; The Oxford Dictionary of Synonyms and Antonyms, 2007), словари частотности немецкого языка (Normann, 1991; Ruoff, 1981; Schülerduden. Die richtige Wortwahl: ein vergleichendes Wörterbuch sinnverwandten Ausdrücke, 1990), исторические словари немецкого языка (Paul, 1992; Grimm, 1972; Hennig, 2001; Schützeichel, 1989), исторические словари английского языка (The shorter Oxford English Dictionary on historical principles, 1956; Holthausen, 1934; Raith, 1944; Middle English Dictionary, 1952; The Oxford English Dictionary, 1989; Hall, 1916; Алексеева, 1971), этимологические словари

немецкого языка (Etymologisches Wörterbuch des Deutschen, 1993; Kluge, 1995; Heidermanns, 1993), этимологические словари английского языка (Skeat, 1884; Barnhart, 1995; The Oxford Dictionary of English Etymology, 1996), этимологический словарь готского языка (Lehmann, 1986), диалектные словари немецкого языка (Fischer, 1991; Plattdeutsch-Hochdeutsches Wörterbuch, 1998; Harte, 1997; Ebner, 2010; Hessen-Nassauisches Volkswörterbuch, 1943).

• Интернет-ресурсы: Cyril Belica : Kookkurrenzdatenbank CCDB (<http://corpora.ids-mannheim.de/~cosmas/>), DWDS. Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache des 20. Jh. (<http://www.dwds.de>), Meyers Lexikon online (<http://lexikon.meyers.de>), Woxikon: Synonyme, Fremdwörter und Antonyme (<http://synonyme.woxikon.de>), NRGRA Corpus: Universität des Saarlandes (<http://www.coli.uni-sb.de/sfb378/negra-corpus/>), Köbler (<http://www.koeblergerhard.de>), Mittelhochdeutsches Wörterbuch (<http://www.mhdwb-online.de/wb.php?buchstabe=A&portion=0>), A Concise Anglo-Saxon Dictionary (http://lexicon.ff.cuni.cz/texts/oe_clarkhall_about.html), Althochdeutsche Literatur (8.-10. Jh.) (<http://www.mediaevum.de/texte/ahd.htm>), Deutsches Etymologisches Wörterbuch (<http://homepage.uibk.ac.at/~c30310/derwbhin.htm>), Duden online (<http://www.duden.de/>), Frühmittelhochdeutsche Texte (11. Jh.) (<http://texte.mediaevum.de/11mhd.htm>), Hessen-Nassauisches Wörterbuch (<http://www.lagis-hessen.de>), Mittelhochdeutsche Texte (11-14 Jh.) (<http://texte.mediaevum.de/11mhd.htm>), Plattdeutsches Wörterbuch (<http://www.plattdeutsches-woerterbuch.de>), The Online Etymology Dictionary (<http://www.etymonline.com/>), Wörterbuchnetz – Wörterbuch der elsässischen Mundarten (<http://woerterbuchnetz.de/ElsWB>).

В работе были выявлены и проанализированы 84 лексические единицы со значением ‘чистый’ в немецком языке и 48 единиц в английском (без учета всех причастных форм).

Цель и задачи исследования определили круг методов и приемов анализа исследуемой лексической группы.

Методы исследования. Лингвокогнитивистика реализует динамический подход преимущественно в рамках пропозиционально-фреймовой методики анализа, выявления прототипической семантики через «аналитические каркасы» -

схемы, сценарии, когнитивные модели. Учитывая недостаточную проработанность концептуального анализа при динамическом подходе к представлению концепта и новую тенденцию в когнитивистике как переход к реконтекстуализации лингвистического описания, в работе использован интегративный метод, который представляет собой совокупность ряда методов, направленных на выявление функционально-семантических особенностей исследуемых единиц на разных исторических этапах с их географической и историко-культурной обусловленностью. Применение этого метода представляется необходимым в данном случае для перехода к анализу глубинной семантики.

Единицей анализа в работе является лексико-семантическое поле (ЛСП), позволяющее применить концептуальный анализ относительно всей лексемы в целом, поскольку концептуальные основания семантики являются общими для всех ее лексико-семантических вариантов.

История вопроса. В настоящее время исследуемый концепт мало изучен и представлен в разных аспектах лишь в нескольких работах. Прежде всего, это работа немецкого исследователя Отто Гауппа «Об истории слова „rein“» [Gaupp, 1920], представляющая собой диссертационное исследование, в основе которого лежит подробный контекстуальный анализ прилагательного *rein* и его синонимических связей в древне- и средневерхненемецкий периоды. В кандидатской диссертационной работе Н. А. Сергиенко «Сопоставительное исследование лексико-семантических групп прилагательных с идентификатором „чистый/грязный“ и „clean/dirty“ (по материалам лексикографии)» рассматривается интересующая нас лексико-семантическая группа (ЛСГ) «clean/dirty» в современном английском языке [Сергиенко, 2006]. В кандидатском исследовании Дж. Р. Багировой «Функционально-семантические особенности английских прилагательных, выражающих понятие „чистый“ в сопоставлении с их армянскими коррелятами», также было исследовано лексическое представление понятия «чистота» в современном английском языке [Багирова, 1988]. На материале русского языка концепт «чистота» был рассмотрен в статье Е. С. Яковлевой «О концепте чистоты в современном русском языковом сознании и в исторической перспективе» [Яковлева, 2000], но сопоставление с русским не входило в наши задачи. Качественный признак ‘чистый’, наряду с ‘грязный’, ‘прозрачный’,

‘мутный’, явился предметом лексико-типологического анализа на материале пяти языков (русского, английского, китайского, новогреческого и восточноармянского). Выводом этого исследования стало утверждение о смежности семантических полей «чистый» и «чистый, прозрачный» (признак чистоты имплицитно подразумевает признак прозрачности). К сожалению, мы смогли познакомиться только с кратким изложением результатов этого исследования в материалах конференции [Архангельский, 2011].

Теоретическая сторона исследуемого нами вопроса была рассмотрена в кандидатской диссертации И. Е. Тищенко «Концепт как диахронный феномен: на материале исследования концепта „смелость“ во французском языке» [Тищенко, 2008]. Тема заявлена как теоретическая, но в своем решении она нам представляется больше как лингвокультурологическая: автор в результате выделяет общие и различные (этноспецифичные) черты в исследуемом фрагменте языковой картины мира (ЯКМ) русских и французов. Нет каких-то наблюдений и выводов по методике, путям представления концепта в диахронии, того общего, что должно быть при рассмотрении любого другого концепта в эволюции, – того, что мы считаем целью при решении вопроса о концепте как диахронном явлении. Теоретическая непрописанность необходимой методики подобного анализа в работе И. Е. Тищенко дает основание усомниться в выводе, что «структура концепта „смелость“ в русском и французском языках характеризуется одинаковыми прототипами (представление о «сердце/sœur») [Дронова, 2013, с. 31–32].

Специально интересующему нас вопросу посвящена и работа украинской лингвистки Н. В. Коч (Пруткая) «Исследование концептов в диахронии как теоретическая и методическая проблема» (2010). Автор статьи претендует на введение в научный оборот терминов «диахронический концепт» (DK) и «синхронический концепт» (SK): «Вводя термины диахронический концепт (архаический, генетический) и синхронический концепт, мы подчеркиваем нашу трактовку диахронии как синхронии в развитии. Диахронический концепт – условно моделируемая единица, реально существовавшая в сознании носителей языка (в наших работах – общевосточнославянского), с помощью которой в исследовательских целях, проводится динамическое изучение архаического коллективного сознания, отраженного в концептуально-языковой картине мира»

[Коч, 2010, с. 317]. Такое определение диахронического концепта не может быть принято: что значит «условно моделируемая единица, реально существовавшая в сознании носителей языка»? Да еще в сознании носителей языка общевосточнославянского периода? Условно моделирует все же, вероятно, современный исследователь. Далее автор утверждает, что диахронический концепт – самостоятельная единица сознания: «Чтобы доказать существование ДК как самостоятельной единицы сознания, необходимо, прежде всего, доказать, что концепт является *качественно* иной структурой, существенно отличающейся от своего синхронического аналога (СК). Философской (методологической) основой аргументации, прежде всего, послужили общеизвестные законы диалектики, разработанные в трудах Г. Гегеля» [Коч, 2010, с. 317]. Что значит «*качественно* иной структурой, существенно отличающейся от своего синхронического аналога»? Меняется когнитивное основание (схема) концепта? И под синхронным аналогом, видимо, понимается современный вариант концепта? Но если определять общевосточнославянский вариант концепта, то он будет синхронен своей ЯКМ, общевосточнославянской. Качественно в исторической перспективе могут скорее меняться лексические средства представления концепта ЯКМ.

Дальше возникает еще больше вопросов в связи с полным неразграничением синхронического и диахронического подходов в анализе языка при заявленной опоре на законы диалектики: «Поступательность и повторимость придает цикличности спиралевидную форму и каждая ступень процесса развития богаче по своему содержанию, поскольку она включает в себя все лучшее, что было накоплено на предшествующей ступени. Это утверждение соответствует нашему пониманию СК как потенциально содержащей генетическую информацию (во многом на подсознательном уровне), информационно значимой единицы историко-культурного кода этноса <...>. Диахронический же концепт является основой, утверждением (тезисом), предполагающим отрицание (антитезис) и снятие этого отрицания, в результате чего образуется новая единица сознания – синхронический концепт» [Коч, 2010, с. 318]. Мы так много цитировали этого автора, чтобы показать, что такой подход к проблеме «концепта в диахронии» не соотносится с теоретическими основаниями единственного научного метода исторического анализа языка – сравнительно-исторического и поэтому совершенно неприемлем для нас.

Научная новизна исследования определяется положительным результатом проверки эвристических возможностей современного диахронического исследования, основывающегося на интегративном методе, в проблемном поле концептуального анализа. Этот результат свидетельствует о возможности использования диахронического анализа как начального этапа при рассмотрении концепта в развитии, анализа, позволяющего представить факты языка в их эволюции и перейти ко второй, лингвокогнитивной, части исследования – генерализации спектра мотивационных моделей, представляющих определенную когнитивную модель.

Новизна работы также определяется проведенным диахроническим исследованием признакового концепта «Чистый» в немецком и английском языках, определением общего (когнитивного) и этноспецифичного в его развитии в этих языках, попыткой найти объяснение выявленной специфики в собственно лингвистических и историко-культурных факторах. Новым для подобного исследования является привлечение диалектного материала в рассматриваемом вопросе (столь значимого при анализе материала немецкого языка).

Теоретическая значимость работы находится в области проблемного поля теории и методики концептуального анализа: для решения вопроса о методике представления концепта в развитии была апробирована методика диахронического исследования, подтвердившая свою результативность в качестве начального этапа концептуального анализа. Выявленная в ходе исторического исследования динамика изменений признакового концепта на языковом уровне позволила реконструировать исходное когнитивное основание признакового концепта «Чистый» в немецком и английском языках в виде логической оппозиции «чистота природная» – «чистота, создаваемая человеком», получившей синкретичное и дискретное выражение на разных этапах истории рассматриваемых германских языков.

Практическая значимость. Полученный результат позволяет рекомендовать данную методику для анализа развития других концептов. Дальнейшая проверка методики на ином материале, возможно, позволит внести уточнения в параметры использованной методики. Конкретные результаты диахронического анализа признакового концепта «Чистый» в немецком и

английском языках могут быть использованы в курсах по когнитивной лингвистике и лингвокультурологии, в лексикографической практике.

Положения, выносимые на защиту:

1. Современное диахроническое исследование эволюции концепта на основе интегративного метода представляется эффективным как начальный этап для перехода к анализу его глубинной семантики, когнитивного основания концепта.

2. Когнитивное основание – это логическая оппозиция соотнесенных смысловых компонентов, которая определяет особенности языкового представления концепта как лингвоментальной единицы в ее развитии.

3. Верификация реконструированной когнитивной схемы концепта осуществляется как соотнесение структуры и содержания лексико-семантических полей в их исторических вариантах с выявленным когнитивным основанием концепта.

4. Степень влияния одного и того же инокультурного концепта в разных языках зависит не только от языковых, но и от историко-культурных условий его адаптации, вхождение через литературный язык и/или разговорную речь.

5. Эффективность использованной в работе методики основывается на следующих ее характеристиках:

- обязательность в диахроническом анализе учета материала всех форм национального языка и приоритетность внутренней реконструкции, основывающейся на анализе системных отношений анализируемых единиц языка;

- продуктивность диахронического анализа материала при совмещении рассмотрения языкового материала в рамках лексико-семантических полей на разных исторических этапах и в составе словообразовательно-этимологических гнезд, что позволяет выявить системную организацию рассматриваемых языковых единиц по «горизонтали» и «вертикали»;

- важность выявления в диахроническом исследовании историко-ареальной характеристики и историко-культурной обусловленности формально-семантических изменений в лексико-семантических полях, а также определения исторической глубины формирования исследуемого концепта в разных лингвокультурах;

- обязательность на заключительном этапе диахронического исследования выявления мотивировочного признака и внутренней формы как ядерной (ядерных), так и остальных единиц ЛСП и необходимость выделения мотивационных моделей

разных хронологических уровней для определения их общего когнитивного основания.

б. Применение интегративного метода в диахроническом исследовании позволило выстроить динамику исторических изменений признакового концепта на языковом уровне, определить характер трансформации национального концепта под влиянием инокультурного и – в результате – реконструировать исходное когнитивное основание признакового концепта «Чистый» в немецком и английском языках в виде логической оппозиции «чистота природная» – «чистота, создаваемая человеком», представленной в немецком и английском языках синкретично до «нового времени» (христианизации в Европе).

Апробация работы. Материалы диссертации обсуждались на методологическом семинаре кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии филологического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета, Международном научно-практическом семинаре молодых ученых-германистов в рамках партнерства филологического факультета НИ ТГУ и философского факультета Университета г. Мангейма (2014). Основные положения работы докладывались и обсуждались на следующих конференциях: X, XI, XII, XIII Всероссийская конференция молодых ученых «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения», Томск, ТГУ (г. Томск), X, XI Международная научно-практическая конференция «Лингвистические и культурологические традиции и инновации» (г. Томск), Международная заочная научно-практическая конференция «Актуальные научные вопросы: реальность и перспективы» (г. Тамбов), Ежегодная международная научная конференция «Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики» (г. Екатеринбург), Международная научно-практическая конференция молодых исследователей «Диалог культур в аспекте языка и текста» (г. Красноярск), II Международная конференция «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология» (г. Екатеринбург).

Основные положения работы отражены в 15 публикациях.

Структура диссертации: работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных словарей, списка использованной литературы, списка условных сокращений, пяти приложений.

ГЛАВА 1. ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ И МЕТОДИКИ СОВРЕМЕННЫХ КОГНИТИВНЫХ И ДИАХРОНИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

1.1. Картина мира. Языковая картина мира. Диахронический аспект языковой картины мира

Принципы классификации и группировки понятий (категоризация и концептуализация), способы установления зависимостей между ними отражают определенное представление о мире, некоторую «картину мира». Феномен «картина мира» стал предметом научно-философского направления и лингвистики в относительно недавнее время. Его осмысление, однако, было подготовлено мыслями В. Гумбольдта о существовании особого языкового видения и теорией лингвистической относительности (Б. Уорфа, Э. Сепира и Л. Вайсгербера). Сам термин впервые появился в сфере точных наук применительно к физической картине мира.

Войдя в сферу гуманитарного знания, картина мира стала осознаваться в более широком смысле как «образ мира», «модель мира», «смысловой заместитель базисных компонентов», «сетка координат».

В первой половине XX века (до 60-х гг.) структуралистские идеи «отодвинули» на периферию идеи, изложенные В. фон Гумбольдтом. Проблемы соотношения языка и мышления, языка и культурного, духовного опыта оказались на периферии научной мысли, уступили место структурному изучению языковых фактов на уровне фонетики, морфологии, синтаксиса. Структурализм, максимально приблизив лингвистику к точным наукам, создал жесткие научные рамки, что, с одной стороны, помогало решать многие исследовательские задачи, с другой стороны, жесткое отделение языка от других сфер человеческой деятельности во второй половине XX века стало тормозить развитие лингвистики.

В 70-е годы, как афористично заметил А. Е. Кибрик, языкознание постепенно отошло от «что-лингвистики» к «как-лингвистике» и «почему-лингвистике». Идеи В. Гумбольдта, Э. Сепира, Б. Уорфа, Л. Вайсгербера получают новое осмысление. Язык начинает рассматриваться, в первую очередь, как продукт (и как процесс) человеческой деятельности. В это время понятия «картина мира», «языковая картина мира» становятся принципиально значимыми в таких молодых

лингвистических направлениях, как когнитивная лингвистика, лингвокультурология, этнолингвистика и др. Исследование фрагментов КМ осуществляется на материале языковых данных различного уровня: от синтаксического (даже текстологического) до морфемного.

Изучение ЯКМ в отечественной лингвистике началось с изучения лексики, принципа составления идеографических словарей Ю. Н. Караулова. Поскольку исторически понятие «картина мира» не имело однозначного истолкования, Ю. Н. Караулов (вслед за Г. А. Брутяном и другими философами) предложил вместо неясного по содержанию и конструктивно неопределенного понятия «картина мира» более продуктивное, по его мнению, и поддающееся конструктивному определению понятие «картина мира» как имеющее две разновидности – «концептуальная картина мира» и «языковая картина мира» [Караулов, 1996, с. 267]. Относительно содержательной интерпретации этих понятий Ю. Н. Караулов делает вывод, что основными элементами, составляющими языковую картину мира, являются семантические поля, а «концептуальная модель складывается из единиц более высоких уровней – групп и сверхпонятий, представляющих собой „константы сознания“» [Караулов, 1996, с. 271]. Это определение перекликается с взглядом В. Б. Касевича на «языковую картину мира»: «Есть все основания утверждать, что семантическая система и есть форма существования картины мира: какую другую реальность отражают семантические оппозиции в области грамматики и лексики данного языка, если не представления о мире – т. е. картину мира – его носителей?» [Касевич, 1993, с. 27]. Два вида информации в языке отмечает С. М. Толстая: язык одновременно говорит и о мире, и о понимании, категоризации мира человеком (притом, что широко употребительные понятия – «картина мира», «языковая картина мира», «наивная картина мира» – не имеют общепринятой трактовки, слабо конкретизированы в своем содержании) [Толстая, 2002, с. 115].

Такое структурирование понятия «картина мира» стало наиболее употребительным в отечественной лингвистике. Языковая картина мира (ЯКМ) – это картина мира, моделируемая в языке. Картина мира, или концептуальная картина мира (ККМ), – абстрактная сущность, моделирующаяся через анализ человеческой деятельности, то есть культуры в широком смысле этого слова. Язык,

как известно, – одна из основополагающих культурных составляющих. Языковая картина мира, выражающая концептуальную картину мира, формируется носителями одного языка, то есть коллективным субъектом. Ее наличие предполагает, что она общая для всех носителей языка, иначе коммуникация не была бы возможна. Концептуальная и языковая картины мира различаются тем, что концептуальная картина богаче, так как в ее формировании принимают участие различные типы мышления. Однако обе эти картины взаимосвязаны: язык означает отдельные элементы ККМ и выражает ККМ в логике своей структуры.

В современной лингвистике изучение языковых фактов, как репрезентирующих национальное мировидение, остается очень распространенным. Естественно, что моделирование ЯКМ возможно только теоретически, на практике же объектом исследовательского внимания являются только ее фрагменты. В языке аккумулируются значимые для того или иного народа культурные концепты, эксплицированные в лексических единицах языка. Язык представляет собой субъективную модель объективного мира, иначе говоря, язык антропоцентричен [Сукаленко, 1994]. ЯКМ – это «взятое во всей совокупности, все концептуальное содержание данного языка» [Караулов, 1996, с. 246].

Несмотря на признание большинством ученых научной значимости понятий «концептуальная картина мира» и «языковая картина мира», эти понятия остаются дискуссионными. Дебаты по поводу сущности понятия «языковая картина мира», возможности трактовки ее как единого целого для определенного этноса и относительно способов ее исследования изложены в публикациях А. Я. Шайкевича, В. Ф. Васильевой, А. Т. Кривоносова [Шайкевич, 2005, с. 5–21; Васильева, 2005, с. 22–31; Кривоносов, 2012 с. 279–281]. Мы разделяем точку зрения большинства лингвистов, признающих реальность ЯКМ этноса, фиксирующей в языке представление об окружающем мире с точки зрения своего опыта и в соответствии с особенностями и структурой языка.

В лингвистике различают «наивную» и «научную» КМ. Положения научной картины мира обычно сформулированы в явной форме, в то время как наивная языковая картина мира существует в опосредованной форме, не осознается носителями языка, и ее выявление входит в задачи лингвистов. Если научная КМ максимально близко отражает объективную реальность, то отраженные в языке

наивные представления искажают объективную реальность, при том что они отнюдь не примитивны: во многих случаях они не менее сложны и интересны, чем научные [Апресян, 1995, т. 2; с. 39]. К выводу о невозможности адекватного отражения мира ЯКМ приходит и О. А. Корнилов: «Язык выражает человеческое сознание, имеющее несколько компонентов: логико-понятийный, сенсорно-рецептивный, эмоционально-оценочный, нравственно-ценностный, мифологический». Таким образом, «в человеческом сознании объективный мир не отражается зеркально (и сознание не стремится к этому), а преломляется, превращаясь в форму особого вида» [Корнилов, 2003, с. 99].

Определение ЯКМ получило в отечественной лингвистике и подробную онтологическую характеристику:

1) наличие **имен концептов** (в случае, если концептуализируемая область осмыслена в языковом сознании и получает однословное обозначение; концептуализация действительности осуществляется как обозначение, выражение и описание),

2) **неравномерная концептуализация** разных фрагментов действительности в зависимости от их важности для жизни соответствующего этноса («проявляется в виде номинативной плотности – одни явления действительности получают детальное и множественное однословное наименование, <...> между лексическими и фразеологическими выражениями соответствующих концептов устанавливаются различные системные отношения, уточнения, сходства и различия, в то время, как другие явления обозначаются общим недифференцированным знаком»),

3) **специфическая комбинаторика** ассоциативных признаков, выделяемых у различных концептов (связана с различной практикой освоения действительности),

4) **специфическая квалификация** определенных предметных областей (объясняется культурными доминантами поведения, исторически закрепленными ценностными ориентациями, принятыми в соответствующей лингвокультуре),

5) **специфическая ориентация** этих областей на ту или иную сферу общения (определенные смысловые образования оцениваются в той или иной

лингвокультуре как относящиеся к высокому, либо нейтральному, либо сниженному регистру общения) [Карасик, 2002, с. 91–93].

ЯКМ, как правило, отражает опыт восприятия действительности, сложившийся в предшествующие периоды развития языка в определенной языковой общности. В связи с тем, что язык чутко реагирует на изменения в обществе, ЯКМ динамична, она изменяется во времени, и её изменения – это отражение изменяющегося мира, появление новых реалий, а не стремление к идентичности с научной картиной мира [Попова, 2001, с. 68; Корнилов, 2003, с. 15]. Эта динамичность ЯКМ создает трудность при выделении для анализа синхронных срезов, служащих базой для сравнения. Функционирующая система языка любой эпохи представляет собой систему норм различной временной глубины. Вслед за Р. Якобсоном принято считать, что каждое совершившееся изменение в языке является в первую очередь принадлежностью синхронии. Старые и новые явления сосуществуют в рамках одного кода как составные части двух взаимодополнительных субкодов [Барнет, 1978, с. 136].

Картина мира находит отражение уже в самом факте именовании того или иного объекта действительности отдельным языковым знаком, при этом «информация о мире, извлекаемая из внутренней формы слова, по своему содержанию ограничена ответом на вопрос, какой мотивационный признак положен в основу номинации (тем самым – какие два объекта сближены в акте номинации). По-видимому, гораздо больше информации о мире (ментальном и реальном) может быть извлечено при обращении к собственно мотивам номинации, т. е. к вопросу о том, почему тот или иной признак выбран в качестве основы номинации» [Толстая, 2002, с. 116]. Неоднократно к вопросу об эффективности изучения языковой картины мира через анализ лексического состава языка по лексико-семантическим полям обращалась Ж. Ж. Варбот, отмечавшая перспективность сочетания словообразовательно-этимологического (гнездового) и собственно исторического аспектов при мотивационном анализе лексико-семантических полей как составляющих языковой картины мира [Варбот, 2003; Варбот, 2008, с. 84–85; Варбот, 2013, с. 53–54]. В связи с тем, что для реконструкции представлений этноса о мире на разных этапах истории особенно

важно диахроническое исследование лексики, изменения значений, принципов номинации, следует обращать внимание на то, что ЯКМ является синхронным соединением разновременных восприятий и толкований окружающего мира в языке, в связи с этим Ж. Ж. Варбот предлагает «дифференцировать понятия „языковая картина мира“ (= синхронное соединение разновременных восприятий и толкований, отраженных в языке) и „картина мира“ (= представление о мире, духовная культура этноса в определенный хронологический период) [Варбот, 2003, с. 343–347].

Таким образом, реконструкция ЯКМ составляет одну из важнейших задач современной лингвистической семантики в силу того, что в основе ЯКМ лежат особенности социального и трудового опыта каждого народа, которые находят свое выражение в различиях лексической и грамматической номинации явлений и процессов, в сочетаемости тех или иных значений, в их этимологии (выбор первоначального признака при номинации и образовании значения слова) и т. д. Социальный и трудовой опыт носителей языка исторически изменчив, в силу чего исторически неоднородная информация «адсорбируется» языковыми единицами. Диахронический анализ позволяет увидеть разные слои историко-культурной детерминации языковых знаков и, соответственно, выйти в историю материальной и духовной культуры носителей языка. В языке закрепляется все разнообразие творческой познавательной деятельности человека, состоящей в том, что он каждый раз выбирает и закрепляет одно из бесчисленных свойств предметов и явлений и их связей [Колшанский, 1990, с. 33]. Для нашего исследования, выясняющего национальные исторические особенности концептуализации понятия «чистота» в немецком и английском языках принципиально важен именно подход к исследованию ЯКМ через семантическую систему языка, представленную, в частности, в семантических полях множества ЛСП, диахронный аспект ЯКМ, особенности категоризации и концептуализации как способа исследования ЯКМ носителей языка.

1.2. Категоризация и концептуализация в исследовании языковой картины мира

Категоризация и концептуализация – это единый процесс: не может быть концептуализации без категоризации в силу того, что «концепты складываются в процессе категоризации» [Кубрякова, 2002, с. 11], и наоборот – категоризация опирается на уже сложившиеся концепты.

Категоризация – в узком смысле – подведение явления, объекта, процесса и т.п. под определенную рубрику опыта, категорию и признание его членом этой категории, в более широком смысле – процесс образования и выделения самих категорий, членения внешнего и внутреннего мира человека сообразно сущностным характеристикам его функционирования и бытия, упорядоченное представление разнообразных явлений через сведение их к меньшему числу разрядов или объединений и т.п., а также – результат классификационной деятельности человеческого сознания [Краткий словарь ... , 1996, с. 42]. Концептуализацию принято толковать как «один из важнейших процессов познавательной деятельности человека, заключающийся в осмыслении поступающей к нему информации и приводящей к образованию концептов, концептуальных структур и концептуальной системы в мозгу (психике) человека» или, даже, как «некоторый „сквозной“ для разных форм познания процесс структуризации знаний и возникновения разных структур представления знаний из неких минимальных концептуальных единиц» [Краткий словарь когнитивных терминов, 1996, с. 93].

Процесс концептуализации тесно связан с процессом категоризации: являя собой классификационную деятельность, они, вместе с тем, различаются по конечному результату и/или цели деятельности. Концептуализация направлена на выделение неких минимальных единиц человеческого опыта в их идеальном содержательном представлении, а категоризация – на объединение единиц, проявляющих в том или ином отношении сходство или характеризующихся как тождественные, в более крупные разряды [Краткий словарь ... , 1996, с. 93]. Различие это носит онтологический характер и обусловлено, вероятно, тем, что в механизме этих процессов задействованы разные типы мышления и разные этапы познавательного процесса.

Одна из основных задач современной когнитивной лингвистики заключается в создании общей интегрированной теории репрезентации знаний в языке или когнитивной теории языка, чтобы она «объединяла бы три аспекта знаний, которые отражает язык: репрезентативный (концептуализация и категоризация), семиотический и интерпретационный» [Болдырев, 2013, с. 12].

В силу того, что концептуализация признается процессом познавательной деятельности человека, в ходе которого знание структурируется основными его единицами – концептами, понимание концептуализации зависит от того, как определяется **концепт**.

Время формирования понятия «концепт» и его отмежевания от «понятия» обозначила Е. С. Кубрякова, связав этот факт с именем Р. И. Павлениса и выходом в свет книги «Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира». Логико-философская концепция Р. И. Павлениса под концептом понимает смысл без своей «языковой привязки», невербализованные и только ищущие своего наречения в языке, и только в нем найдущие языковую форму своего представления. В работе Р. И. Павлениса дается философское осмысление такого свойства концепта, как способность к изменчивости в сознании носителей языка, а взаимодействие концептов друг с другом приводит к их видоизменениям [Павленис, 1983; Кубрякова, 2007]. Еще в 1988 г. в книге «Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира» дано первое объяснение термина концепт: «Концепт мы трактуем расширительно, подводя под это обозначение разносубстратные единицы оперативного сознания, какими являются представления, образы, понятия. В своей совокупности все такие концепты объединяются в единую систему, называемую нами „концептуальной системой“ или „концептуальной моделью мира“ <...>. Использование в нашей работе термина „концепт“ вместо более привычного „понятие“ далеко не случайно и отражает попытку разграничить их. Мы полагаем, что указанные термины характеризуют разные аспекты человеческого сознания и мышления» [Кубрякова, 1988]. Таким образом, распространение термина «концепт» началось примерно за десятилетие до того, как в отечественной лингвистике стало ощутимым влияние когнитивизма.

В современной когнитивно ориентированной лингвистике концепт употребляется «в качестве родового понятия для всех образований,

структурирующих ментальное содержание (концептосферы, ментальные пространства, когнитивные поля) <...>, хотя больше на эту роль подошел бы термин „представление“ (или „фрейм“), ибо термин „концепт“ употребляется еще и как синоним термина „понятие“ (в соответствии с его этимологией)» [Васильев 2009, с. 176]. Концепт, признаваясь ключевым элементом картины мира и базовым понятием когнитивной лингвистики, до сих пор не имеет общепринятого определения. Концепт понимается и как «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Краткий словарь ..., 1996, с. 90], и как семантический признак (или маркер) [Там же, с. 90], и как значение языкового выражения [Там же, с. 92], или смысл [Кубрякова, 2008, с. 8], и как «сгусток культуры в сознании человека» [Степанов, 1997, с. 40].

Существующие в лингвистике определения концепта группируются применительно к двум подходам – лингвокогнитивному и лингвокультурологическому.

При **лингвокогнитивном подходе** под концептом понимается оперативная мыслительная единица различной степени абстракции (фреймы, сценарии, представления, схемы), это способ и результат квантификации и категоризации знания, так как его объектом являются ментальные сущности признакового характера, образование которых в значительной мере определяется формой абстрагирования (Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, А. Б. Соломоник, З. Д. Попова, И. А. Стернин и др.).

Лингвокультурологический подход был заложен двумя исследователями – С. А. Аскольдовым-Алексеевым и Д. С. Лихачевым. Внимание Аскольдов-Алексеев уделял по большей части художественным концептам, под которыми он понимал «мыслимое образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [Аскольдов, 1997, с. 267]. Д. С. Лихачева интересовала больше культурная составляющая концепта: он полагал, что концепт содержит в себе культурный опыт нации и индивида в целом, что концепт имеет как объективные черты, так и субъективные, его образование и развитие зависят от культурной значимости того или иного явления или предмета действительности. Оба ученых сходятся во мнении, что начинать

анализ концепта следует от слова (концепт соотносится не с самим словом, а с его значениями) к культурной составляющей [Лихачев, 1997, с. 282].

Такое понимание концепта подхватили и начали развивать в своих работах Н. Д. Арутюнова, С. Г. Воркачев, В. И. Карасик, В. В. Красных, Г. Г. Слышкин, Ю. С. Степанов, В. Н. Телия и др. Основными проблемами, решаемыми в рамках данного подхода, являются критерии выделения культурных концептов, их специфика, проблема выделения ценности и значимости такого рода концептов и проч. Главным критерием выделения культурных концептов ученые выдвинули ценность и языковое выражение, что сузило круг исследуемых концептов. Например, Ю. С. Степанов выделяет порядка 70 культурных концептов.

Одним из дискуссионных вопросов в лингвокультурологическом и лингвокогнитивном подходах остается вопрос о структуре и типологии концептов. Структура концепта как результат постоянного взаимодействия концептуализации и категоризации представляется состоящей из двух сторон (частей): образной (эмпирической) и логической (рациональной), при этом в конкретных концептах преобладает образная часть, в абстрактных – логическая [Васильев, 2009, с. 179]; по другому определению структуры концепта – это «многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны» [Карасик, 2004, с. 91]. Разработанная типология концептов выделяет такие их типы, как конкретно-чувственные образы, представления, гештальты, сценарии (скрипты), фреймы, инсайты, схемы, понятия, пропозиции, прототипы, оценки и др. [Бабушкин, 1998, с. 12–15; Попова, 2001, с. 72–74; Болдырев, 2001, с. 36–38; Кубрякова, 2002, с. 7–11].

Относительно устройства концептов установилось мнение, что концепты устроены прототипически, т. е. неравномерно, по принципу центр-периферия, что обусловлено тем, что в когнитивной деятельности необходима структурная стабильность и гибкая приспособляемость (Л. М. Васильев со ссылкой на Е. В. Рахилину) [Васильев, 2009, с. 181; Рахилина, 2000, с. 354]. При полевым подходе в концепте выделяют ядро и периферию. Ядро концепта включает в себе главный прототипический элемент смысла, отличающийся наличием максимального количества характерных признаков концепта. Периферию составляют элементы с меньшей степенью выраженности характерных признаков

концепта. Отличительной особенностью полевого строения концепта является его способность к изменчивости: периферийные компоненты одного концепта (как и его признаки) могут выступать в роли ядерных элементов другого концепта. Такая гибкая структура концепта позволяет концепту эволюционировать [Алефиренко, 2005, с. 148]. В силу того, что современное диахроническое исследование строится через анализ особенностей системных отношений анализируемых фактов языка на исторически разных синхронных срезах, то полевой подход к анализу концепта актуален и для нашей работы.

Наряду с полевой организацией концепта выделяют и уровневую. Историко-культурному уровневому моделированию концептов особое внимание уделяет Ю. С. Степанов. Он представляет структуру концепта в виде трех уровней (слоев): 1) основной/актуальный слой; 2) дополнительный/пассивный (один или несколько), или же исторический; 3) внутренний/этимологический (обычно запечатленный во внешней, словесной форме) [Степанов, 1997, с. 44]. Актуальный слой концепта осознается всеми носителями того или иного языка. Дополнительный слой (или слои) актуален лишь для некоторых социальных групп. Чаще всего этот пассивный слой концепта люди используют при общении в рамках своей социальной группы, не перенося его в другие группы. Внутренний слой концепта открывается лишь исследователям и исследователями. Но это не значит, что для пользующихся данным языком этот слой содержания концепта вообще не существует. Он существует для них опосредованно, как основа, на которой возникли и держатся остальные слои значений [Степанов, 1997, с. 45]. Таким образом, концепт у Ю. С. Степанова представляет собой наложение культуры разных исторических периодов. Исследование концепта происходит путем анализа каждого из уровней. Такое определение согласуется с мнением тех лингвистов, которые актуализируют проблему диахронического аспекта языковой картины мира (напр., О. Н. Трубачев, Ж. Ж. Варбот и др.).

Соглашаясь с мнением Н. Ф. Алефиренко, что «этапы развития концепта генетически связаны с формированием смыслового содержания основных макрокомпонентов семантической структуры слова» [Алефиренко, 2005, с. 148], мы в своей работе попытались применить аппарат современного диахронического исследования языковых единиц, при этом рассматриваем представленность в языке

преимущественно понятийной части концепта и – можно сказать, вынужденно, под давлением материала – оценочную его составляющую. В результате анализа разноаспектных характеристик концепта полагаем, что определение концепта должно совмещать основные из них: *концепт представляет собой многомерную лингвоментальную сущность и – как результат отражения действительности в сознании человека – обладает сложной структурой, языковая составляющая которого имеет диахронный и синхронный уровни, отмечена этно- и социокультурной спецификой.*

В нашей работе анализируется признаковый концепт. Именно такой концепт значим своей когнитивной, категоризирующей, функцией, вследствие того, «признак не столько „принадлежит“ объекту, сколько „задается“ человеком; это та сторона познаваемого объекта, которая выделена познающим субъектом в качестве релевантной и как бы отторгнута от объекта; это инструмент, с помощью которого человек идентифицирует и сравнивает объекты» [Толстая, 2002, с. 9]. Концепт «Чистый» является собственно признаковым, выражает признак «состояние», признак непостоянный, изменчивый. Как и другие подобные концепты, он маркирует не классы изофункциональных объектов, а сам признаковый концепт [Толстая, 2002, с. 13]. Признак, выражаемый концептом «Чистый», тесно связан с культурной семантикой и, соответственно, с оценкой.

При изучении системы признаков и их значений необходимым является определение денотативной области признака (зоны его референции, области объектов, к которым он может относиться). В отношении этого параметра признак «чистый» специфичен, соотносится с неограниченной (открытой) денотативной областью, соответственно концепт чистоты не имеет однозначного предметного выражения. Языковая реализация этого концепта – прилагательное *чистый* в русском языке, как и аналогичные прилагательные немецкого и английского языков, – по способу выражения в их дефинициях денотативной отнесенности попадают в категорию лексем-экслюдеров (об этом ниже, в 2.1.1.).

1.3. Роль инокультурных концептов в формировании национальной картины мира

Теоретический интерес к проблеме языковых и культурных контактов появился еще на относительно ранних этапах развития лингвистики. Так, например, можно вспомнить теорию волн И. Шмидта, в которой утверждается, что географически ближе расположенные друг к другу языки имеют между собой больше сходства, чем языки далеко отстоящие.

Не вызывает сомнения тот факт, что существование любой этнической культуры неизбежно происходит в условиях контакта (прямого или опосредованного) с другими культурами. Явление культурного обмена исследуется этнографами, археологами, историками, культурологами, лингвистами. Методологическую схему анализа диалога культур предложил Ю. М. Лотман [Лотман, 1989], который, основываясь на положении, что развитие этнической культуры – это неперенное сочетание внутренних механизмов развития и внешних «влияний», выделил следующие черты культурного диалога:

1) Перемежающаяся активность его участников, но и роль донора, и роль реципиента предполагает активность;

2) Выработка общего языка (в широком семиотическом значении понятия «язык»), которая проходит через несколько этапов, на заключительном этапе заимствованное «трансформируется на основе исконного семиотического субстрата „принимającego“. Чужое становится своим, трансформируясь и часто коренным образом меняя свой облик» [Лотман, 1992, с. 122];

3) Нарастание неприязни к культуре-донору из-за навязывания ею позиции доминирования;

4) Асимметричность партнерства в диалоге [Лотман, 1992].

Эта предложенная Ю. М. Лотманом методологическая схема, выявляемая при анализе диалога культур, ясно просматривалась и в нашем исследовании (активность и роли донора, и роли реципиента, выработка общей структуры понятия, подвергшегося инокультурной «атаке», асимметричность партнерства в диалоге), о чем мы скажем конкретнее в выводах после анализа нашего материала.

В настоящее время в лингвистике утвердилась тенденция рассматривать языковое взаимодействие как концептуальное взаимодействие в диалоге культур,

проблеме заимствований посвящено множество работ ученых-лингвистов, особое внимание уделяется заимствованию инокультурных концептов (Н. Ф. Алефиренко, А. П. Бабушкин, Н. Н. Болдырев, А. Вежбицкая, В. И. Карасик, Е. С. Кубрякова, З. Д. Попова, Ю. С. Степанов, И. А. Стернин и др.). Исследованием инокультурных концептов занимаются комплексно в виду того, что инокультурные концепты являются объектом исследования лингвокультурологии, когнитивной лингвистики и психолингвистики. На исследование процесса взаимодействия лингвокультур (контактов, взаимообогащения, объединения) направлены лингвоконтактология, теория межкультурной коммуникации, кросс-культурный анализ. И, тем не менее, в силу существующей разноголосицы в определении понятия «концепт», его характеристик, методов реконструкции, значительных успехов в этом направлении еще не наблюдается.

Похоже, что современные исследования инокультурных концептов на конкретном материале, обобщение представления об этом явлении на уровне классификаций только «нащупывают» специфику подхода к языковому взаимодействию как концептуальному взаимодействию в диалоге культур. Так, в известной классификации заимствованных концептов В. И. Карасика основанием классификации взяты параметры «ценностные или этнокультурные признаки». И первые три типа таковых концептов соотносятся с типами выделения заимствованной лексики Л. П. Крысина: *нулевые* или *пустые концепты* (аналог *варваризмы*), *квази-концепты*, которые не могут претендовать на собственно концепты, поскольку за ними не стоят ценностные или этнокультурные признаки (например: *сканер*, *винд-серфинг*) и *паразитарные концепты*, которые близки нулевым, но, в отличие от нулевых, у них имеется «претензия» на дополнительный смысл или даже реальное своеобразие в денотативной сфере (*сэкондхэнд*). Четвертый тип, по мнению автора классификации, оказывающий наиболее сильное влияние на языковую картину мира заимствующего языка, – это *чужие частнооценочные концепты*. Именно такого рода концепты фиксируют ценности чужой культуры, которые отсутствуют в заимствующей, например: *ноу-хау*, *спонсор*, *пиар* [Карасик, 2004, с. 212–214]. Исходя из нашего материала и его анализа, нам близко именно такое представление (четвертый тип) об инокультурном концепте. Имеющиеся классификации инокультурных концептов

последователей В. И. Карасика (напр., А. М. Дальхеевой, Т. Б. Новиковой [Дальхеева, 2009; Новикова, 2005, с. 5]) не представляются значимыми для нашей работы. В целом же проработанность проблемы влияния инокультурных концептов принципиальна для нашего исследования: мы столкнулись в работе с вхождением одних и тех же концептов в разные инокультурные культуры (немецкую и английскую) при общих одинаковых причинах (источниках) культурного влияния (христианизация, влияние французской культуры), но с неодинаковым результатом.

Таким образом, в когнитивной проблематике современной лингвистики нас интересуют, касаются нашей темы, несколько конкретных вопросов: языковая картина мира и ее диахронический аспект, определение концепта как лингвоментальной сущности, структурирование его (понятийная, ценностная и образная составляющие), роль инокультурного влияния в становлении национальной концептосферы (более узко: взаимодействие языковых и внеязыковых условий и причины разной глубины их влияния) и, конечно же, вопрос о концептуальном анализе, о котором будем говорить далее.

1.4. Концептуальный анализ: задачи, проблемы

Основным методом исследования концептов принято считать концептуальный анализ (далее – КА). КА направлен «на установление концептуальной структуры, которая стоит за рассматриваемой языковой формой [Кубрякова, 2007, с. 13]. В когнитивной лингвистике в настоящее время наметилось два основных направления, которые разрабатывают две типологии единиц, образующих концептуальную систему. Первое направление изучает различные способы конфигурации (форматы) концептуального содержания: образные схемы, когнитивные модели, фреймы, сценарии, матрицы, категории и другие (см. Филлмор, 1988; Дж. Лакофф, 1990; Минский, 1978; Кубрякова, 1992, 1994; Болдырев, 2006). Второе направление связано с изучением содержательной специфики и области применения единиц концептуальной системы. В рамках этого направления выделяются культурные, этнические, языковые концепты, отражающие различные типы знания о реалиях окружающей среды, о внутреннем мире человека, собственно языковые знания (см. Бабушкин, 1996; Степанов, 1997;

Болдырев, 2000, 2001; Карасик, 2002 и др.). Исходным общим положением для обоих направлений является следование за «Кратким словарем когнитивных терминов» (1996) в определении концепта как оперативной содержательной единицы сознания, которая выполняет функцию хранения и передачи знаний об окружающем мире и языке.

Концептуальный анализ в отечественной лингвокогнитивистике обнаруживает достаточно широкое расхождение во взглядах и определениях концепта и самого концептуального анализа. Сторонники КА объединены общей целью, а пути ее достижения оказываются весьма разнообразными.

В рамках тех исследовательских направлений, в которых используется КА, Е. С. Кубрякова выделяет следующие:

1. **Лексикографическое направление** представлено в работах А. Вежбицкой и Л. Г. Бабенко [Вежбицкая, 2001].

2. Значительное число последователей имеет так называемый **логический анализ языка**. Начиная с 1986 г. приступает к работе проблемная группа «Логический анализ языка» (ЛАЯз). Представителями данной школы являются Н. Д. Арутюнова, В. А. Смирнов, Н. К. Рябцева, Т. Е. Янко, Н. Ф. Спиридонова и др.

Вследствие того, что эти направления хорошо известны в лингвистике, остановимся на третьем направлении, менее известном и более близком нашей теме.

3. Концепцию **культурологически-семиологического** направления изложил Ю. С. Степанов в своей работе «Константы. Словарь русской культуры», понимающий под концептом «сгусток культурной среды в сознании человека» [Степанов, 1997.]. Это направление характеризует ярко выраженный семиотический подход к исследованию материала. Ю. С. Степанов, исследуя языковые средства, старается представить данный концепт не только лингвистически, но и включить его в широкий ряд объектов культуры (ср. его определение концепта, как «сгустка культурной среды в сознании человека») [Степанов, 1997, с. 40]. Ю. С. Степанов опирается на теорию эволюционных рядов Тайлора. В своих работах он их называет эволюционными семиотическими рядами [Степанов, 2001, с. 603–612]. Исходя из того, что лингвистическое исследование

должно сочетаться с фактами культуры, Ю. С. Степанов при исследовании концепта, с одной стороны, прибегает к лексическому анализу, а с другой стороны стремится включить концепт в эволюционные семиотические ряды. Об этом он пишет в своей книге «Константы. Словарь русской культуры»: «Поскольку концепт имеет „слоистое“ строение и разные слои являются результатом, „осадком“ культурной жизни разных эпох, то с самого начала следует допустить, что и метод изучения окажется не одним, а совокупностью нескольких различных методов» [Степанов, 1997, с. 46].

Относительно содержания метода концептуального анализа Е. С. Кубрякова полагает, что в состав КА входит использование ряда приемов, которые она располагает по определенной иерархии: «На самом „низком“ уровне в ней находится **компонентный анализ**, заключающийся в обнаружении минимальных единиц, из которых складывается изучаемая форма <...>, ступенью выше располагается **дефиниционный анализ**, осуществляемый по традиции на основе лексикографических изданий». Далее идет **поиск структур знания**, стоящих за изучаемой языковой формой, и, наконец, «самую высокую ступень образует здесь концептуальный анализ, осуществляемый путем обобщения результатов анализа когнитивного». Иначе говоря, КА завершает задачи описания семантики языковой формы на абстрактных уровнях ее бытия [Кубрякова, 2007, с. 15–16].

Недавний по времени вариант концептуального анализа (2007) – это предложенный Н. Н. Болдыревым концептуально-таксономический анализ, который определяется автором как «система приемов исследования иерархической организации лингвистических объектов с учетом концептуальной иерархии, т. е. иерархии концептов, передаваемых этими лингвистическими объектами» [Болдырев, 2009, с. 51]. Структура этого метода, по мнению автора, «объединяет в единой системе следующие приемы лингвокогнитивного анализа: 1) разграничение концептов базового, суперординатного и субординатного уровней категориальной иерархии, 2) выявление основных характеристик концептов каждого уровня, 3) поуровневое распределение языковых средств и на его основе, 4) таксономическое моделирование лексической подсистемы языковых единиц, репрезентирующих данную концептуальную область (концептуально-

таксономическое моделирование), 5) верификация языковой таксономической модели на функциональном уровне» [Болдырев, 2009, с. 51].

Подводя итоги Круглого стола «Концептуальный анализ языка: современные направления исследования» (2007), Е. С. Кубрякова говорит о положительных моментах в лингвокогнитивном направлении исследований языка: «Мне кажется, что направление КА, представленное в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы знания, уже может гордиться результатами своей деятельности и в области исследования языковых категорий в грамматике, и в области анализа пространственной категоризации мира, и в сферах словообразования и терминоведения и, наконец, при анализе отдельных концептов» [Кубрякова, 2007, с. 14].

Направления КА разнообразны, и как новые направления они имеют и слабые стороны, чем вызывают критику, несмотря на то, что цели, которые ставит этот анализ, большинство лингвистов считает актуальными. Критика когнитивного направления ведется с двух разных позиций: «С одной стороны, часть когнитологов придает чрезмерное значение данным непосредственного чувственного восприятия, считая главными познавательными процессами те, что связаны с категоризацией или же с концептуализацией сенсорного опыта человека. С другой стороны, гипостазируя роль „машинного мышления“ и формализации оперативных данных, когнитологи менее обращают внимание на рациональное, но не строго логическое мышление обычного человека с его простым здравым смыслом» [Краткий словарь ... , 1996, с. 96]. Критики отмечают в когнитивной лингвистике излишний формализм, отсутствие исторических и культурных сведений [Lieb, 1987; Searle, 1992; Kirkeby, 1994; Eckardt, 1993]. Известный лингвист В. Б. Касевич, отмечая позитивность вклада когнитивистов в области семантики, ставит вопрос о достаточности этого для того, чтобы провозгласить появление «новой лингвистики». И дает следующий ответ на этот вопрос: «Думается, уместнее утверждать, что разработанные подходы и результаты обогащают языкознание, но никак не создают ни нового объекта (точнее, предмета) исследования, ни даже нового метода. Прежде всего, конечно, можно говорить об обогащении психолингвистики...» [Касевич, 1998, с. 14–21].

Конкретная реализация метода концептуального анализа не особенно радует результатами, судя по оценке ведущих специалистов этого направления: «Мы сталкиваемся с огромным числом публикаций, в которых не определены ни конкретные цели КА, ни методика его осуществления» [Кубрякова, 2007, С. 8]. По итогам проведенного Круглого стола (2007), посвященного современным направлениям концептуального анализа, сделан, во-первых, вывод о необходимости ввести термины «концепт» и «концептуальный анализ» в более жесткие рамки и более строго подходить в любом научном исследовании к формулировкам их исходных допущений и/или их теоретических предпосылок. И второй вывод о том, что «до сих пор остается при этом не эксплицированным и то, чем отличается КА от традиционного семантического или компонентного, или, наконец, когнитивного» [Кубрякова, 2007, С. 8, 16].

Размыванию грани между концептуальным анализом и собственно лексикологическим анализом способствует и принятое – вслед за «Кратким словарем когнитивных терминов» – определение концептуального анализа как системы процедур, направленных на выявление концептуальной системы человека, отраженной в языке, или как системы процедур, направленных на выявление принципов концептуализации человеком действительности в процессе номинативной и речевой деятельности [Краткий словарь ... , 1996, С. 90, 93]. Понятие же «системы процедур», позволяющей провести концептуализацию языкового явления, не комментируется, не раскрывается. Концептуализация понимается как выявление членения действительности, отраженного в языковой системе того или иного языка, и, соответственно, концепт понимается как условная ментальная единица, вербализованный культурный смысл [Воркачев, 2007, с. 10]. Иначе говоря, концепт определяется как максимально обобщенный конструкт, вербализуемый множеством языковых средств. При таком понимании концептуализации и концепта, при неясности «системы процедур» концептуализации, методика проведения концептуализации сближается с методикой выделения семантических полей в структурной лингвистике, отличаясь лишь тем, что при конструировании концепта предполагается привлечение максимально полной лингвистической информации, связанной по ассоциации с центральным элементом поля (концепта).

Из-за отсутствия последовательной методики концептуального анализа и отработанной системы процедур такого анализа складывается «впечатление, что во многих случаях концептуальный анализ осуществляется *на интуитивном уровне, что делает получаемые результаты невозпроизводимыми*» [Беляевская, 2007, с. 62].

Подчеркивая особую актуальность разработки последовательной методики концептуального анализа, Е. Г. Беляевская, например, ставит вопрос: не есть ли концептуальный анализ модификационная версия методов структурной лингвистики? В ответе на этот вопрос она предлагает исходить в понимании концепта из того, что концепт как условная ментальная единица является составным элементом концептуальных структур, лежащих в основе семантики языковых и речевых единиц и, следовательно, смысловое содержание языковой единицы определяется как двухуровневая структура (М. Бирвиш и др.). Внешний (поверхностный) уровень такой структуры соотносится с семантикой языковой единицы, глубинный же уровень – с концептуальной структурой, своеобразным «скелетом» семантики языковой/речевой единицы, который дифференцирует признаки обозначаемого по степени важности, определяет его национально-культурную специфику. Результатом анализа на глубинном уровне может выступать как концептуальная схема (структура, состоящая из мелких, элементарных, концептов), так и неделимая на более мелкие составляющие образ-схема [Беляевская, 2007, с. 64].

Отвечая на поставленный вопрос (не является ли концептуальный анализ модификацией методов структурной лингвистики?), Е. Г. Беляевская отмечает, что если исходить из того, что концептуальные структуры (основание семантики языковых единиц) состоят из некоторого числа более мелких ментальных конструкторов, то такого рода мини-концепты можно назвать базовыми концептами, и в этом случае можно говорить об определенной корреляции между компонентным и концептуальным анализом («минимальные составляющие концептуальных схем очень напоминают семы») [Беляевская, 2007, с. 65]. Но эта корреляция двух видов анализа не предполагает их отождествления, поскольку «глубинная, концептуальная, структура, естественно, коррелирует с внешней,

собственно семантической составляющей смыслового содержания единицы, но существенным образом отличается от нее» [Беляевская, 2007, с. 66].

Таким образом, с учетом неоднозначности подходов к определению понятия «концептуальный анализ» теоретическим основанием нашей рабочей гипотезы относительно представления эволюции концепта «Чистый» стало высказанное в ряде статей предположение Л. П. Дроновой, о возможности и необходимости использования историко-лексикологического (с его приемами структурного анализа) и этимологического видов анализа в качестве первого этапа концептуального анализа (анализа «поверхностной» семантики), анализа, нацеленного на установление (восстановление) «глубинной» семантики, особенностей эволюции концепта [Дронова, 2013]. То есть, речь идет о возможности и необходимости использовать методический аппарат современного диахронического исследования (опирающийся на интегрированный метод) в концептуальном анализе при определении эволюции концепта. Теоретически это положение естественным образом вписывается в известное определение методов семантико-когнитивного подхода к языку, исходящего из того, что когнитивная лингвистика «делает выводы о типах и содержании концептов в сознании человека на основе применения к языку имеющихся в распоряжении лингвистики собственно лингвистических методов анализа с последующей когнитивной интерпретацией результатов исследования. Лингвистические методы, используемые для описания лексической и грамматической семантики языковых единиц, становятся *методами* лингвокогнитивного исследования» [Попова, 2005, с. 7]. Такое определение метода совершенно естественно, логично, учитывая, что когнитивная лингвистика позиционируется как разновидность особого (когнитивного) интерпретирующего подхода к анализу языка.

Такой взгляд на соотношение традиционных (но претерпевающих развитие, «осовремененных») лингвистических методов и концептуального анализа дает основание несколько иначе оценивать соотношение их успехов: «Круг концептуального анализа постоянно расширяется, охватывая целые тематические разряды лексики, т. е. количество концептов растет геометрически. И невольно возникает опасение, что тем самым размывается грань между концептуальным анализом и собственно лексикологией. Может быть, для лексикологии быть

пропущенной через когнитивное осмысление означает повышение ее научного ранга, но для концептуального анализа это определенно девальвация» [Кубрякова, 2007, с. 5–6]. Вероятно, все же речь должна идти скорее о грамотности, корректности любого этапа анализа: чем лучше, глубже, будет проанализирована «поверхностная» семантика, тем более аргументированной будет когнитивная интерпретация. «Принципиальное различие концептуального анализа как с компонентным анализом, так и с этимологическим анализом одно и то же: они отличаются задачами анализа, ожидаемыми результатами и проводятся на разных уровнях (глубине) содержательной стороны языковой единицы» [Дронова, 2013, с. 24].

Таким образом, принимая во внимание существующую неоднозначность определения понятия «концептуальный анализ» и отсутствие методики представления концепта в развитии, теоретическим основанием нашей рабочей гипотезы мы берем высказанное в ряде статей предположение Л. П. Дроновой о возможности и необходимости использовать историко-лексикологический (с его приемами структурного анализа) и этимологический виды анализа в качестве первого этапа концептуального анализа (анализа «поверхностной» семантики).

1.5. Современный диахронический анализ

1.5.1. Проблема метода, совершенствование приемов реконструкции

Диахронический анализ предполагает опору на сравнительно-исторический метод и соотносится с проблематикой компаративистики. Под компаративистикой (генетическим сравнительно-историческим языкознанием) понимается «одна из трех, вместе с типологией и ареальной лингвистикой, фундаментальных дисциплин, изучающих одну и ту же описательную языковую базу под своим специфическим углом зрения и, тем самым, создающих свой особый предмет исследования» [Климов, 1990]. По мнению одного из ведущих специалистов в области компаративистики и лингвистической типологии Г. А. Климова, методика сравнительно-исторического языкознания «представляет собой большую совокупность методов и конкретных приемов изучения истории родственных языков: <...> а) метод генетического отождествления фактов, б) метод обоснования языкового родства, в) метод реконструкции архетипов (праформ), г) метод

хронологизации и локализации явлений, д) метод генетической группировки языков [Климов, 1990, с. 9]. По мнению других, названные методы – приемы единого сравнительно-исторического метода.

В сравнительно-историческом языкознании особо значимое место, естественно, занимает положение о соблюдении принципа историзма при анализе языковых фактов. Истории компаративистики известны различные антиисторические концепции, в которых не был соблюден принцип историзма. Сюда можно отнести младограмматиков, отчетливо не понимавших сущности языкового развития. Они признавали примат «фактов внешней хронологии языковых явлений перед свидетельствами их внутренней хронологии <...>, интерес к языку как таковому, а не как к средству истолкования истории языковой семьи, фактическое сведение всего богатства объективных закономерностей языкового развития к понятиям фонетического закона и морфологического выравнивания» [Климов, 1990, с. 10–11]. «Подлинный историзм связан с определением последовательности способов моделирования окружающего мира» [Топоров, 1960, с. 50]. Исходя из вышеизложенного, справедливым представляется утверждение Ю. Н. Караулова, согласно которому историзм стал в современном языкознании мерой научности лингвистического построения [Караулов, 1986, с. 85].

Решающую роль в длительном пути к пониманию задач и методов современной компаративистики как науки, направленной на раскрытие закономерностей исторического развития родственных языков, сыграли работы А. Мейе, в одной из которых он сообщает, что компаративисты слишком долго не замечали «необходимости проследить кривую развития каждого из языков семьи на всем ее протяжении от индоевропейского состояния до современной эпохи. Компаративисты долго верили в то, а некоторые верят, быть может, и сейчас, что можно ограничиться объяснением древнейших форм каждого языка, возводя их к индоевропейскому типу, – удобная процедура, позволяющая многое игнорировать. Это может быть полезно, но искусственно. Тот, кто ищет настоящего объяснения, не имеет более права изолировать новые периоды от древних, так же как мы не имеем права объяснять современность, исходя из нее самой и пренебрегая прошлым» [Meillet, 1926, p. 10].

В течение длительного времени после младограмматиков не наблюдалось продвижения в разработке теоретических основ компаративистики, не поднимались среди лингвистов проблемы научной этимологии как самостоятельной дисциплины. В первой половине XX века теоретическая разработка проблем и принципов этимологии не была «объектом исследования, синтетические монографии по этимологии групп близкой лексики не появлялись, русская и славянская этимологическая лексикография практически не существовала, а то, что делалось и печаталось по этимологии отдельных слов, носило разрозненный, несистематический и как бы прикладной характер» [Трубачев, 2004 г, с. 41]. Выросшие из этимологии историческое языкознание и сравнительная грамматика сводили этимологию к роли инструмента, что тормозило собственную логику развития этимологии [Трубачев, 2004 г, с. 36].

С конца 50-х – начала 60-х годов наметился некий сдвиг в развитии отечественной этимологии, усилилось внимание к вопросам теории этимологии, принципам построения этимологических словарей разных типов. Однако, эта активизация еще не означала возрождения серьезных этимологических исследований, скорее ее следовало понимать как «новое развитие этимологии, которая, естественно, строилась на учете лучших достижений нашего прошлого и зарубежной науки, воспринимая отдельные отечественные и зарубежные традиции и новые принципы, но не являясь вместе с тем прямым продолжением ни тех, ни других» [Трубачев, 2004 г, с. 44].

В начале 60-х годов XX столетия В. Н. Топоров отметил, что этимология, с одной стороны, не автономна: арсенал ее средств «сводится к комбинации ряда средств анализа, заимствованных из фонетики, словообразования, морфологии, лексикологии, семантики и других дисциплин, с целью решить проблему, относящуюся к сфере исторического языкознания, – проблему происхождения слова» [Топоров, 1960, с. 47–48]. Но с другой стороны, причина «отсталости» этимологии от других лингвистических дисциплин кроется в том, что и к 60-м годам XX в. большинство исследователей видят основную задачу этимологии в поиске этимона. Это то, за что критиковал компаративистов еще А. Мейе (см. выше).

Новое время ставит по-новому задачи этимологии, приходит осознание того, что компаративистика, этимологические исследования нуждаются в привлечении приемов структурного метода с его анализом системных отношений на разных уровнях языка, а также в объединении этимологии с исторической лексикологией. В практике этимологических исследований 60-х годов еще наблюдается игнорирование системного подхода к фактам языка и синхронного подхода к этимологии. В. Н. Топоров подчеркивает «первостепенную важность синхронного подхода к этимологии, предполагающего выяснение мотивированности данного слова внутри каждой из систем, пересечение которых образует это слово. Такой подход позволит построить элементарную модель акта этимологизации и основать этимологическое исследование на структурных принципах» [Топоров, 1960, с. 52]. Позднее, в 70-е годы в теорию и практику сравнительно-исторического анализа стали включаться приемы структурного метода, и к 80-м годам в компаративистике речь идет уже о консолидации методов и их междисциплинарности, и если раньше уделялось внимание только внешней реконструкции, то теперь была осознана важность прежде всего внутренней реконструкции языковой единицы.

Признание ведущего положения внутренней реконструкции стало бесспорно важным шагом в развитии отечественной компаративистики: внутренние связи элементов функционирующей системы важнее внешних. Внутренняя реконструкция направлена на «вскрытие внутренних связей и отношений между элементами одной языковой системы в ее статике и динамике. Она базируется на принципах историзма и системности, как проявлении общенаучного принципа всеобщей связи, а тем самым и принципа причинности» [Проблемы теории реконструкции, 1987, с. 6]. В значительной степени именно новый подход к языку как к явлению социальному, с одной стороны, и явлению системному – с другой, поспособствовал внедрению принципа историзма в практику компаративистов, и теперь уже не вызывает сомнения тот факт, что сравнительно-генетическое исследование, пренебрегающее социальной и системной характеристиками языков, рискует оказаться глубоко антиисторическим [Климов, 1990, с. 11].

Еще одним важным шагом в развитии отечественной компаративистики и этимологии явилось признание тесной взаимосвязи этимологии с лексикологией. В докладе 1945 г. В. В. Виноградов утверждал: «Этимология лишь тогда получает

твердый научный фундамент, когда она вливается в историческую лексикологию или историческую семантику. В этом случае этимологическое исследование слов расширяется до пределов историко-семантического» [Виноградов, 1995, с. 11]. В начале 90-х О. Н. Трубачев, оценивая достижения отечественной этимологической практики, этимологической лексикографии, отмечает: «Противопоставление исторической лексикологии и этимологии в значительной степени – терминологическая избыточность (и этимология давно интересуется не одним корнем, а всем словом, его употреблением, семантическим и словообразовательным развитием)» [Трубачев, 2004 а, с. 539].

Среди сравнительно-генетических исследований немало работ, связанных с вероятностными приемами, основанными на учете общих закономерностей языкового развития. Применение методов вероятностных обоснований в компаративистике означает использование всех возможных точек опоры, позволяющих обосновать предположение о происходивших в родственных языках процессах, в той или иной степени приближающиеся к их реальной истории. Такими точками опоры могут служить различные частотные явления, характерные для разных сфер языка, закономерные структурные корреляции, наблюдающиеся в языках разного рода аномалии [Серебренников, 1974].

Одним из ключевых компонентов диахронического исследования является реконструкция. Со временем утвердилось понимание, что в ходе реконструкции происходит не восстановление реальных фактов языкового прошлого, а лишь построение о них некоторого лингвистического знания, фиксируемого в виде архетипов или праформ и их совокупностей. Таким образом, архетипы, используемые в генетическом языкознании, являются элементами метаязыка, служащего для описания языка-объекта, т. е. языка, представляющего собой абстрактную систему для родственных языков [Иванов, 1958, с. 67]. К 80-м годам постепенно меняется понимание праязыка, к которому возводилось ранее только то, что было засвидетельствовано во всех или некоторых родственных языках. Сохранялось воздействие теории родословного развития. Все это искусственно упрощало теоретические представления о значительно более сложной языковой действительности. Признание изначальной полидиалектности в рамках любого языкового (в том числе – праязыкового) единства многое поставило на свои места,

но и потребовало, в свою очередь, дополнительные критерии, необходимость регулярного привлечения данных сравнительного языкознания, этимологии, поскольку, например, праславянский диалектизм (локализм, регионализм) ограниченного распространения, не будучи подтвержден данными других славянских языков, нередко обнаруживал подтверждения (этимологические соответствия) в других родственных индоевропейских языках, иногда даже в виде полного лексического тождества [Трубачев, 2004 а, с. 542]. Проблемой праславянских диалектизмов в русском языке много занимался теоретически и прежде всего практически О. Н. Трубачев, который при этом замечал: «Разумеется, и сравнительно-лингвистический (этимологический) метод не всемогущ, и не всякий диалектизм, даже старый, обязательно восходит к праславянской древности» [Трубачев, 2004 а, с. 544]. Как концептуальный недостаток определяет О. Н. Трубачев наличие в исторической лексикологии только вертикальной стратификации лексики: «Вертикальную стратификацию словарного состава надо, в сущности, дополнять горизонтальной стратиграфией, подразумевая под ней постоянную установку на изучение древнедиалектных компонентов. Подход этот новый, поэтому опереться на прецеденты <...> затруднительно...» [Трубачев, 2004 а, с. 552], но «концепция исторической лексикологии одного лишь литературного языка излишне стерильна и нежизненна» [Трубачев, 2004 а, с. 558].

Новое понимание реконструкции праязыка в конце XX в. актуализировало необходимость учета вероятной социокультурной ситуации: «Параллельно с реконструкцией внутренней структуры праязыка и хода ее эволюции строится и определенная динамическая социолингвистическая модель: обе реконструкции связаны, поддерживают и дополняют друг друга» [Ромашко, 1993, с. 77].

Обсуждая проблему метода в современной лингвистике, и прежде всего в исторической, О. Н. Трубачев в статье, посвященной соотношению синхронного и диахронного словообразования (1989) писал: «Главное для нас – адекватное исследование языка во всех его уровнях, а не самодовлеющее („строгое“) применение исключительно одного какого-то метода <...>. Любой метод, как мы знаем, не безграничен, нужно от каждого метода брать лучшее и <...> помня, что сложность языковых явлений, вообще – явлений действительности, превосходит возможности любого метода. Неслучайно наука нового времени все более

склоняется к интегрированному методу, куда входят: 1) генетическое сравнение, 2) внутренняя реконструкция, 3) структурная типология» [Трубачев, 2004 в, с. 514]. Эту же мысль как неправомерность противопоставления компаративистики другим лингвистическим направлениям высказывали авторы материалов конференции «Проблемы теории реконструкции» (1987): «Сравнительно-историческое языкознание успешно использует методы, выработанные такими лингвистическими дисциплинами, как системная, ареальная и типологическая лингвистика, а также количественные (статистические) методы» [Проблемы теории реконструкции, 1987, с. 7]. Синтез разного рода приемов значительно обогатил методику компаративистики. На современном этапе развития компаративистики большинством лингвистов признается, что «только комплексное использование в технике реконструкции всех возможных приемов лингвистического анализа позволит углубить проникновение в прошлое языка и получить более адекватную картину языковой эволюции <...>, и чем богаче будет творческая лаборатория компаративиста, тем больше результат реконструкции приблизится к существовавшей в прошлом языковой реальности» [Проблемы теории реконструкции, 1987, с. 14–20].

1.5.2. Функциональный подход в современном диахроническом исследовании

Функциональная лингвистика (функционализм) – совокупность школ и направлений, возникших как одно из ответвлений структурной лингвистики, характеризующихся преимущественно вниманием к функционированию языка как средства общения. Основным принцип функциональной лингвистики – понимание языка как целенаправленной системы средств выражения – был выдвинут Р. О. Якобсоном, Н. С. Трубецким, С. О. Карцевским в «Тезисах Пражского лингвистического кружка» (1929) [ЛЭС, 1990, с 566]. Родоначальниками функциональной лингвистики стали Женевская и Пражская лингвистические школы, основные теоретические положения этих двух школ, приверженных «Курсу» Ф. де Соссюра, были синтезированы на первом Международном лингвистическом конгрессе (Прага, 1928). Тем самым было положено начало структурно-функциональному направлению исследований языка.

Пражская лингвистическая школа уже с самого начала включала в круг своих интересов проблематику диахронической лингвистики. Именно здесь

родилось отчетливое понимание значимости функционального подхода для методики диахронического анализа. Язык понимается как система, функционирующая не только синхронически, но и диахронически. В силу своего объективного характера развитие системы языка является непрерывным процессом, доступ к этой исторической непрерывности можно получить только при сравнении ее отдельных стадий. Требование сравнения отдельных стадий языка, которые можно представить как метод реконструкции его истории, выдвигалось в языкознании и раньше, например, в классическом труде Г. Пауля «Принципы истории языка», но «лишь последовательное применение системных и функциональных критериев при анализе языка привело Ф. де Соссюра к понятию синхронного среза, а позже проложило путь для его применения и в диахронии» [Барнет, 1978, с. 134]. Отдельные стадии языка, представленные синхронными срезами, более доступны для анализа. Диахронический анализ нельзя ограничивать синхронным описанием отдельных, следующих друг за другом срезов, чтобы не подменить диахроническое исследование синхроническим. Установление различий между двумя стадиями развития языковой системы не является целью диахронического анализа, а лишь его предпосылкой. На это обращал внимание еще Р. Якобсон в своей основополагающей работе «Prinzipien der historischen Philologie» (1931), в которой центром тяжести структурного исторического исследования он считал определение направления и смысла мутаций, происшедших в языке [Барнет, 1978, с. 135].

Функциональный подход подводит исследователя к оценке изменения, прежде всего, с точки зрения результата: как и какими средствами функциональные потребности носителей языка, удовлетворявшиеся в одной системе, удовлетворяются в другой, приходящей ей на смену. Сложность для сравнительно-исторического исследования и состоит в том, что в синхронный срез попадают явления разных временных этапов истории, поскольку в системе языка исследуемого периода они имеют свое функциональное назначение, поэтому исследователя интересует вопрос, что продолжает развиваться от одного среза к другому, а что в процессе развития заменяется. Эта сложность заставляет некоторых ученых, признающих системность в синхронии, делать критические оговорки относительно метода синхронных срезов в диахронии. По мнению

В. Н. Ярцевой, метод синхронных срезов не позволяет выявить слабые и сильные места системы и создает ложное представление о ее устойчивом равновесии [Ярцева, 1960, с. 39].

Несмотря на некоторые критические замечания (нет идеальных методов!), в современном диахроническом исследовании метод (прием) сравнения синхронных срезов является действенным, актуальным, понимаемым так, как его определил чешский лингвист В. Барнет: «Функциональный подход, применяемый к сравнению следующих друг за другом синхронных срезов языковой системы, приводит нас к пониманию диахронического анализа как последовательного *проецирования* одного синхронного среза на другой. С помощью проекции мы определяем меняющийся функциональный объем проходящего в системе изменения и устанавливаем диахронные отношения (отношение исторической тождественности, генетической тождественности, отношение преемственности и структурной тождественности и их взаимосвязи) между соотносительными явлениями сравниваемых стадий» [Барнет, 1978, с. 141]. Отсюда следует, что синхронный анализ может выступать как самостоятельный, на материале определенного среза языка, и на каждом срезе языкового состояния возможен только синхронный анализ с выделением архаических черт и новаций. В то время как диахронический анализ в принципе не может выполняться без сопоставления результатов последовательных синхронных срезов-состояний.

Серьезным отрицательным последствием извлечения слова из исторического контекста и рассмотрения его в изоляции от окружающей семантической сферы, без учета изменения функционально-семантических изменений на необходимо выделяемых синхронных срезах, по оценке В. В. Виноградова, является «неустраняемая опасность перенести принципы понимания, свойственные одной эпохе, на другую, далекую от нее. Путь от идеологии и быта к языку не прямой, а очень извилистый» [Виноградов 1995, с. 8].

1.5.3. Методика диахронического анализа

В настоящее время в лингвистике все большее распространение получает представление о невозможности адекватного объяснения языковых процессов в ходе отдельного их рассмотрения в синхронном и диахронном аспектах, о

необходимости эти процессы рассматривать в рамках единой динамической, подвижной во времени системы. Сторонники такой точки зрения настаивают на том, что соотношение синхронии и диахронии есть методологическое отражение фундаментального свойства языка – временной динамики, которая является проявлением историчности его существования как одного из общественных институтов.

В конце 90-х годов XX в. в ситуации становления функционально-когнитивного направления ведущей научной парадигмой было заявлено (и не вызвало возражений), что для когнитивной теории диахронический аспект описания языка становится едва ли не более важным, чем синхронный аспект (Плунгян, 1998). А в 2009 г. Е. С. Кубрякова среди недостатков раннего этапа лингвокогнитивистики отмечает именно неучет диахронического аспекта в лингвокогнитивных исследованиях: «Существенным ограничением являлось нежелание когнитологов рассматривать языковые явления в их широкой исторической перспективе и т. п. Между тем последующие исследования в данной области выявили явные преимущества синхронно-диахронного изучения фактов языка как позволяющего придать всему анализу очевидный объяснительный характер» [Кубрякова, 2009, с. 6]. Но несмотря на выявленные явные преимущества для лингвокогнитивных исследований синхронно-диахронного изучения фактов языка, ситуация принципиально не меняется. Занимающаяся этой проблемой Л. П. Дронова видит причину «прежде всего в неактуализированности в современном образовательном пространстве необходимости знания специфики исторического и историко-этимологического анализа, специфики его источников, особенностей современного диахронного анализа» [Дронова, 2014, с. 16].

Для когнитивной интерпретации нужно развернутое диахроническое представление семантики исследуемой языковой единицы, но эта семантика (вернее, то, что за нее принимается) берется из этимологических словарей, которые созданы до второй половины XX в., до того как семантика стала ведущей дисциплиной гуманитарных наук. А это значит, что обращающиеся к этимологическим словарям имеют дело с этимологией, которая воссоздает генезис и дальнейшее бытование морфологической, а не лексической единицы (как известно, основная единица традиционной лингвистической компаративистики –

морфема). Кроме того, словари по своей жанровой специфике, принятой до настоящего времени, не нацелены на подробное воссоздание семантики в диахронии.

Следовательно, чтобы выстроить диахронную семантику (историческое развитие семантики и ее начальный этап – исходное значение) нужно, как правило, провести современный диахронический анализ, предполагающий формальную реконструкцию, представленную в этимологических словарях, дополнить внутренней реконструкцией и системным анализом на разных исторических этапах производной (производных) реконструированного корня, а также нужна их ареально-историческая характеристика, желательно с типологическим обоснованием. Только такой анализ покажет реальные исторические изменения на поверхностном уровне семантики исследуемой единицы и послужит надежным основанием для концептуального анализа. Формальной реконструкции корня и его исходного значения, восстановленных на основе внешней реконструкции, недостаточно: *концептуальный анализ применяется ко всей лексеме в целом, поскольку концептуальные основания семантики являются общими для всех ее лексико-семантических вариантов* [Дронова, 2013, с. 26]. Поэтому неудивительно, что в настоящее время одним из эффективных средств системного изучения языковой картины мира является анализ лексического состава языка по лексико-семантическим полям.

В отечественной лингвистике известно уже немало исследований, посвященных анализу отдельных лексико-семантических полей (ср. из недавних диссертационных работ: М. А. Еремина, 2003; Г. И. Урбанович, 2007; А. В. Хелемендик, 2007; К. В. Пьянкова, 2008; М. В. Турилова, 2010; С. А. Мельникова, 2012 и др.). Анализ семантических полей может вестись на трех уровнях – собственно семантическом, мотивационном и на уровне культурной символики (что актуально, прежде всего, для этнолингвистики) [Березович, 2004, с. 3]. Актуальные для каждого исторического периода мотивации позволяют судить о связи понятий в сознании носителей языка данного периода, об актуальности определенных признаков, черт в картине мира этноса. Анализ диахронного развития лексико-семантического поля дает возможность выяснить, какие мотивационные модели появляются на определенном хронологическом

уровне, какие модели утрачиваются, какие сохраняют продуктивность на протяжении всей истории языка. Соответственно, эти изменения в мотивационных моделях несут информацию об изменениях в представляемых этими моделями понятиях, их структуре.

В последние десятилетия в исследовании лексико-семантических полей системность анализа на «горизонтальных» срезах языка дополняется системностью исследования «по вертикали», то есть в составе этимологических гнезд, представленных в данном лексико-семантическом поле. «Этимологические гнезда являются исторически словообразовательными: они создаются последовательными словообразовательными актами, которые отражают потребности этноса в языковом выражении определенных представлений о реалиях или понятиях. Этимологические гнезда, таким образом, оказываются исторически естественной основой генетической организации лексики, будучи результатом разновременных словообразовательных актов» [Варбот, 2008, с. 84]. Естественно, что исторические изменения происходят и в этимологических гнездах, и в лексико-семантических полях и эти исторические процессы отражаются на их взаимосвязях. Вследствие этого актуальной задачей историко-лексикологических исследований является комплексный анализ взаимосвязанных лексико-семантических полей и этимологических гнезд [Варбот, 2008, с. 85].

Основные принципы методологии современного диахронического исследования (комплексность методов, системность, ареальная и историко-культурная характеристика анализируемых фактов, междисциплинарность исследования), разработанные функционалистами Пражской школы, Э. Бенвенистом, В. Н. Топоровым, О. Н. Трубачевым и др.) о которых шла речь выше, не вызывают дискуссий, являются в настоящее время общепризнанными. Теоретически бесспорной, следовательно, является и методика исторического анализа, опирающаяся на названные методологические принципы. Ранее поэтапно прописывалась методика собственно сравнительно-исторического метода, как в работах исследователей-компаративистов (В. Пизани, В. Н. Топоров, Ю. В. Откупщиков и др., особенно в регулярном сборнике «Этимология»), так и в сравнительно-исторических грамматиках, вузовских учебниках, пособиях (ср. Введение в германскую филологию. ЛГУ, 1985, 1998; Л. И. Шелепова. Русская

этимология: теория и практика. М., 2007 и др.). О новом этапе сравнительно-исторического языкознания, связанном с осознанием неуниверсальности любого отдельного метода и применением интегративного метода, с совершенствованием методики, прежде всего, внутренней реконструкции, немало писали в своих работах Вяч. Вс. Иванов, Э. А. Макаев, В. Н. Топоров и другие компаративисты, но более всего этим вопросам уделял внимание О. Н. Трубачев. Так, о методе он писал: «Любой метод, как мы знаем, не безграничен, нужно от каждого метода брать лучшее и не пугать жупелом эклектизма ни себя, ни других, помня, что сложность языковых явлений, вообще – явлений действительности, превосходит возможности любого метода» [Трубачев, 2004 в, с. 514].

Для историков языка, серьезно занимающихся этимологией, сравнительно-историческими исследованиями, современная усовершенствованная методика – это само собой разумеющийся факт, не требующий детальной эксплицитности. Поскольку в данном случае речь идет о возможности использования сравнительно-исторического анализа на основе интегрированного метода как первого этапа при рассмотрении концепта в развитии, то есть об историческом анализе на «сопредельной территории» – лингвокогнитивной, то мы должны представить наглядно пошаговую методику такого анализа, использующего приемы разных методов. За основу мы взяли описание такой методики, представленное в работе Л. П. Дроновой «Методика диахронического исследования и когнитивный подход к языку. II» (2014). Основные положения этой методики следующие:

1. В диахроническом исследовании необходимо опираться на факты всех вариантов национального языка;
2. Приоритетность внутренней реконструкции (по отношению к внешней), опирающейся на анализ системных отношений анализируемых единиц языка;
3. Наиболее продуктивен исторический (диахронический) анализ материала, при котором анализируемые единицы на конкретном синхронном срезе рассматриваются в составе лексико-семантических полей и словообразовательно-этимологических гнезд, что позволяет реализовать системность исследования «по горизонтали» и «по вертикали»;
4. В диахроническом исследовании необходима историко-ареальная характеристика ядра и периферии ЛСП, или ареально-хронологическая

стратификация, как демонстрация этапов формально-семантической эволюции рассматриваемой лексики в определяемом пространстве;

5. Для выявленных исторических изменений в составе и структуре ЛСП определяется их историко-культурная обусловленность;

6. Заключительный этап этой методики – обязательное определение мотивировочного признака и внутренней формы как ядерной (ядерных), так и остальных единиц ЛСП и обязательное выделение мотивационных моделей разных хронологических уровней для определения их общего когнитивного основания.

В данной работе под когнитивным основанием концепта понимается логическая оппозиция соотнесенных смысловых компонентов, которая определяет особенности языкового представления концепта как лингвоментальной единицы в ее развитии.

Соблюдение поэтапности в реконструкции важно, поскольку ее несоблюдение ведет к нарушению принципа системности по отношению к диахроническому исследованию: нарушается историко-культурная преемственность выделяемых для исследования синхронных срезов. Приведенный ряд и последовательность этапов историко-лексикологического и этимологического рассмотрения фактов языка позволяют системно и разноаспектно, используя приемы разных методов, представить факты языка в их эволюции и перейти ко второй, лингвокогнитивной, части исследования – обобщению спектра мотивационных моделей, представляющих определенную когнитивную модель [Дронова, 2014, с. 16].

Таким образом, в первой главе мы пытались обозначить ту часть проблемного поля когнитивной лингвистики, которая соотносится со значимыми для нашего исследования теоретическими вопросами методологического и методического характера. Рассматриваемые проблемы, в основном, не имеют однозначного истолкования в когнитивной лингвистике. Это касается, прежде всего, таких понятий, как «картина мира», ее языковое представление – «языковая картина мира», «диахронический аспект картины мира», «категоризация» и «концептуализация» как два взаимосвязанных процесса познания окружающего мира, его основная единица – «концепт» и способ исследования концептуализации – «концептуальный анализ». Значимой для нашей работы

оказалась и проблема роли инокультурного концепта в формировании национальной картины мира. Более всего проблемным является понятие «концепт» и «концептуальный анализ». В этих условиях высказывается мысль о размывании граней между концептуальным анализом и собственно лексикологией (Кубрякова, 2007), концептуальным анализом и компонентным анализом (Беляевская, 2007). Хотя есть и понимание того, что корреляция этих видов анализа не предполагает их отождествления, поскольку «глубинная, концептуальная, структура, естественно, коррелирует с внешней, собственно семантической составляющей смыслового содержания единицы, но существенным образом отличается от нее» (Беляевская, 2007). В условиях неоднозначности подходов к определению понятия «концепт», дискуссионности его методики, практическое отсутствие ее для рассмотрения концепта в исторической перспективе логично предположение о возможности и необходимости использовать методический аппарат современного диахронического исследования (опирающийся на интегрированный метод) в концептуальном анализе при определении эволюции концепта. Это и послужило основанием нашей рабочей гипотезы, для конкретной ее реализации был взят имеющийся вариант методики с пошагово прописанным анализом.

Вторая часть актуальных теоретически значимых для нас понятий связана с проблематикой современного диахронического анализа, его методологией и методикой, в соотношении с проблематикой функционально-когнитивного подхода к языку. Характерной чертой современного диахронического исследования является приоритетность внутренней реконструкции, базирующейся на принципах историзма и системности: анализ системных отношений рассматриваемых лексических единиц проводится в составе определенных лексико-семантических полей (ЛСП) в синхронии (на разных хронологических уровнях истории языка) и в составе участвующих в организации этих ЛСП словообразовательно-этимологических гнезд. Результатом такого анализа становится семантическое поле ЛСП, развернутое в историческую перспективу, позволяющее определить направления развития мотивационных отношений, выявить и обобщить спектр семантических моделей, обнаружить их когнитивное основание. Глубокая проработанность и эффективность современного диахронического анализа с его опорой на интегративный метод – заслуга целого ряда отечественных

компаративистов (о чем выше). Сочетание в современной лингвистике таких факторов, как проблемность методики концептуального анализа, особенно для представления эволюции концепта, и эффективность применения в историческом анализе фактов языка интегративного метода компаративистики, позволило нам предложить рабочую гипотезу о взаимной заинтересованности методик этих двух видов анализа (концептуального и диахронического на основе интегративного метода).

ГЛАВА 2. ЛСП «ЧИСТОТА» В НЕМЕЦКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ В ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Основная цель настоящей главы – провести диахронический анализ лексических средств, представляющих признаковый концепт «Чистый» в немецком и английском языках, соотнести структуры разновременных ЛСП «Чистота» прежде всего с понятийной частью концепта в этих языках, сопоставить результаты репрезентации концепта на лексическом уровне в исторической перспективе в сравниваемых языках.

2.1. ЛСП «Чистота» в современном немецком языке

Единицей описания в нашем исследовании берется лексико-семантическое поле (ЛСП), которое в отличие от синонимического ряда включает в анализ все лексико-семантические варианты (ЛСВ) лексем, поскольку концептуальные основания семантики являются общими для всех ЛСВ лексемы, следовательно, концептуальный анализ применяется ко всей лексеме в целом. Определение границ поля основывается на использовании семантико-логического критерия (В. И. Кодухов, О. Духачек, К. Ройнинг, А. А. Уфимцева, Н. М. Минина). При выделении семантического поля наиболее точен и лишён недостатков семантико-логический критерий. В основе его лежит принцип идентификации, выдвинутый Ш. Балли [Балли, 1961]. Этот принцип сводится к отысканию слова-идентификатора, которое должно выражать понятие, идею в наиболее общей, абстрактной и нейтральной форме. При определении семантического поля целесообразно использовать понятия «центр» и «периферия», так как в пределах тех или иных единиц и категорий можно выделить элементы, бесспорно присущие данной категории (они образуют «центр» данной категории), а также элементы, у которых, кроме свойств данной категории, появляются также и черты других категорий (эти элементы сдвигаются от «центра» в сторону «периферии»).

В нашем исследовании в центр поля – ядро (общий семантический центр) – мы помещаем лексему (лексемы), которая наиболее полно выражает исследуемое понятие «чистота». В околядерную (или приядерную) зону мы относим лексемы, которые в прямых значениях связаны с выражением понятия «чистота», но их функциональная нагрузка значительно меньше, чем у ядерной (ядерных) единицы.

Соответственно, к ближней периферии относим лексемы, уступающие по функциональной нагрузке лексемам околядерной зоны, а в дальнюю периферию поля попадают лексемы, у которых значение 'чистый' является переносным.

2.1.1. Анализ структуры ядра ЛСП «Чистота» в современном литературном немецком языке

Выделение поля по семантико-логическому критерию является чисто интуитивным. Однако исследователь в процессе работы руководствуется не только своими собственными соображениями, но и опирается на коллективную интуицию составителей словарей. Наиболее авторитетные двуязычные словари [Большой немецко-русский словарь, 1997; Русско-немецкий словарь, 1998] и словари синонимов немецкого языка [Das Krüger Lexikon der Synonyme, 1993; Gröner, 1980] выделяют *rein* и *sauber* как основные лексические единицы в выражении понятия «чистый», они же выступают доминантами двух синонимических рядов. В электронной версии словаря Duden приведена частотность употребления каждой лексемы: у *rein* – 4/5, у *sauber* – 3/5 [Duden online]. Таким образом, ЛСП представлено двумя синонимическими рядами, доминанты которых (несмотря на разницу в частотности употребления) мы включаем в ядро ЛСП «Чистота» в современном немецком литературном языке.

Чтобы выявить значимость каждой из этих лексем в лексической системе немецкого языка, их отношений между собой, обратимся к анализу их семантических структур и их системных отношений – деривационных, синтагматических, парадигматических. Специфика семантических структур *rein* и *sauber* состоит в том, что они относятся к категории слов-экслюдеров [Арутюнова, 1976] или слов-губок [Капанадзе, 1973]. Семантическая структура слов с такими значениями, как 'голый', 'чистый' и т. п., определяется через исключение противоположных признаков (как 'свободный или освобожденный от'), в результате чего они обладают широкозначностью на основе отрицательных понятий. Как правило, экслюдеры имеют слабую семантику, «поскольку в их значении реализуются понятия высокой степени абстракции с малым числом признаков, обозначенных в виде так называемых противочленов» [Ломакина, 1997, с. 69]. Так, противочленами экслюдера *rein* и *sauber* 'чистый' будут 'без пятен',

‘без грязи’, ‘без примесей’, ‘с незанятой чем-либо поверхностью’, ‘безгрешный’, ‘невинный’, ‘без плохих мыслей’ и т. д.

Такая специфика слов-экслюдеров обуславливает некоторую особенность их синонимических отношений. Синонимичность устанавливается на основе двух критериев: частичное семантическое сходство (наличие семы ‘отсутствие какого-либо признака’) и функциональное сходство (сочетаемость) [Виллюман, 1980]. «Наличие одних только общих категориальных сем ‘отсутствие признака’ в их лексических значениях не позволяет говорить о достаточно высокой степени семантической близости этих слов» [Ломакина, 1997, с. 70]. Лишь в некоторых случаях экслюдеры могут заменяться так называемыми потенциальными речевыми синонимами [Там же]. Таким образом, экслюдеры имеют лишь частичные синонимы. Формально подчеркивается специфика экслюдеров у слов, в состав которых входят суффиксы и приставки с отрицательным значением, например, нем. -los-, -frei-, un-, im-.

2.1.2. Семантическая структура rein в современном литературном немецком языке

В семантической структуре прилагательного rein авторитетный толковый словарь Duden выделяет пять значений [Duden. Deutsches Universal Wörterbuch, 1989, S. 1236]:

1) ‘nicht mit etwas vermischt, was nicht von Natur aus, von der Substanz, Art der dazu gehört; ohne fremden Zusatz, ohne verfälschende, andersseitige Einwirkung’ – ‘не смешанный с чем-либо (о конкретных предметах, явлениях, вещах)’;

2) ‘nicht anders als; so beschaffen, dass es keine Ausnahme, Abweichung von dem Genannten oder etwas darüber Hinausgehendes gibt’ – ‘не смешанный с чем-либо (об абстрактных предметах)’;

3) <intensivierend bei Substantiven> (umgangssprachlich) ‘äußerst eindeutig und hochgradig; so beschaffen, dass es in seiner Erscheinung mit dem Genannten vergleichbar ist’ – (разг.) ‘настоящий, ничто иное как’ (квантитативное значение – усиление признака, в частности в сравнении);

4) ‘makellosauber: frei von Flecken, Schmutz oder ähnliches’ – ‘без пятен и грязи’ (о конкретных предметах, абстрактных явлениях);

5) (jüdische Religion) ‘koscher’ – ‘кошерный’ (функционально-стилистически ограниченное значение); ‘чистый’ как ‘допустимый иудейской религией’ (о еде, животных).

Значение ‘не смешанный с чем-либо, без примеси’ встречается в следующих контекстах: *reiner Wein, Alkohol, Sauerstoff* – *беспримесное вино, алкоголь, кислород*; *reines Gold, Wasser* – *беспримесное, чистое золото, вода*; *die reine Höhenluft atmen* – *дышать чистым горным воздухом*; *einen Stoff chemisch rein herstellen* – *изготавливать химически чистое, беспримесное вещество*; *1958 brachte Eckes mit hohes C den ersten industriell abgefüllten, reinen Orangensaft in die Verkaufsregale* – *В 1958 г. Эккес заполнил полки прилавков чистым бутилированным апельсиновым соком с высоким содержанием витамина С*; *die Eigenschaft reiner Metalle* – *свойство чистых металлов*; *An allen diesen Plätzen wendete man aber auch nur hervorragend gute Materialien, namentlich ausgezeichnet reine Erze an* – *Во всех этих местах использовали самые лучшие материалы, в том числе лучшие чистейшие руды*; *reiner Kalk* – *чистая известь*; *der Ring ist aus reinem Gold, Silber* – *кольцо из чистого золота, серебра*; *eine Säule, Tischplatte aus reinem Marmor* – *колонна, столешница из чистого мрамора*; *ein Kleid aus reiner Seide (ein Kleid aus Naturseide)* – *платье из чистого (натурального) шелка*, *ein Pullover aus reiner Wolle* – *свитер из чистой шерсти*; *Mit der qualitativen Spektralanalyse können wir ohne chemische Einwirkung feststellen, ob ein Stoff rein ist* – *При помощи специального спектрального анализа мы можем установить, является ли вещество чистым, не используя при этом химическое воздействие*; *der Hund, das Pferd ist von reiner Rasse, Abstammung* – *чистокровная собака, лошадь*; *die Luft rein halten (nicht durch Abgase verunreinigen)* – *дышать свежим воздухом (не загрязненным выхлопными газами)*; *Sein Bruder hatte sich eine Überdosis vermutlich zu reinen Heroins gespritzt* – *У его брата, видимо, была передозировка из-за слишком чистого героина*; *die Geige hat einen reinen Ton, Klang* – *скрипка звучит чисто*; *ein reiner Glockenton* – *чистый колокольный звон*; *rein singen* – *петь чисто*; *reine Kinderstimmen* – *чистые детские голоса*; *der Chor klingt rein (singt technisch und musikalisch einwandfrei)* – *хор звучит чисто (безукоризненно с технической и музыкальной точек зрения)*. Часть примеров позволяет в данном значении выделить вариант значения ‘ясный, светлый’: *reine (unvermischte, leuchtende) Farben* – *чистые (беспримесные, яркие)*

краски; der Mond leuchtete hell und rein – луна излучала чистый и ясный свет; *ein reines Blau (Rot)* – чистый синий (красный) цвет, ярко-синий (ярко-красный) цвет; *rein weißer Kristall* – белый кристалл; *rein weißes Korn* – белое зерно; *ein Diamant von reinem, reinstem Wasser (von großem Glanz, Feuer)* – алмаз – чистейшая вода (блестит, сияет); *der Himmel darüber von einem reinen Blau (der Himmel darüber von einem ungetrübten Blau)* – небо над нами чистое, синее (насыщенно синего цвета). В этом варианте значения – ‘ясный, светлый’ – *rein* имеет узкую денотативную сферу, очевидно, поэтому ‘ясный, светлый’ не является отдельным ЛСВ слова. Как следует из анализа приведенных контекстов, *rein* в данном значении обозначает однородность реалий, природную, первоначальную чистоту предметов, вещей, т. е. здесь чистота понимается как изначально свойственный предмету признак.

Второе значение – ‘не смешанный с чем-либо’ – представлено в контекстах: *die reine Wahrheit sagen* – говорить чистую правду; *das war reiner Zufall* – это было чистое совпадение; *eine reine Arbeitergegend* – исключительно рабочий район (место, где живет только рабочий класс); *(Übertragung) etwas vom Standpunkt der reinen (vom Gegenständlichen abstrahierenden) Erkenntnis beurteilen* – (перен.) оценивать что-либо с точки зрения чистого сознания (абстрагированного от предметного); *reine und angewandte Mathematik* – теоретическая и прикладная математика; *das ist reine (von der Erfahrung, Praxis losgelöste) Theorie* – чистая (отделенная от практики) теория; *Herztöne rein und rhythmisch, reine Herztöne* – тоны сердца ясные, ритмичные; *das ist reine Spekulation* – это чистая спекуляция; *die reine Flugzeit (Flugzeit ohne Abfertigung und Wartezeiten)* – чистое время полета (без учета времени на подготовку к полету и ожидания), *reiner Tor* – чистый гол; *er spricht ein reines Deutsch* – он говорит на чистом, хорошем немецком; *er hat eine reine Aussprache* – у него отличное произношение. Примеры показывают, что в данном случае значение ‘не смешанный с чем-либо’ относится к абстрактным явлениям.

Третье значение – ‘настоящий, ничто иное как’ – дано в словаре с пометой «разговорное», значение является грамматикализированным интенсивом, ср.: *der reinste Quatsch* – чистейший вздор, абсолютная ерунда; *aus reiner Dummheit tun* – делать просто по глупости; *er ist der reinste Tyrann* – он настоящий (сущий)

тиран; das ist reiner Unsinn – это суший вздор; es ist reiner Wahnsinn – это просто безумие; die reine Wahrheit – суцая правда; es ist ein reines Wunder – это просто чудо.

Четвертое значение – ‘без пятен и грязи’ – в словаре Duden объединяет прямую и переносную номинации. К прямой номинации следует отнести следующие примеры: *Ich schleppe diesen Pack mit wunden Füßen durch Frost und Sonnenbrand, weil ich Abends ein reines Hemd anziehen will – Я тащил пакет (с новой рубашкой), шагая стертými до крови ногами сквозь стужу и палящее солнце, потому что я хотел вечером надеть чистую рубашку; einen reinen Teint haben – иметь чистый цвет лица; etw. auf ein reines (unbeschriebenes) Blatt Papier schreiben – писать что-либо на чистом (неисписанном) листке бумаги (иначе говоря, в данном случае ‘без пятен и грязи’ означает ‘свободный (от каких-либо качеств, свойств, исходно не присущих)’; sie hat sich eine reine Schürze umgebunden – Она надела чистый фартук; sich in den Tornistern neue reine Wäsche vorfand – в рюкзаках были обнаружены новые чистые вещи; Unversehens suchte ich einen reinen Bogen Papier – Неожиданно я нашел чистый лист бумаги; ein reines Gefäß benutzen – использовать чистый сосуд; ein reines Handtuch nehmen – взять чистое полотенце; das darfst du nur mit reinen Händen anfassen – Ты можешь трогать только чистыми руками; Und sein Kragen war auch am Sonntag nicht rein – И его галстук в воскресенье не был чистым.* Анализ корпусных данных выявил, что прилагательное *rein* в прямом значении ‘нечто без пятен и грязи’ имеет небольшую частотность употребления [DWDS]. В переносном значении *rein* выражает этическую оценку – ‘нравственно и морально безупречный’, ср.: *(Übertragung) ein reines (unbelastetes) Gewissen haben – (перен.) иметь чистые (необремененные) помыслы, совесть; mit reinen Händen dastehen – быть незапятнанным, не запятнать своей репутации; eine reine Jungfrau – чистая (невинная, непорочная) дева; eine reine Weste haben – быть незапятнанным, иметь чистую совесть (незапятнанную репутацию); ein reines Wollen – благородное желание; er war rein von aller Schuld – он был совершенно невиновен; sich rein waschen – оправдываться; обелить себя, т. е. доказать свою невиновность, исходную чистоту совести; sich rein und züchtig halten – вести себя скромно и целомудренно; jmadem reinen Wein einschenken (jmadem unverhohlen den wahren*

Sachverhalt mitteilen) – *налить кому-либо чистое вино (откровенно рассказать об истинных фактах)*. Широкое употребление *rein* в этом значении этической оценки позволяет выделить его в отдельный ЛСВ.

В особую группу можно выделить еще одну часть контекстов с о значением ‘без пятен и грязи’: *ein gekleidet sein* – *быть опрятно одетым*; *Ihre Haut ist rein, der Körper sehr dünn, fast zart* – *Ее кожа безупречна, фигура стройная, даже хрупкая*; *eine Statue mit reinen schönen Formen* – *статуя с идеальными и прекрасными формами*. Это подтверждает и анализ синонимических отношений *rein* в этом значении: *tipptopp*, *proper*, (*umgangssprachlich*) *appetitlich*, *adrett*, *gepflegt*, *wie aus dem Ei gepellt/geschält*; (*umgangssprachlich scherzhaft*) *weißer als weiß*, *wie geleckt*; (*veraltend*) *schmuck*. На основании вышесказанного, мы выделяем в отдельное значение эстетической оценки ‘опрятный, красивый, безупречный’.

Пятое функционально-стилистически ограниченное значение – ‘кошерный, допустимый иудейской религией’ – является нормативно-оценочным, используется в языке еврейской религии для характеристики еды: *reine Tiere, Speisen* – *чистые (кошерные) животные, чистая (допустимая иудейской религией) еда*.

Лексикографические источники неоднозначно представляют семантическую структуру *rein* (см. Приложение А). При сравнении семантических структур, представленных в словаре Duden и в словаре Гетца [Götz, 1998], было выяснено, что первые четыре значения у Гетца (‘не смешанный с другими веществами’, ‘не смешанный с другими тонами или цветами’, ‘очень ясный’, ‘без акцента’) являются членением первого значения, приведенного в словаре Duden – ‘не смешанный с чем-либо (о конкретных предметах, явлениях, вещах)’. Остальные ЛСВ совпадают в обоих источниках (‘ничто иное как’, ‘не смешанный с чем-либо (об абстрактных предметах)’, ‘без грязи и пятен’). В словаре Duden выделяется еще один функционально-стилистически ограниченный ЛСВ – ‘кошерный’.

Большой немецко-русский словарь приводит и территориально-ограниченное (швейцарское, рейнское) значение ‘тонкий’ [Большой немецко-русский словарь по общей лексике].

Из дальнейшего анализа семантической структуры слова мы исключаем функционально-стилистически ограниченные значения (‘кошерный, допустимый иудейской религией’ ‘настоящий, ничто иное как’). Остаются три значения: два

значения – ‘без примеси (о конкр.)’ и ‘без пятен и грязи’ – являются прямыми, и одно – переносным – ‘без примеси (об абстр.)’. В значении ‘без примеси (о конкр.)’ мы выделяем вариант значения ‘ясный, светлый’. Значение ‘без пятен и грязи’ может относиться к конкретным предметам (рубашка, бумага) и к абстрактным (чистые помыслы), выражая этическую оценку (‘нравственно и морально безукоризненный’). В целом ряде случаев *rein* утрачивает конкретное значение ‘без пятен и грязи’, выражая эстетическую оценку (внешний вид, одежда). Это позволяет при определении структуры ЛСП выделить обе оценки как самостоятельные субполя.

Привлечение данных о деривационных и парадигматических отношениях убеждает, что именно *rein* в первом значении (‘без примеси (о конкр.)’ и его варианте (‘ясный, светлый’) выражает наиболее актуальный аспект понятия «чистый». Доказательством этому служит значительное число дериватов от *rein*, выражающих также понятие «чистый» (*reinlich, reinigen, Reinheit, Reinigung, Reinemachen, Reinlichkeit, Reinlichsein, reinrassig, Reinrassigkeit, reinwaschen, Reinhaltung* и проч.), и большое число синонимов к *rein* именно в этом значении: ‘без примеси (о конкр.)’ – *echt, gediegen, massiv, ohne Beimischungen, pur, ungetrübt, unverfälscht, unvermischt; (gehoben) lauter, naturrein, natürlich, unversetzt; ‘ясный, светлый’ – hell, klar, kristalkler, glasklar, transparent, durchscheinend, durchsichtig, ungetrübt, gläsern* [Das Krüger Lexikon der Synonyme; 1993, S. 630; Gröner, 1980, S. 445; Duden online]. Полагаем, что к этому синонимическому ряду, судя по контекстам, можно отнести не отмеченные в синонимических словарях *schier* и *eitel* (*die Figur ist eitel Gold – фигура – чистое золото; was er gefunden hatte, war eitles Gold – то, что он нашел – чистое золото; der Kloß schwand jetzt, schmolz in eitel Butter – кусок растворился, превратившись в чистое масло; schieres Fleisch – чистое мясо, т. е. без жилок и костей; in schierer Butter braten – жарить на сливочном масле; schiere Milch – цельное молоко*) [DWDS].

Данные корпуса немецкого языка показывают как наиболее употребительное значение – ‘без примеси (об абстр.)’ (*Erfindung, Fiktion, Freude, Glück, Lehre, Mathematik, Poesie, Spekulation, Theorie, Vergnügen, Vernunft, Wahrheit, Wissenschaft, Zufall*), вторым по употребительности – ‘без примеси (о конкр.)’ (*Alkohol, Luft, Sauerstoff, Wasser, Wein*), реже встречается *rein* в значениях ‘без пятен и грязи’ и ‘светлый, ясный’ [DWDS].

В то же время антонимами к слову *rein*, по данным лексикографических источников, выступают лексемы, связанные со значением ‘без пятен и грязи’ *befleckt, schmutzig, unrein, verschmutzt* [Woxikon].

Таким образом, функционально-семантические особенности прилагательного *rein* позволяют предположить следующую структуру ЛСП «Чистота» (см. рисунок 1):

Рисунок 1

Иерархию значений *rein* установить сложно: что является производным из ряда значений – ‘без примеси’, ‘без пятен и грязи’, ‘ясный, светлый’, ‘нравственно безупречный’ или ‘опрятный, красивый, безупречный’? Если учитывать, что в большинстве случаев логика развития идет от конкретного к абстрактному, то перед нами три конкретных значения, претендующие быть производящими: ‘без примеси’, ‘без пятен и грязи’ и ‘ясный, светлый’. На этот вопрос мы попытаемся ответить, обратившись к истории и этимологии слова *rein*.

2.1.3. Семантическая структура *sauber* в современном литературном немецком языке

Существенных разногласий в представлении семантической структуры **sauber** в немецких словарях не наблюдается. В нашем исследовании мы идем вслед за словарем Duden, где семантическая структура представлена восьмью ЛСВ [Duden. Deutsches Universal Wörterbuch, 1989, S. 1294]:

1. ‘frei von Schmutz, Verunreinigungen’ – ‘без грязи и мусора (о предметах, природных явлениях, человеке)’;

2. ‘gut und sorgfältig, wie man es sich vorstellt, wünscht’ – ‘хороший, тщательный (о конкретных предметах)’;

3. ‘so beschaffen, wie man es auf Grund bestimmter sittlicher oder ähnliches Vorstellungen erwartet, wünscht; sittlich einwandfrei, anständig’ – ‘соответствующий действующим нравственным и прочим нормам’ (об абстрактных явлениях, о поведении, о человеке);

4. ‘so beschaffen, dass es jedem gerecht wird, dass alles Erforderliche auch berücksichtigt ist’ – ‘безупречно выполненный, берущий во внимание все, точный’ (об абстрактных предметах);

5. (ironisch) ‘sich in Ablehnung, Verachtung hervorrufender Weise anderen gegenüber verhaltend; nicht anständig’ – (ирон.) ‘непорядочный’ (о человеке);

6. (umgangssprachlich, besonders süddeutsch, österreichisch, schweizerisch) ‘in einer Weise, Menge, die Beachtung, Anerkennung verdient; beachtlich’ – (разг., диал.) ‘большой, значительный’ (о предметах, явлениях);

7. ‘fehlerlos, einwandfrei, nicht zu beanstanden und daher gut’ – ‘безошибочный, безупречный, не вызывающий возражений и поэтому хороший’ (о поступках, об абстрактных явлениях);

8. (süddeutsch, österreichisch, schweizerisch) «schmuck» – (диал.) «красивый, элегантный, нарядный» (о человеке).

Употребление *sauber* в первом значении – ‘без грязи и мусора’ – представлено в следующих примерах: *saubere Hände, Fingernägel* – чистые руки, ногти; *ohne Wasser keine saubere Wäsche* – без воды не может быть чистых вещей; *ein sauberes (frisch gewaschenes) Hemd anziehen* – надевать чистую (выстиранную) рубашку; *ein sauberes Glas, Besteck* – чистый стакан, столовые

приборы; Bakterien bauen die Verschmutzungen ab – was herauskommt, ist sauberes Wasser – бактерии снижают уровень загрязнения и то, что выходит – это чистая вода; Die Flüsse in Deutschland sind sauber, Industrie-Abgase werden gefiltert, Müll wird verbrannt, Umweltprobleme bleiben unsichtbar – Реки в Германии чистые, отработанный газ фильтруется, мусор сжигается, проблемы окружающей среды остаются незаметными; Kunststoffböden lassen sich leichter sauber halten – полы из искусственных материалов легче содержать в чистоте; die Luft ist hier noch sauber – воздух здесь еще чистый; ein Glas sauber ausspülen – прополоскать начисто стакан; die Stadt ist sauber (frei von herumliegendem Abfall) – город чист (мусор нигде не валяется); er hält sein Auto, sein Werkzeug peinlich sauber – он содержит свою машину, свои инструменты в идеальной чистоте; die Badewanne sauber machen – чистить ванну; ich muss noch sauber machen (die Wohnung in einen sauberen Zustand bringen) – я должен еще прибраться (привести квартиру в чистое состояние); sie geht sauber machen (verdient ihr Geld durch Putzen) – она идет убираться (зарабатывает деньги уборкой); mach dir bitte die Schuhe sauber, bevor du reinkommst – почисти свою обувь, прежде чем зайти; das Kind ist schon sauber (verrichtet seine Notdurft nicht mehr in die Windel) – ребенок чист (больше не справляет нужду в подгузники); sie musste das Baby sauber machen (es säubern, ihm die Windel wechseln) – она должна поменять ребенку подгузник; die Beete (von Unkraut) sauber halten – содержать свеклу чистой (от сорняков). Анализ контекстов позволяет заключить, что данное значение является прямым, прилагательное *sauber* здесь характеризует чистоту, возникающую и существующую в результате усилий, деятельности человека.

Часть контекстов к данному значению *sauber* можно выделить в отдельную группу: *Saubere Industrie statt rauchender Schornsteine, Erfindungen statt Massenproduktion, Informationsnutzung statt Energieverbrauch – Чистое производство вместо дымящих труб, изобретения вместо массового производства, использование информации вместо потребления энергии; Saubere Abgase durch Autos mit Katalysator – чистые выхлопные газы за счет автомобильных катализаторов; Genscher besteht auf solchem «Unsinn», weil er damit erreichen will, dass sich die Industrie neue Technologien für saubere Abwässer einfallen lässt – Геншер (политик) предлагает такую «ерунду», потому что хочет*

тем самым добиться внедрения в промышленность технологии чистых сточных вод. Анализ вышеприведенных контекстов выявляет, что в данном случае *sauber* употребляется в значении утилитарной оценки ‘не вызывающий грязи’. Следовательно, представляется логичным выделить еще вариант значения.

Во втором значении – ‘хороший, тщательный’ – *sauber* отмечено в следующих примерах: *eine saubere Schrift, Arbeit, sauber gekleidet sein; sie führt ihre Hefte sehr sauber; die Kompetenzen sauber trennen; eine sauber gebundene Krawatte; ein sauber geschriebener Entwurf; das Loch ist sauber gestopft*. В данном случае мы наблюдаем *sauber* в значении ‘хороший’, т. е. в функции общей положительной оценки.

Sauber в значении ‘соответствующий действующим нравственным и прочим нормам’ зафиксировано в примерах: *ein sauberer Charakter - честный нрав; eine saubere Haltung – нравственное поведение; tragen alle drei wohltuend saubere Namen – все трое имели чистые имена (пенумацию); ein sauberes Gewissen bewahren – сохранять чистые помыслы; ich fürchte, die Sache ist nicht (ganz) sauber – боюсь, дело не вполне чисто; (Jargon) die Kripo hat ihn überprüft, aber er war sauber (er hatte sich nichts zuschulden kommen lassen) – (жарг.) уголовная полиция его проверила, но он был чист (он невиновен); bleib sauber! (scherzhaft umgangssprachlich Abschiedsformel) – (шутл. разг. прощание) – оставайся чист!; du bist, die ist doch nicht (mehr ganz) sauber! (salopp; du bist, sie ist nicht bei Verstand, nicht bei Trost) – (фамилляр.) ты, она не в своем уме!.* Контексты указывают на то, что данное значение выражает этическую оценку и в узкопрофессиональной сфере – нормативно-правовую оценку. Следует также отметить, что согласно корпусным данным, частотность употребления *sauber* в значении ‘соответствующий действующим нравственным и прочим нормам’ меньше, чем у *rein* в значении этической оценки.

На четвертое значение *sauber* – ‘безупречно выполненный, берущий во внимание все, точный’ – словарь Duden приводит примеры: *eine saubere Lösung – верное решение; ein sauberer Vorschlag, Plan – хорошее предложение, план; eine saubere Darstellung, Analyse des Problems – безупречное представление, анализ проблемы*. Из приведенных примеров становится очевидным, что в данном значении *sauber* выражает общую положительную оценку.

Пятое значение *sauber* ('непорядочный') дано в словаре с пометкой как ироническое: *dein sauberer Bruder hat mir das eingebrockt* – твой «хороший» братец наделал мне делов; *ein sauberes Pärchen* – хорош молодчик; *wir werden dem sauberen Herrn, Burschen das Handwerk legen* – мы покончим с этими «хорошенькими» господами, парнями; *ein sauberes Früchten, dein Sohn* – твой сын – тот еще фрукт. Как видим из примеров, данное значение является функционально-стилистически ограниченным.

Значение 'большой, значительный' дано в словаре как диалектное: *das ist ein sauberes Sümmtchen* – это крупная сумма; *der Fallschirmspringer sprang aus einer sauberen Höhen* – парашютист прыгнул с большой высоты; *[das ist] sauber! Sauber, sauber! (Ausrufe der Anerkennung)* – Это значительно! Значительно, значительно! (восклицание при одобрении).

Седьмое значение *sauber* – 'безошибочный, безупречный, не вызывающий возражений и поэтому хороший' – употребляется для характеристики действий человека: *die saubere Kür der Turnerin* – отлично выполненное произвольное упражнение спортсменки; *eine saubere französische Aussprache* – отличное французское произношение; *eine saubere Technik ist Voraussetzung für ein gutes Klavierspiel* – отличная техника – это предпосылка хорошей игры на фортепиано; *die Gitarre ist sauber gestimmt* – гитара настроена отлично. Анализ контекстов позволяет утверждать, что в данном случае *sauber* выражает общую положительную оценку.

Последнее, восьмое значение *sauber* ('красивый, элегантный, нарядный') отмечено в словаре Duden как диалектное и характеризует человека с эстетической точки зрения: *ein sauberes Mädchel* – красивая девушка; *ein sauberes Mädchen* – элегантная девушка; *ein sauberer Bursche* – милый парень; *seine Tochter sieht sauber aus* – его дочка выглядит опрятно, *Sauber, oder wie man im Hochdeutschen sagt, schmuck und schön ist ja die einzige Erbin vom Schwabrucker nie gewesen* – Такой красивой, или, как говорят на литературном немецком, нарядной и красивой единственная наследница Швабрукеров еще никогда не была; *reinlich sauber gekleidet sein* – быть особо опрятно одетым; *Im allgemeinen sind die Jugoslawien-Heimkehrer gut genährt, sehen sauber aus, sind oftmals erstaunlich nett gekleidet und scheinen auch seelisch ihr Gleichgewicht wiedergefunden zu haben* – Вообще,

югославы, возвращающиеся на родину, сыты, выглядят опрятно, на удивление мило одеты и, кажется, обрели душевное спокойствие [Duden. Deutsches Universal Wörterbuch, 1989, S. 1294; DWDS].

Из анализа семантической структуры *sauber* исключаем все территориально- и функционально-стилистически ограниченные значения ('большой, значительный', 'непорядочный'), кроме ЛСВ 'красивый, элегантный, нарядный', в связи с большим количеством синонимов к этому ЛСВ и примеров из корпусов, доказывающих его значимость, ср. синонимы к *sauber*₈: *litzsauber, adrett, proper, schmuck, auffällig, schön* [Das Krüger Lexikon der Synonyme; 1993, S. 630; Gröner, 1980, S. 445; Duden online]. Остается пять значений, из которых только одно представляет прямую номинацию признака ('без грязи и мусора'). В нем мы выделяем вариант значения – утилитарная оценка 'не вызывающий грязи'. Остальные ЛСВ *sauber* – *sauber*_{2, 3, 4, 7, 8} – являются оценочными: *sauber*_{2,4,7} – общая оценка, *sauber*₃ – этическая оценка, *sauber*₈ – эстетическая оценка. В рамках нашего исследования мы считаем допустимым объединить значения № 2, 4 и 7 в одно на том основании, что они выражают общую оценку ('соответствующий всем требованиям, безупречный'), фактически различаясь сферой референции.

Привлечение данных о деривационных и парадигматических отношениях убеждает, что *sauber* в первом значении ('без грязи и мусора') выражает один из актуальных аспектов понятия «чистота». Доказательством этому служит значительное число дериватов от *sauber*, также выражающих понятие «чистый»: *sauberhalten, Sauberhaltung, Sauberkait, säuberlich, Säuberlichkeit, saubermachen, säubern, Säuberung* и проч. Согласно словарям синонимов немецкого языка, наибольшее количество синонимов соответствуют *sauber* в значении 'без грязи и мусора': *blitzsauber, freckenlos, lauter, gesäubert, (blitz)blank, dereinigt, proper, schmutzfrei, aufgeräumt, unbenutzt, unbeschmutzt, ordentlich, reinlich, frisch, klar, hygienisch*. Также немалое число синонимов отмечается к *sauber* в значении этико-эстетической оценки: *säuberlich, anständig, rechtschaffen, redlich, lauter, gepflegt, proper, ehrenhaft, gebührllich, zuverlässig, ordentlich, aufrecht, ehrlich, fair, gerecht, ritterlich, sportlich, genau* [Das Krüger Lexikon der Synonyme, 1993, S. 630; Gröner, 1980 S. 445; Duden online]. Антонимами к *sauber* выступают *dreckig, schmutzig, ungereinigt, unordentlich, verschmutzt* [Woxikon]. Относительно частотности

употребления *sauber* корпусные данные позволяют утверждать, что наиболее употребительным *sauber* является в значениях 'без грязи и мусора' [DWDS].

Иерархия значений *sauber* не очевидна (как и у *rein*): какое значение является производящим – прямое 'без грязи' или одно из трех оценочных – судить сложно. Хотя считается, что в большинстве случаев развитие значения идет от конкретного к абстрактному. Оценочное значение формируется в результате переосмысления окружающего мира с позиций ценностных концептов и категорий. Следуя данной логике, оценочные значения вторичны. Но это в том случае, если речь идет о действии, предмете или явлении. Вызывает сомнение такое развитие значения (от конкретного к абстрактному) в связи с тем, *sauber* способно выражать общую оценку. Зная историю, быт и занятия древних германцев, трудно, даже невозможно допустить, что в сознании людей примитивного уровня культуры только отсутствие грязи и пятен давало основание оценивать вещь, явление как хорошие. К какому же уровню культуры можно отнести возникновение такой общей положительной оценки, когда бы отсутствие грязи было столь значительным, что этот признак лег в основу общей оценки? Насколько можно судить в первом приближении, чистота, порядок – с исторической точки зрения – характеристики относительно не столь древние для германской нации. (Об этом в трудах Плиния, Тацита, описавших быт и нравы древних германцев, а также у современных авторов, например, у Тодда [Тодд, 2005]). Для решения данной проблемы требуется обращение к истории и происхождению слова.

Исходя из семантической структуры *sauber*, можно предположить следующую структуру ЛСП «Чистота» в современном литературном немецком языке (см. рисунок 2):

Рисунок 2

2.1.4. Вывод по структуре ядерной части ЛСП «Чистота» в современном литературном немецком языке

В синонимических словарях *rein* и *sauber* возглавляют два синонимических ряда, со значением 'чистый' и лексикографические источники показывают даже их совпадение в отдельных дефинициях ('без грязи' и этико-эстетическая оценка). Это указывает на близость значений *rein* и *sauber* и позволяет сделать вывод о том, что *rein* и *sauber* представляют ядро ЛСП «Чистота» в современном немецком языке. Следовательно, обе лексемы – основные «конкуренты» в представлении понятия «чистота». Проведенный выше анализ контекстных употреблений, сочетаемости прилагательных *rein* и *sauber* позволяет объяснить основания функционально-семантического сходства и различия этих прилагательных. В похожих значениях они на самом деле не дублируют друг друга в выражении понятия «чистоты», а имеют тенденцию к представлению разных «видов чистоты»: лексема *rein* выражает чистоту как исходное, природное свойство, качество (вино, золото, вода, краски), в то время как *sauber* выражает восстановленную чистоту как результат

действий (деятельности) человека (очищение как физическое, так и духовное). Мы говорим о тенденции, а не о категорическом разграничении функции *rein* и *sauber*, поскольку наблюдаются отдельные переходные случаи употребления. Например, в лексикографических источниках не выделяется ни как отдельный ЛСВ, ни как вариант значение ‘несмешанный’ у прилагательного *sauber*, но мы встречаем отдельные употребления, подобно *einen sauberen Optimismus* – чистый оптимизм; *aus sauberer Skepsis ziehend* – чисто из скепсиса; *unechten Okkultismus statt sauberer Esoterik oder klarer Religiosität* – лживый оккультизм вместо настоящей эзотерики или ясной религии; *durch saubere Kalkulation* – чистым расчетом. Но это совершенно закономерно и соответствует современному представлению о том, что в языковой системе нет жестких границ.

Структура ядерной части ЛСП «Чистота» в современном немецком языке представлена в виде схемы (см. рисунок 3):

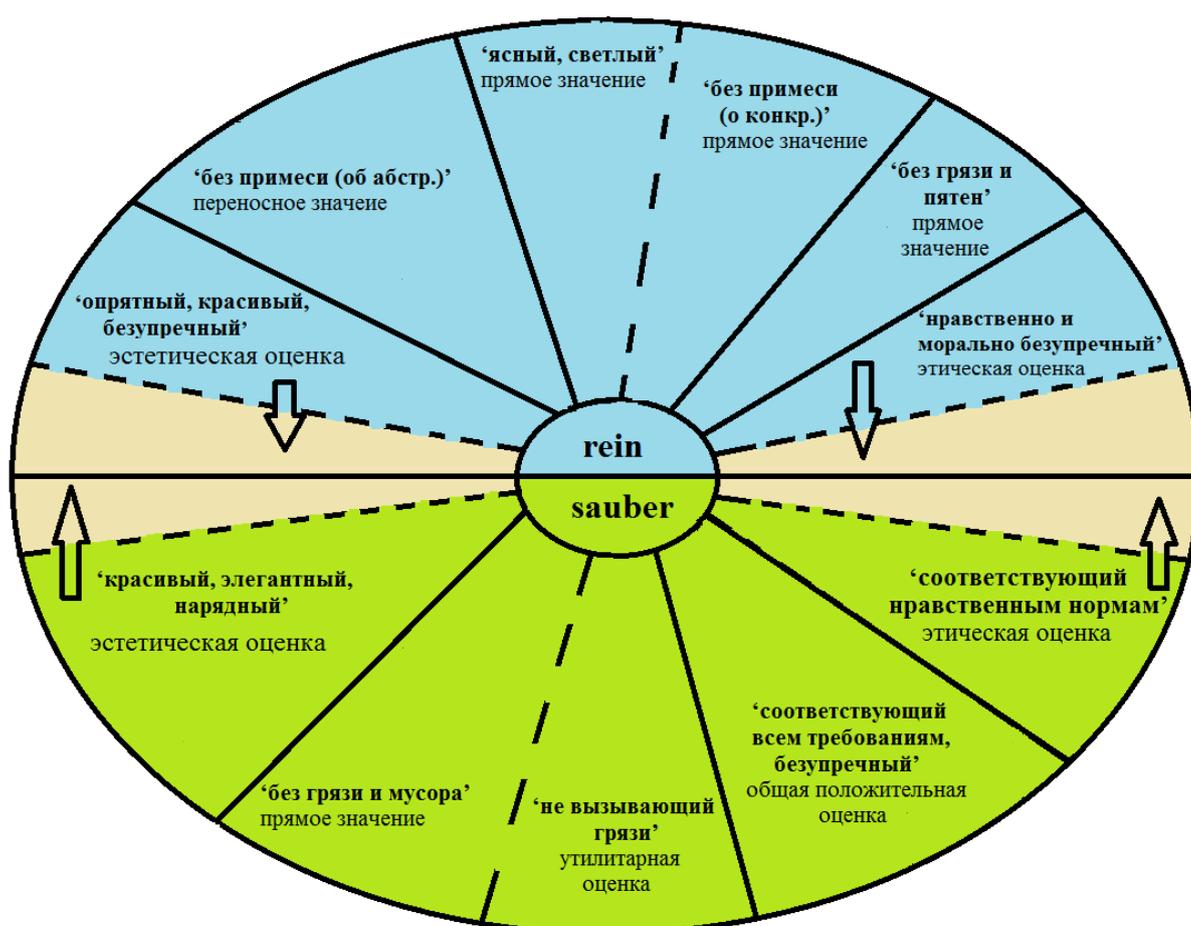

Рисунок 3

На схеме синим цветом выделены те субполя ЛСП, которые «обслуживает» *rein*, зеленым цветом – *sauber*. Частичное совпадение в употреблении обеих ядерных лексем изображено на схеме бежевым цветом. Это субполя этической и эстетической оценки. Схожие на первый взгляд субполя этической оценки – у *rein* ‘нравственно и морально безупречный’ и у *sauber* ‘соответствующий нравственным нормам’ – на самом деле относятся к разным реалиям внешнего мира: в случае с *rein* мы имеем дело с обозначением исходной, сохраненной чистоты, а в случае с *sauber* – с обозначением чистоты, которая достигается или благодаря соблюдению норм поведения, или в процессе нравственного очищения человека. Субполя эстетической оценки имеют различия в территориальном употреблении – *rein* используется в литературном языке, а *sauber* – в южнонемецких диалектах.

Проведенный анализ ядерной части ЛСП «Чистота» в современном немецком языке (по материалам лексикографии) позволяет сделать следующие выводы:

1. Ядерным организующим центром ЛСП стала не одна, как это чаще бывает, а две лексические единицы – *rein* и *sauber*.

2. Ядерные компоненты частично пересекаются в двух субполях: в субполе этической оценки и в субполе эстетической оценки. Это и есть общая часть семантических субполей «*rein*» и «*sauber*».

3. Формально похожие значения на самом деле представляют в основном разные «виды чистоты»: лексема *rein* выражает чистоту как исходное, природное свойство, качество (вино, золото, вода, краски), в то время, как *sauber* выражает чистоту как результат действий (деятельности) человека (очищение, как физическое, так и духовное). Из анализа функционального взаимодействия *rein/sauber* в немецком языке мы делаем вывод, что они не дублируют свои функции: *rein* обозначает исключительно природную чистоту – несмешанность, однородность (для большинства денотатов), а для воды, воздуха чистота представляется как ясность, светлость, прозрачность. *Sauber* взяло на себя функцию представления чистоты как результат деятельности человека.

Итак, *rein* и *sauber* представляют собой единый, цельный языковой комплекс, полностью выражающий понятие чистоты и его ценностную значимость, параметры чистоты в сознании носителей языка.

Поскольку литературный язык представляет собой лишь одну из форм существования языка, мы проверили, совпадает ли выведенная в ходе нашего исследования структура ядерной части ЛСП «Чистота» в современном литературном немецком языке с диалектными данными.

2.1.5. ЛСП «Чистота» в диалектах немецкого языка

Особая культурная значимость исследуемого концепта требует на первом (языковом) этапе моделирования его эволюции исследовать языковые данные не только литературного языка, но и диалектов, ведь именно носители диалектов – это носители традиционной культуры; диалектам свойственна консервативность процессов, происходящих в языке. Особенно важным представляется этот аспект исследования при обращении к немецкому языку, основу которого составляют близкородственные диалекты древних германских племен (франкский, алеманский, баварский). В силу многовековой феодальной раздробленности Германии, немецкие диалекты обнаруживают крайнюю пестроту и кардинальные расхождения, в них отчетливо видны следы исторического прошлого немецкого языка. В германистике различают две основные группы немецких диалектов: нижненемецкую (северную) и верхненемецкую (южную). Условная граница, отделяющая верхние от нижних диалектов, проходит по т. наз. линии Бенрата (Дюссельдорф – Магдебург – Франкфурт-на-Одере). Основанием к такому разграничению диалектов служит граница распространения так называемого «второго (верхненемецкого) передвижения (перебоя) согласных», начавшегося с V века [Берков, 2001, с. 44, 60]. В нашей работе мы будем придерживаться этого классического разделения немецких диалектов и в данном параграфе ставим перед собой цель выявить сходство и различие в выражении представления о чистоте в ниже- и верхненемецких диалектах, сопоставив результаты исследования с данными литературного немецкого языка.

Поиск языковых средств выражения представления о чистоте в немецких диалектах осуществлялся двумя способами: к одной части словарей (там, где это было возможно) был применен метод сплошной выборки, с другой частью работали по принципу поиска синонимов к *rein* и *sauber*, выявленных в литературном немецком языке.

Материал для исследования взят из следующих словарей: *Plattdeutsch-Hochdeutsches Wörterbuch* (1998), *Hochdeutsch-Plattdeutsches Wörterbuch* (1997), *Wörterbuch Hochdeutsch-Öcher Platt* (1987), *2000 Wörter Plattdeutsch: Ein Gebrauchswörterbuch* (2012), *Plattdeutsches Wörterbuch* (2011), *Wi snack platt: Plattdeutsch von A–Z* (1999), *Sprechen Sie Platt?* (2011) и др. (см. Список

использованных словарей). Мы не претендуем на полноту описания приведенных фактов, т. к., во-первых, в диалектных словарях семантическая структура лексемы дается через ее синонимы, во-вторых, в словарях мало контекстов употребления (большая часть контекстов показывает употребление слов в их интенсифицированных значениях), в-третьих, следует отметить, что в диалектах в большей степени отражена лексика из сферы бытового общения (инструменты, предметы домашнего обихода) и экспрессивная лексика с отрицательной коннотацией, в-четвертых, не ко всем словарям (в связи с большим объемом) удалось применить метод сплошной выборки, а так же в силу того, что диалектам свойственна консервативность процессов, происходящих в языке, для диалектов не характерно большое количество производных слов (чаще всего префиксальных), как мы это наблюдали в современном немецком языке.

Найденные в словарях нижненемецких диалектов лексические единицы мы сгруппировали согласно семи субполям ЛСП: четыре субполя имеют прямые значения («без примеси» (в основном о продуктах питания); «без грязи и пятен»; «ясный, прозрачный; блестящий»; «ровный, гладкий») и три субполя – переносные, оценочные (этическая оценка «честный, порядочный», «светлый, почтенный», «без долгов», «без грехов, набожный»; общая положительная оценка «безупречный, безукоризненный, первоклассный, тщательный»; нормативно-утилитарная оценка «неиспорченный, здоровый»). Группировка лексических единиц согласно выделенным субполям ЛСП приведена в таблице 1:

Таблица 1

Субполе		Лексические единицы
«без примеси» (в основном о продуктах питания)		rein, luter/lutter/luder, puur, schier, i(e)del, bloot/bloß, bar
«без грязи и пятен»		rein(e)
«ясный, прозрачный; блестящий»		rein, luter/lutter/luder, lutterliken, sichtbar, schier, schoon, klaar/koor/koor, blitzblank, glau, blank, glei
«ровный, гладкий»		rein, schier, glei
этическая оценка	«честный, порядочный»	rein, luter/lutter/luder, rejell, ornlich/ornlik/orrich, tru-/troschullig/-schüllig,
	«светлый, почтенный»	heel/hele
	«без долгов»	bar, unschüllig/unschüllig
	«без грехов, набожный»	rein(e), luter/lutter/luder, unschüllig/unschüllig, ahnweten, unbedarft, witt

Субполе	Лексические единицы
общая положительная оценка «безупречный, безукоризненный, первоклассный, тщательный»	rein, redig/reddig, prik, pük/püük/pück
этическая оценка «аккуратный, опрятный, красивый»	rein, rendlich/rennlich/rentlich/rentlich, pük/püük/püülfien, proper/propper/pröpperchens, ornlich/orrich/ornlik/örnlich/öllich/eolich, schier, snitter, redig/reddig akkerat/akroot/akrate/akrote
утилитарная оценка «неиспорченный, здоровый»	rein

Анализ ЛСП «Чистота» нижненемецких диалектов показывает, что *rein* способно выражать все аспекты понятия «чистый», и это позволяет его отнести в ядерную зону. Сюда же можно отнести и *luter/lutter/luder*, репрезентирующее основные компоненты ЛСП. В отличие от ЛСП «Чистота» в литературном немецком, ядерную зону которого образуют две лексемы – *rein* и *sauber*, в ЛСП северных диалектов немецкого языка лексема *sauber* отсутствует. Это доказывает наш вывод по истории слова *sauber* (об этом см. ниже). Ограниченное количество контекстов, к сожалению, не позволяет дать однозначного ответа на вопрос, какие лексические единицы репрезентируют в языке представление о чистоте, созданной в результате деятельности человека (как это выражает *sauber* в литературном немецком). Не исключено, что в диалектах сохраняется определенная синкретичность семантики *rein* при отсутствии «конкурента» в лице *sauber*.

Для проведения анализа ЛСП «Чистый» в верхненемецких диалектах мы обратились к следующим словарям: *Süddeutsches Wörterbuch* (1978–1980), *Rheinisches Wörterbuch* (1948–1958), *Neuerkölnischer Sprachschatz* (1999), *Schwäbisches Wörterbuch* (1901–1936) и др. Выделенные лексические единицы были сгруппированы согласно шести субполям ЛСП: три прямых значения («без примеси»; «без грязи и пятен»; «ясный, прозрачный; блестящий») и три переносных, оценочных значения (этическая оценка «честный, порядочный», «без долгов», «без грехов, невинный»; общая оценка «безупречный, безукоризненный, первоклассный, тщательный», «аккуратный, опрятный, красивый»; нормативно-утилитарная оценка «неиспорченный, здоровый», «настоящий, совершенный»). Подробная группировка компонентов ЛСП «Чистота» в верхненемецких диалектах приведена в таблице 2:

Таблица 2

Субполе		Лексические единицы
«без примеси»		rein/reene, lauter/lytər/laudrich/lauterig, schier, pur, klar
«без грязи и пятен»		rein/reene, sauber/sauwa/səubər/sauwər/sauwar
«ясный, прозрачный; блестящий»		blank/blanj, səubər/sauwər, lauter/lytər, klar
этическая оценка	«честный, порядочный»	grodau
	«без долгов»	sauwəR/seiwəR/seiwəRft
	«без грехов, невинный»	səubər/sauwər/sauwar, rein/reene/rei ⁿ , keusch/künsch/keunsch, unschuldch, kausch/koscha
общая положительная оценка «безупречный, безукоризненный, первоклассный, тщательный»		rein, redig/reddig, prik, pük/püük/pück
этическая оценка «аккуратный, опрятный, красивый»		saub(e)r/səubər/sauwəR/seiwəR/seiwəRft, reinlich, gladd, rebbedierlich, probber, dandschig, akkrat
утилитарная оценка «неиспорченный, здоровый»		rein

В отличие от ситуации в нижненемецких диалектах только *rein* употребляется в значениях ‘без примеси’, в общей положительной оценке, нормативно-утилитарной оценке (‘неиспорченный, здоровый’), а в остальных случаях наряду с *rein* употребляется *sauber*.

Таким образом, в верхненемецких диалектах ядро ЛСП «Чистота» представлено двумя лексическими единицами – *rein* и *sauber*, в то время, как в нижненемецких диалектах ядерной лексемой ЛСП выступает только *rein*: употребление *sauber* в нижненемецких диалектах не зафиксировано. Очевидно, чтобы ответить на вопрос, чем вызвана такая неравномерность употребления *rein* и *sauber* в диалектах немецкого языка, требуется обращение к истории.

2.2. Эволюция ЛСП «Чистота» в немецком языке

2.2.1. ЛСП «Чистота» в древневерхненемецком периоде

Выделение ЛСП «Чистота» в древневерхненемецком периоде мы начинаем с поиска ядерных на современном этапе лексем. Лексикографические источники показывают, что обе ядерные в современном немецком лексемы – *rein* и *sauber* – встречаются уже в текстах древневерхненемецкого периода.

2.2.1.1. История и происхождение *reīn*

История немецкого **reīn** подробно рассматривается в диссертационном исследовании немецкого автора Отто Гауппа «Zur Geschichte des Wortes „reīn“» [Gaupp, 1920], на работу которого мы и опираемся в этом вопросе.

В текстах **древневерхненемецкого периода** (сер. VIII – сер. XI вв.) *reīn* встречается в двух формальных вариантах – *reīni* и *hreīni* (более ранний вариант с *h-*) – и употребляется в значениях ‘светлый, ясный’ (о слезах), ‘нравственно и морально безупречный’ (о сердце, душе, мыслях, о человеке, поступках, могиле, апостоле, о Марии Магдалине, Христе, даре) – этическая оценка, ‘безупречный, прекрасный, изысканный, опрятный’ (о языке поэтов, речи, о виршах, т. е. духовных стихах, конкретных предметах) – общая положительная оценка и в качестве интенсива ‘полностью, совершенно’ [Gaupp, 1920, S. 19–23]. Разделение оценок проводим с точки зрения современного понимания оценочности значений (Н. Д. Арутюнова, Е. М. Вольф). В древневерхненемецкий, а также и в средневерхненемецкий периоды этико-эстетическая и общая положительная оценки были синкретичны [Гуревич, 1984, с. 27; Матвеев, 2004, с. 68, 70; Бычков, 1995, с. 71, 625; Эко, 2003, с. 26].

Специфика употребления прилагательного *reīn* показывает, что понятие чистоты в текстах древневерхненемецкого периода соотносится преимущественно с внутренним миром, душой человека, проявлением духовной чистоты в поведении, деятельности человека. Поэтому *reīn* часто встречается в оценочном значении (*reineren sela gibest du mir* – дай мне свою чистую душу; *tundo corde reinherzen* – чистое сердце) [Gaupp, 1920, S. 18].

Однако есть основания полагать, что *reīn* в древневерхненемецкий период могло обладать также рядом конкретных значений, не отраженных в памятниках литературы. На это указывает семантическая структура дериватов от *reīn*.

От основы этого прилагательного в древневерхненемецком отмечены параллельные образования-существительные – *reīn-ī* ‘чистота, честность, целомудрие, ясный смысл, невиновность’, *(h)reīn-ida** ‘чистка, чистота, целомудрие’, *reīnn-essī**, *reīnn-issa** ‘чистота, целомудрие, исцеление’, *reīn-nissida**, *reīn-nussida** ‘чистота, чистка’, *reīn-unga** ‘чистка, уборка, искупление’, *un-(h)reīn-ida* ‘нечистота, грех’, *un-(h)reīn-ī* ‘нечистота, грязь, непристойность’, в

то время как в современном немецком языке используется другой словообразовательный вариант – *Reinheit* [Большой немецко-русский словарь, 1997, с. 384–385; Köbler]. Также имеются существительные, образованные путем словосложения: *reinlīh-hamo**, *reinlīc-hamo** ‘чистота тела’, *rein-kurni** ‘пшеница, чистое зерно’ [Köbler]. Существительные отражают употребление значения ‘без грязи, пятен’ в прямом и переносном смыслах. В истории немецкого языка отмечаются словообразовательные варианты и для других производных частей речи от *rein*. Так, например, появляются прилагательные, осложненные новыми суффиксами – *rein-licrein-ec*, *rein-ic*, *(h)rein-haft* ‘чистый, целомудренный’, и образованные путем словосложения – *rein-herzi** ‘добросердечный’ [Köbler]. Словосложение доказывает, что др.-в.-нем. *rein* было свойственно и значение ‘без примеси’ (о конкр.).

В древневерхненемецкий период от словообразовательного варианта к *rein* – *reines*, *reinic* – были образованы многочисленные глаголы различных префиксальных образований, обозначающие либо действие – очистить, отмыть – по отношению к конкретным предметам (*irreinōn** ‘чистить, шлифовать, пилить’, *reinōn* ‘чистить, убирать, улучшать’), либо в переносном смысле – очистить душу (*gireinōn** ‘чистить, мыть, осветлять, искупать (вину)’, *gireinen**, *gihreinen** ‘чистить, смывать, исцелять, осветлять, отмывать дочиста, оправдываться, искупать (вину)’, *reinen** ‘чистить, осветлять, отмывать дочиста, исцелять, наказывать, карать’, *reinisōn* ‘чистить, искупать (вину), осветлять’) [Köbler]. Подобные глаголы известны и в других древнегерманских языках: др.-сакс. *hrēnian*, *hrēnon*, гот. *hrainjan*. [EWD, 1993, Bd. II, S. 1108].

Данные других германских языков также указывают на наличие у др.-в.-нем. *hreini* прямых значений: хронологически самые ранние письменно зафиксированные формы и значения этого слова встречаются в переводе Библии Вульфила на готский язык. Анализируя перевод Библии Вульфила, Отто Гаупп выделяет 5 значений слова **hrains**:

1. ‘frei von anhaftendem Schmutz, sauber’ (neben Stoffnamen) – ‘свободный от грязи, чистый’ (относительно предметов);

2. ‘frei von Krankheiten, die mit sichtbarer Unreinheit verbunden, sauber, rein’ – ‘свободный от болезней, которые связаны с очевидными проявлениями – кожные заболевания (проказа и пр.); чистый’;

3. ‘frei von Schmutz mit symbolischer Umdeutung auf die Seele, also frei von Sündenschmutz, abgewaschen’ – ‘свободный от грязи с символическим толкованием относительно души, т. е. свободный от грязи грехов, отмывший душу от грехов’;

4. ‘sündenfrei, schuldlos’ (neben abstrakten Begriffen) – ‘свободный от греха, невинный’ (употребляется с абстрактными понятиями);

5. ‘sauber, wohlanständig, ehrbar’ – ‘чистый, благопристойный, порядочный’ [Gaupp, 1920, S. 14–15].

Анализ употребления лексемы *hreins* в готском языке показывает, что слово использовалось как в прямом, так и в переносных значениях. Так, первое значение (‘свободный от грязи, чистый’) – прямое, второе значение (‘здоровый, чистый’) – утилитарная оценка, третье значение (‘свободный от грязи (об абстр.) является абстрактным и переносным от прямого ‘свободный от грязи’. Четвертое значение – этическая оценка (‘свободный от греха, невинный’), оно позволяет предполагать, что было прямое значение ‘без примеси, однородный’ по отношению к конкретным предметам. Очевидно, это значение не было зафиксировано в памятниках литературы в силу их жанровой специфики. Пятое значение – этико-нормативная оценка (‘чистый, благопристойный, порядочный’).

Отсюда мы полагаем, что др.-в.-нем. *hreini* имело два конкретных значения: ‘без грязи и пятен’ и ‘без примеси’. Аналогичную семантическую структуру это прилагательное имело и в других германских языках. Судя по др.-сакс. *hreinn*, лексема характеризовала не только духовную сферу человека, но употреблялась по отношению к конкретным предметам (к воде, морю, оружию, мечу и т. д.). В поэзии используется преимущественно как определение к небу, золоту и серебру в значении ‘klar’, ‘glänzend’ (‘ясный’, ‘блестящий’) [Gaupp, 1920, S. 69].

Следует отметить также тесное взаимодействие др.-в.-нем. *reïn* с понятием «светлый/ясный» (др.-в.-нем. *reïn* о слезах, др.-сакс. *hreinn* о небе) [Wackernagel, 1878, S. 236].

Историко-этимологические словари позволяют обнаружить в древне- и новогерманских языках однокорневое суффиксальное производное (с

чередованием по аблауту) – это обозначение сита (решета): др.-в.-нем. (h)rītara (ок. 800), ср.-в.-нем. rīter, совр.юж. нем. Reiter, др.-англ. hridder, hriddel, англ. riddle «Sieb» [Paul, 1992, S. 690].

Какой же исходный этимологический признак сформировал семантику многозначного rein? Что общего у rein ‘чистый’ и нем. Reiter ‘сито’ (ср. и англ. riddle ‘решето’), как соотносятся их семантика? Наличие двух однокорневых производных, одно из которых обозначает предмет (инструмент), дающий возможность отделять от примесей, например, муку, то есть делать ее чистой, позволяет говорить о конкретном мотивировочном признаке для общего качества «rein»: значение ‘чистый’, вероятно, возникло как обобщение признака ‘просеянный’ = ‘очищенный (через сито)’.

Исходность значения ‘sichten, sondern, просеять/просеивать’ как ‘пропускать сквозь сито, решето’ подтверждают однокорневые образования в ряде древнеевропейских языков: греч. κρίνειν ‘разделять, делить, различать, сортировать, судить о чем-либо, решать’, лат. cernere (от *crin-) ‘сортировать, разделять, отделять, различать, решать’ и sībŕum ‘сито’, ‘решето’, др.-ирл. criathar (от *krēitro-) ‘сито’, которые возводят к нулевой ступени и.-е. *(s)ker- (*(s)kor-:*(s)kr-) ‘резать, разделять’, с конкретизацией значения ‘отделять’ → ‘просеивать’ [EDW, 1993, Bd. II, S. 1198]. Но только в германских языках отразилось осмысление чистого как просеянного/очищенного, произошло сопряжение этих понятий – «просеивать» и «делать чистым».

Таким образом, в семантической структуре rein значения ‘чистый, без грязи и пятен’ и ‘чистый, однородный, несмешанный’ являются прямыми продолжениями от ‘очищенный’ как ‘отделенный’, ‘отсортированный’, ‘просеянный’. Это исходное значение позволяет считать, что у др.-в.-нем. (h)reini было значение ‘несмешанный’, которое было зафиксировано только в переносном значении в письменных источниках этого периода, а также у композиты rein-kurni*.

В средневерхненемецкий период (с конца XI до середины XIV вв.) в процессе восточной колонизации значительно увеличилась область распространения немецкого языка. Расширяется и сфера использования письменного варианта немецкого языка. В этот период получает развитие лирика и

эпос, стихотворная драма и оригинальная немецкая проза (мистики), наряду с переводной прозой. Сокращается сфера употребления латинского языка. Немецкий язык проникает и в канцелярии, причем в грамотах он распространяется постепенно с запада на восток с конца XIII в. [Бах, 1956, с. 107–108].

Расширение сферы использования немецкого языка привело к значительным сдвигам в словарном составе немецкого языка. Особенно активно формируется лексика с абстрактным значением.

В силу того, что литература средневерхненемецкого языкового периода рыцарско-куртуазная или теолого-дидактическая, *reîn* употреблялось преимущественно в оценочных значениях. При всей синкретичности этико-эстетической оценки отмечаем, что в придворной и непридворной поэзии и придворном эпосе *reîn* используется чаще в функции эстетической оценки: ср. значения ‘красивый, прекрасный, великолепный’, ‘хороший, совершенный’, ‘благородный’, ‘любезный’, ‘высоконравственный, целомудренный’ (легенда «Orendel», «Alexanderlied», «Песнь о Роланде», «Kaiserchronik», «Ortnit» и «Wolfdietrich», произведения Йохансдорфа, Морунгена, Рейнмара и др.) В произведениях мистиков, теологических и дидактических трактатах *reîn* выступает в чаще с религиозной семантикой и в функции этической оценки: ср. значения ‘святой, освященный’, ‘относящийся к Богу и его матери’, ‘набожный, благочестивый’, ‘очищенный, без греха’ ‘ритуально чистый’, ‘эстетически и морально превосходный’, ‘красивый, прекрасный, великолепный’, ‘благородный’ (труды Давида Аугсбургского, Германа из Фрицлара, Николауса из Страсбурга, Майстера Экхарта, Фрайданка «Bescheidenheit», Ульриха из Цатциховена «Lanzelet», Вирнта из Гравенберга «Wigalois», Генриха из Тюрлина «Krone», Ульриха из Тюрлина «Willehalm» и др.). Реже в дидактических текстах *reîn* употребляется в прямых значениях: ‘светлый’, ‘ясный’, ‘свободный от грязи’, ‘без пятен’, ‘несмешанный, свободный от любой примеси, ухудшающей качество’. В средневерхненемецком в правовой литературе встречаются употребления лексемы *reîn* в нормативно-правовой оценке: ср. значения ‘настоящий, подлинный’, ‘без лжи’ (сборники федерального права «Швабское зеркало» и «Саксонское зеркало») [Gaupp, 1920, S. 25–69]. Нормативно-правовую

оценку в дальнейшее исследование мы включать не будем на том основании, что она присутствует лишь в узкоспециализированных текстах.

Как видим, слово *rein* имеет некоторые функциональные особенности в письменной речи в древневерхненемецком и средневерхненемецком периодах в зависимости от жанрового характера произведений. В целом в этот период у *rein* наблюдается весь набор прямых, переносных и оценочных значений, который характерен в дальнейшем для всего ЛСП «Чистота», где ядерными выступают уже две единицы – *rein* и *sauber*. Дело в том, что таким функционально активным *rein* в средневерхненемецкий период выступало не на всей территории Германии, а лишь в центральной и северной ее частях, в то время как в южнонемецких землях слову *rein* конкурентом выступало *sauber* (см. далее историю слова *sauber*).

В **ранненововерхненемецком периоде** (1350–1650 гг.) *rein* сохраняет сложившуюся семантическую структуру. Употребление *rein* в значении нормативной оценки на данном языковой этапе не отмечается.

В начале **нововерхненемецкого периода** (с сер. XVII в.) отмечается употребление *rein* как интенсификатора, которое получило продолжение в XX веке (*reiner Zufall* – чистое совпадение; *das ist reiner Wahnsinn* – это просто безумие; *aus reiner Höflichkeit* – чисто из вежливости; *ich habe es rein vergessen* – я об этом совершенно забыл) [DWDS]. Значение ‘чистый, без примеси чего-либо иного’ получило развитие, обозначая усиление, выделение какого-то признака – ‘только’, ‘прямо-таки’: *rein gestimmt*, *rein persönlich*, *aus reiner Gutmütigkeit*, *er ist rein verrückt*, *es ist rein unmöglich* (Шиллер), *es ist rein zum Verzweifeln* ‘это прямо-таки разочарование’. Просторечное *rein(e)weg* ‘прямо-таки, совершенно’ отмечается на рубеже XIX–XX веков в нижненемецких диалектах, т. е. в северной части Германии. Расширился круг устойчивых словосочетаний с *rein*: следуя образцу словосочетания *insreineschreiben* ‘писать начисто’ для выражения завершения чего-либо образуется словосочетание *mit j-m im reinen sein* ‘договориться с кем-нибудь’ (Кристоф Хейн «Игрок танго»), *ins reine kommen*, а также *ins reine bringen* ‘привести в порядок, урегулировать’ [Paul, 1992, S. 688–689].

Таким образом, история *rein* показывает, что уже в древневерхненемецком периоде оно имело сложную семантическую структуру. В силу жанровых

особенностей памятников древней письменности слово имеет преимущественно религиозную семантику и выражает синкретичную общую положительную оценку, куда входит и этико-эстетическая оценка, гораздо реже встречается в прямых значениях 'без грязи и пятен' и 'без примеси'. В средневерхненемецкий языковой период семантика *reîn* развивается в сторону максимально обобщенного значения, что приводит к употреблению его в роли эпитета-штампа: в придворном эпосе у некоторых авторов *reîn* семантически являет собой пустое место, становясь словом-вставкой (словом-паразитом), у других – *reîn* является одним из украшающих слов, эпитетом, чьи различия в значениях не играют существенной роли («Энеида» Вельдекса, «*liet von Troye*» («Песнь о Трое») Фритцлара и перевод «Метаморфоз» Альбрехта, «Тристан и Изольда» Готфрида из Страсбурга, труды Хартмана из Ауэ, Вольфрама из Эшенбаха) [Gaupp, 1920, S. 28–34]. Для средневерхненемецкого периода характерно активное взаимодействие *reîn* и *sauber* и перераспределение сфер функционирования. В ранненовонемецкий период лексикографические источники отмечают сокращение функциональной сферы *reîn* в связи с конкуренцией с прилагательным *sauber* (не отмечается нормативная оценка). На стыке ранненововерхненемецкого и современного немецкого периодов в семантической структуре *reîn* наблюдается появление грамматикализованного значения. В современном немецком прилагательное *reîn* выражает преимущественно значения 'без примеси' (о конкр. и абстр.), 'без пятен и грязи', 'нравственно и морально безупречный', реже 'светлый, ясный' и выступает как одна из ядерных лексем в семантической структуре ЛСП «Чистота», вступая в заимодополнительные отношения с *sauber*.

2.2.1.2. История и происхождение синонимов к *reîn* (*hreini*)

В этом параграфе будет рассмотрена история синонимов *reîn* (*hreini*), которые были связаны в разные языковые периоды с выражением понятия «чистота».

Для древневерхненемецкого периода электронный словарь Герхарда Кёблера приводит следующий ряд слов, чьи значения истолковываются через современное *rein*: *sûbari*, *lauter*, *alang*, *bar*, *duruhnoht*, *einfalt*, *frônisk/frônisc*, *fuohsan*, *gifrêht*, *githigan*, *glat*, *kleini*, *kûski*, *unbismizzan*, *unbiwollan*, *ungiflekkôt*, *unmeini*, *unschuldig*

[Köbler]. Следовательно, они будут рассматриваться с точки зрения мотивационного признака и полученные выводы будут основываться на мотивированности внутренней формы.

Древневерхненемецкий период истории немецкого языка представлен памятниками религиозной тематики: как известно, появление письменности у германцев связано с их активной христианизацией. Произведения этого периода представляют собой тексты теологического и философского характера – это философские труды Ноткера, библейский эпос Отфрида, сборник самых древних памятников немецкой прозы и поэзии, составленный Мюлленхофом.

Sûbari

В древневерхненемецкий период не существовало единого немецкого литературного языка. Общим языком являлась латынь, которая использовалась на всем западе Европы. В немецком языке этого периода существовали письменные традиции, связанные с определенными районами, представленными языком канцелярий, школ и отдельных личностей. В эпоху Каролингов локальные письменные традиции испытали значительное влияние рейнско-франкского диалекта. Историки немецкого языка отмечают отдельные попытки создать «обработанный» язык в произведениях Ноткера, Отфрида, автора «Гелианда» [Бах, 1956, с. 97–107].

При переводе латинских текстов в древневерхненемецкий период переводчики, как заметил Зиверс (Sievers) в предисловии к своему изданию Татиана, чаще всего перенимали слова из латинского, не обращая внимания на смысл и не подыскивая немецкий эквивалент. Что же касается прилагательного *gein*, то монах из Фульды (район центральной Германии, ныне федеративная земля Гессен), в отличие от Вульфилы, переводил лат. *mundus* ‘чистый’, ‘опрятный’ не только словом *geini*, а чаще *sûbari* в значении ‘без грязи’, ‘чистый’. Появление прилагательного *sûbari* в древневерхненемецком связывают с влиянием монастырской культуры, получившей значительное развитие в VIII в. и ставшей проводником народно-латинской лексики в немецкий язык, в числе которой и *sûbar(i)*. Фульда возникла как восточнофранкское поселение в Рейнско-франкской области в пустынной местности на склонах Рён. Из соседних южных областей пришли сюда монахи и принесли свой диалект [Бах, 1956, с. 92, 103].

Прилагательное **sauber** не было известно готскому. Sauber зафиксировано в древневерхненемецком в форме *sūbar* с IX в., в др.-сакс. *subri*, в др.-англ. *syfre* и позднее представлено в средненидерландском, современном нидерландском; в средневерхненемецком, в современном английском данное прилагательное не сохранилось [Köbler].

По данным исторического словаря немецкого языка Германа Пауля [Paul, 1992, S. 714–715], в текстах древневерхненемецкого периода *sauber/sūber/sūbar* имело значение ‘чистый’ (антоним *schmutzig*), ‘тщательный, аккуратный’ и ‘нравственно безупречный’. В историческом словаре Кёблера значение слова *sauber* дается через лексемы современного немецкого языка – *sauber, rein, lauter* [Köbler]. В средневерхненемецкий период у *sauber* выделяют еще два новых значения – ‘красивый, милый’ и ‘совершенный’ (интенсификация признака) [Köbler]. В современном немецком языке появляется составное слово, выражающее максимальную степень – *blitz-* ‘молниеносно, быстро’ – *blitzsauber* ‘начищенный до блеска; чистенький, аккуратненький, хорошенький’.

По данным исторических словарей, *sauber* является заимствованием из народной латыни от **sūber, sūbrius* ‘благоразумный, достоверный, заслуживающий доверия, умеренный’, которое восходит к классическому латинскому *sōbrius* в значении ‘умеренно (воздержанно) трезвый, рассудительный’ [Paul, 1992, S. 714–715; Cange, Du, 1886, T. 7, p. 502; Дворецкий, 2000, с. 713]. В текстах средневековой латыни прилагательное *sobrius* не встречается в значении, широко известном в классической латыни (‘трезвый, непьяный, непьянящий’), а лишь в переносном ‘благоразумный, рассудительный’ и в значении близком к общей положительной оценке (‘значительный, важный’), о чем свидетельствуют и синонимы к этому слову – *prudenter, gravis* и соединение сочинительной связью *virtus* ‘храбрость, доблесть’ и *Sobria* (*Moderator gentium et pulchre Sobrius. Vetus illa Romanorum virtus et Sobria*) [Cange, Du, 1886, T. 7, p. 502]. Вероятно, что именно эти значения и определили формирование в древневерхненемецком значение ‘чистый’ (в помыслах, поступках) у *subar*. Т. е. в древневерхненемецком у *sūber* развитие значения шло от обозначения нравственной чистоты ‘воздержанный, благоразумный’ > через ‘безупречный’ к обозначению не только внутренних

качеств человека, но и для обозначения внешних проявлений признака «чистый».

Ареал распространения и преимущественное употребление *sauber* (по сравнению с *rein*) в южной Германии можно объяснить, видимо, из истории отношения германцев с Римской Империей. Как говорится в трудах Плиния и Тацита, с I по III вв. часть Германии, представляющая собой «угол» между Дунаем и Рейном (см. Приложение Д), являлась провинцией Римской Империи, примыкающей к т. наз. «лимес». Лимес представлял собой мощные оборонительные укрепления на границе между римскими и германскими владениями. С проникновением римлян на Рейн и Дунай начинается усиленное воздействие латинского языка на немецкий [Введение в германскую филологию, 2006, с. 9]. Это и объясняет тот результат (см. выше), который мы получили при сопоставлении распространения *rein* и *sauber* в немецких диалектах: в нижненемецких (северных) диалектах *sauber* не представлено.

Дальнейшее продвижение *sūbar* в среднюю и северную Германию связано, как мы полагаем, с рядом факторов. Во-первых, распространение христианства в Германию шло с южных земель от бывшей провинции Римской Империи. Во-вторых, особая роль рейнско-франкского диалекта. В каролингском государстве этот диалект, по-видимому, приближался до известной степени к общему языку и в некоторой мере служил образцом, чем и объясняется его продолжительное влияние на формирование немецкого языка. В-третьих, при расширении германских границ на востоке, заселение этих земель шло преимущественно с запада, с рейнско-франкских областей.

Позднее народнолатинское по происхождению *sauber*, потеснившее исконное *rein* в южнонемецких землях в древневерхненемецкий период, при распространении в средней и северной части Германии вынуждено было делить с *rein* функционально-семантическое пространство выражения понятия «чистый».

Исторический анализ *sauber* позволил ответить на вопрос о производящем, исходном значении в его семантической структуре. Поскольку изначально слово употреблялось для обозначения нравственной чистоты и поведения, соответствующего общественным нормам, то это значение и является производящим. Производными стал ряд оценочных значений: общая

положительная ('хороший, тщательный' – о работе, деятельности человека) и эстетическая ('красивый, элегантный, опрятный'). Со временем у *sauber* в значении 'хороший' в диалектно-просторечном употреблении актуализировалась семантика количества, что подтверждает возникновение еще одного производного значения – 'большой, значительный', т. е. 'хороший' как 'значительный, большой'.

Sauber, на языковом уровне выразившее актуализацию особой значимости внутренней чистоты человека, чистоты помыслов и поведения (в процессе христианизации), отразило формирование оппозиции «чистота внутренняя»-«чистота внешняя», «чистота природная»-«чистота, создаваемая человеком». В результате конкуренции *rein* с *sauber* наметился переход значения 'без грязи и пятен' (о конкр. предметах) к функции *sauber*, т. е. *sauber* стало выражать отсутствие как внутренней, так и внешней грязи, пятен.

Направление развития семантики *sauber* от этико-нормативной оценки в сторону общей положительной оценки подтверждает и развитие семантической структуры производного прилагательного **säuberlich**, которое в древневерхненемецкий период отмечено в форме *sūbarlīhho* (XI век), ср.-в.-нем. *sūberlich/siuberlich/sūverlich* 'послушный, благовоспитанный, скромный, приличный, порядочный, милый' [EWD, 1993, Bd. II, S. 1169; Köbler]. В современном немецком *säuberlich* известно с двумя значениями: первое более распространенное – 'тщательный, аккуратный, добросовестный, с заботой до мельчайших деталей' (*eine säuberliche Trennung* – *тщательное разделение*; *etwas säuberlich verpacken* – *что-либо тщательно упаковывать*); второе значение, устаревшее – 'нравственно безупречный, приличный, порядочный' (*ein säuberliches Leben führen* – *вести порядочную жизнь*) [Duden. Deutsches Universalwörterbuch, 1989, S. 1294]. Исходя из этимологического анализа можно утверждать, что устаревшее значение 'приличный, порядочный, нравственно безупречный' является производящим, а 'чистый, аккуратный' - производным.

Таким образом, анализ истории *sauber* показывает пути его вхождения из народной латыни в немецкий язык древневерхненемецкого периода, особенности его ареального распространения в немецких диалектах и своеобразие семантической адаптации, приведшей его к конкуренции с *rein* – основной исконной лексической единицей выражения понятия «чистота».

Lauter

В древневерхненемецкий языковой период *lauter* имело высокую частотность употребления и конкурировало с *rein* [Köbler; Gaupp, 1920, S. 21]. История *lauter* начинается с первых памятников древневерхненемецкого периода (VIII в.), где прилагательное встречается в нескольких формальных вариантах: *hlūtar*, *hlūttar*, *lūtar*, *lūttar* [EWD, 1993, Bd. I, S. 773]. В историческом словаре [Paul, 1992, S. 515] у *lauter* выделяют в древневерхненемецкий период три значения: первое значение более широкое – ‘прозрачно светлый, чистый, ясный’ – (о конкретных предметах, например, о воздухе, жидкости); второе значение более узкое – ‘свободный от чужеродной примеси’ (применительно к благородным металлам подчеркивает степень их блеска, например, о серебре, золоте); третье значение переносное, характеризует духовные качества человека и абстрактные понятия – ‘чистый, несмешанный’ (например, о нравственном человеке, о правде).

В средневерхненемецкий период слово встречается в форме *lüter*, расширяется его семантическая структура, включив в себя еще один ЛСВ – ‘исключительно, лишь, только’. Происходит грамматикализация: *lauter* выступает в роли усилительной частицы, например, *aus lauter Haß* – *чисто из ненависти*. С XVI века в письменных источниках *lauter* фиксируется в устойчивых выражениях, например, *aus lauter Liebe, vor lauter Neugier* – *чисто из любви, из чистого любопытства*.

На современном этапе немецкого языка *lauter* употребляется в высоком, книжном стиле в значениях ‘без примеси (о конкр.)’, например, *lauteres Gold*, ‘без примеси (об абстр.)’, например, *die lautere Wahrheit*, ‘честный, порядочный’ (*ein lauterer Mensch, Charakter, lautere Gesinnung*) и ‘светлый, ясный’ (*lauter wie Kristall*) [Duden. Deutsches Universalwörterbuch, 1989, S. 933].

Однокорневые обозначения чистоты представлены в восточно- и западногерманских языках, в скандинавской группе языков родственные слова не отмечены, ср.: гот. *hlūtrs*, др.-сакс. *hlūttar*, др.-фриз. *hlēda*, др.-англ. *hlūt(t)or*, ср.-англ. *(h)lytter*, ср.-н.-нем. и ср.-нидерл. *lüter*, *lutter*, нидерл. *louter* [EWD, 1993, Bd. I, S. 773]. Сравнение этой германской лексики с предполагаемыми однокорневыми образованиями в других индоевропейских языках позволяет охарактеризовать их как производные от индоевропейского корня *k’leu-, ср. лат. *cluo*, -, -, *ere* ‘чистить’;

slōāsa ‘клоака, крытый канал для стока нечистот’ (из *slouasa, то есть ‘очищение’ как ‘промывание’); с расширением -d греч. klúdzō (κλύζω) из *klu-d-jō ‘(о волнах) плескать, бить, ударять, окатывать’, ‘промывать, ополаскивать’, ‘смыть, удалять’, klúdon (κλύδων, ὄνος) ‘прибой волн; поток, водоворот’; с суффиксом -го-кельтское slír ‘чистый’ из *klū-gos без дентального расширителя корня. Балтийские производные от того же корня, но обозначают другой способ очищения, называя орудие, инструмент очищения (например, лит. šlúoti ‘мести, подметать’, šlúota, лтш. sluôta ‘метла’) [EWD, 1993, Bd. I, S. 773; Lehmann, 1986, p. 188].

Западно- и восточногерманские языки исходной семантики ‘плескать (о волнах); полоскать’ (или ее вариантов) не сохранили, обозначая уже только результат смывания-полоскания как ‘чистый’ и далее – ‘ясный’, ‘прозрачный’. Следовательно, семантику нем. lauter и его однокорневых образований в других германских языках можно истолковать с исторической точки зрения, рассматривая ‘чистый’ как ‘очищенный в воде’.

Таким образом, немецкое lauter имеет глубокие индоевропейские корни, в семантическом отношении является кельто-германской (западно- и восточногерманской) инновацией с развитием значения от ‘полоскать, выполаскивать’ к ‘чистить’, ‘чистый’ как ‘очищенный водой’.

О степени близости к gein остальных синонимов судить сложно, поэтому их историю мы даем в алфавитном порядке.

Bar

Прилагательное bar отмечено в немецком языке с древневерхненемецкого периода (X век) в форме bar, где имело на тот период достаточно развитую семантическую структуру: ‘голый, обнаженный неприкрытый’, ‘свободно лежащий наготове’, ‘свободный от’, ‘без чего-либо’, ‘чистый’, ‘ничто иное как’. Bar часто использовалось в сочетании с именами частей тела для обозначения наготы (barfuß, barhaupt) и для обозначения освобожденности предметов от чего-либо, например, от примеси (золото), от ножен (меч) [EWD, 1993, Bd. I, S. 96–97].

В средневерхненемецкий период bar чаще используется в значении ‘пустой, свободный от’ (например, *wo ihrer Scheiden bar* – где их ножны пусты) [Paul, 1992, S. 92]. В этот же языковой период bar приобретает значение ‘свободно пересчитываемый’, характеризуя деньги как ‘наличные’. Это же значение является

наиболее употребительным в современном немецком языке. Значение ‘наличный (о деньгах)’ было присуще только области верхненемецких диалектов, в то время как в нижненемецких диалектах для обозначения данного понятия выступали ср.-н.-нем. *rēde* и *gerēde* (‘наличный’), например, *rēdesgelt*, *gerēdesgelt* (ср. нем. *bereit* ‘приготовленный для чего-либо’) [EWD, 1993, Bd. I, S. 96-97; Duden. Deutsches Universalwörterbuch, 1989, S. 207]. Выражение *bares gelt* проникло в нижненемецкие диалекты лишь в XVI веке.

Развитие значения нем. *bar* шло от ‘голый, обнаженный’ к ‘ясный, очевидный’ и далее к ‘наличный (о деньгах)’ и ‘чистый’ как ‘настоящий, истинный’ (интенсификатор признака).

Однокорневые производные в других германских и индоевропейских языках не связаны с выражением понятия «чистый» [EWD, 1993, Bd. I, S. 96; Алексеева, 1971, с. 127; БАРС, 1977, т. I, с. 132; Исландско-русский словарь, 1962, с. 68; Paul, 1992, S. 92].

Githigan

В древневерхненемецком слово *githigan* встречается в значениях ‘самородный, чистый’, ‘серьезный, строгий’, ‘дружественный’, ‘продвинутый’, ‘поздний, пожилой’, ‘совершенный, предпочтительный, знаменитый’, ср.-в.-нем. *gedigen* ‘спелый, взрослый’, ‘содержательный’, ‘крепкий’, ‘самородный, чистый’, ‘усердный, прилежный’ [Köbler].

Gediegen – это устаревшая форма причастия прошедшего времени от глагола *gedeihen* ‘расти, развиваться, преуспевать’ (др.-в.-нем. *(gi)dīhan* (X в.), ср.-в.-нем. *gedīhen* ‘удаваться, делать успехи’), имеющего аналоги в других германских языках.

В современном немецком языке у данного слова как основное отмечается значение ‘без примеси, цельный’, пришедшее из профессионального жаргона горняков в ранневерхненемецкий период. Второе значение современного немецкого языка отмечается у слова с ранневерхненемецкого – ‘тщательно обработанный, высокого качества, аккуратный, хороший, основательный, солидный’ (о конкретных предметах и абстрактных явлениях, например, *gediegene Hausrat* – *высококачественные предметы домашнего обихода; die Verarbeitung ist sehr gediegen* – *очень тщательная переработка, т. е. со вкусом и высокого*

качества; *gediegene Kenntnisse haben* – иметь хорошие познания; *er ist ein sehr gediegenes (solider und zuverlässig) Charakter* – у него уравновешенный (надежный) характер, нрав). Третье значение – разговорное, известно со второй половины XIX века – ‘смешной, веселый, удивительный, необычный, редкий, своеобразный’ (например, *sien Bruder ist eine gediegene Marke!* – твой братец редкий чудак!; *das ist gediegen!* – это весело!; *du bist aber gediegen!* – да ты необычный! [Paul, 1992, S. 317; Duden. Deutsches Universalwörterbuch, S. 569].

Glat

Первые упоминания прилагательного *glatt* восходят к древневерхненемецкому периоду, где слово встречается в форме *glat* и связано с выражением понятия «чистота» в значении ‘hell, klar, durchsichtig, glänzend, rein’ – ‘светлый, ясный, прозрачный, блестящий, сияющий, лоснящийся, чистый’. Словарь Герхарда Кёблера подтверждает наличие значения ‘чистый, светлый’ английскими соответствиями ‘light, bright, pure’ [Köbler]. Второе значение у этого прилагательного – ‘гладкий, ровный, скользкий’ – является этимологическим [Holthausen, 1934, S. 132; Pokorny, 1969, S. 429–431]. В средневерхненемецком периоде сокращается употребление прилагательного *glat* в значении ‘ясный, светлый’, это значение сохраняется лишь у наречия *glat*.

Kleini

Немецкое прилагательное *klein* на первый взгляд ничего общего в своей семантике с обозначением чистоты не имеет. Это прилагательное известно в современном немецком языке в значении ‘малый, маленький; младший; простой’ [Duden. Deutsches Universalwörterbuch, 1989, S. 844]. Но в связи с тем, что генетически близкие лексемы в других современных германских языках выражают данное понятие, мы обратились к истории этого слова.

В историческом словаре немецкого языка мы выяснили, что прилагательное *klein* было впервые зафиксировано в древневерхненемецкий период в IX веке в форме *kleini* со значениями ‘блестящий’, ‘гладкий’, ‘чистый, опрятный’, ‘изящный’, ‘тонкий’, ‘незначительный’ [Paul, 1992, S. 462; Köbler; EWD, 1993, Bd. I, S. 666]. В средневерхненемецкий период у этого прилагательного значение ‘чистый’ сохраняется (ср.-в.-нем. *klein(e)* ‘чистый’, ‘миловидный’, ‘изящный’, ‘утонченный’, ‘милый’, ‘остроумный’, ‘умный’, ‘невзрачный’, ‘незначительный’,

‘мало’) [EWD, 1993, Bd. I, S. 666]. Как видим, в семантической структуре этого слова значение ‘чистый’ сочеталось, с одной стороны, со значением ‘изящный, утонченный’, а с другой – со значением ‘тонкий, незначительный, малый’ (ср. также др.-сакс. *klēni*, *cleini* ‘аккуратный, изысканный’, ‘утонченный’, ‘небольшой’), ср.-нидерл. *cleine*, *clēne*, нидерл. *klein* ‘маленький’ и ‘невинный, ясный, открытый, верный’ [Алексеева, 1971, с. 140; EWD, 1993, Bd. I, S. 666]). Со временем семантическая структура немецкого *kleine* сократилась до значения ‘малый, мало’ (ср. подобно др.-фриз. *klēne* ‘маленький’, нидерл. *kleen*, *klein* ‘маленький’ [Алексеева, 1971, с. 140]).

Обращает на себя внимание тот факт, что в диалектах немецкого языка для выражения понятия «маленький» слово *klein* (*kla*, *kloa(n)*, *klua*, *kloi* и др.) используется исключительно в южнонемецких диалектах, в то время, как в северных диалектах это понятие выражает лексема *lütt*, *litj*, *letj*, *lüt(j)ig*, *lütsch* и др. (ср. англ. *little*, др.-в.-нем. *luzzel*). Это может быть свидетельством того, что различия в семантике *klein* сложились еще на континенте, до переселения англосаксов в Британию [Plattdeutsch-Hochdeutsches Wörterbuch, 1998, S. 117; König, 2011, S. 174–175].

Однокорневые немецкому *kleine* лексемы представлены только в западногерманских языках. В северных и восточных языках они отсутствуют. Для *klein* как производного от западногерманской *ja*-основы **klainja* предполагается генетически родственная лексика в других индоевропейских языках со значением ‘светлый, блестящий, великолепный’ на основе сближения с греческим *aglaós* (ἄγλαός) ‘блестящий, великолепный’, *glēnos* (γλήνος) ‘драгоценность, сокровище’ (< и.-е. **ǵl̥ai-* и *ǵel(ə)-* ‘светлый, блестящий’) [EWD, 1993, Bd. I, S. 666]. Если соглашаться с этим сближением, то, следовательно, значение ‘чистый’ у западногерманского регионализма **klainja* следует понимать как развившееся из понятийно близких значений ‘светлый, ясный, блестящий’.

Kūski

Keusch, начиная с VIII века, встречается в древневерхненемецком в письменной форме *kūski* (*kiusche*, *kiusch*) в значении ‘подобающий, нравственный, воздержанный (относительно чревоугодия), благовоспитанный,

безупречный, уместный'. В средневерхненемецкий период семантическая структура *keusch* расширилась, включив в себя еще одно значение - 'спокойный, поступающий разумно' [EDW, 1993, Bd. I, S. 651]. В современном немецком языке *keusch* выражает этическую оценку и варьируется в значениях 'сексуально воздержанный, свободный от сексуальных потребностей, которые запрещены определенными правилами поведения' (*eine keusche Nonne* – целомудренная монахиня), 'стыдливый, застенчивый, соответствующий определенным ограниченными сексуальным и моральным нормам (*Auf der Bühne bin ich das Tier, im wirklichen Leben ganz keusch* – на сцене я зверь, в реальной жизни застенчив), благовоспитанный', 'высокой нравственной и моральной чистоты' (*eine keusche Seele* – чистая душа). Также встречается в шутовском, ироническом употреблении: *keusches Etui* – непорочное ложе [Duden. Deutsches Universalwörterbuch, 1989, S. 831].

Однокорневые образования прослеживаются также и в других германских языках: гот. *kūskeis*, др.-сакс. *kūsko*, др.-англ. *Cūsc* (отмечено в древнеанглийском при переводе с древнесаксонской Книги Бытия), ср.-н.нем. *kūsch(e)*, *kūsch*, *kūs*, ср.-нидерл. *cuusc*, нидерл. *kuis*. Полагают, что древневерхненемецкое прилагательное *keusch* через алеманские диалекты пришло из готского языка, которое, в свою очередь, было заимствованно из народной латыни (клас. лат. *cōnsciūs* 'знающий, осведомленный'). Вероятно, что др.-в.нем. *kūski* попало в древневерхненемецкий язык в процессе готско-арианской христианизации юго-западной Германии. Таким образом, значение 'подобаяющий, нравственный, воздержанный' стало основой для выражения этической оценки [EDW, 1993, Bd. I, S. 651].

Unbismizzan

Древневерхненемецкая лексема *unbismizzan* 'незапятнанный, ненакрашенный, чистый' является причастием прошедшего времени от древневерхненемецкого глагола *bismīzan* 'намазывать, обмазывать, натирать мазью, пятнать, красить, покрывать, насаживать, марать, пачкать, лишать святости' с отрицательной приставкой *un-*. Слово является родственным гот. *bismeitan* 'намазывать, окрашивать', ср.-в.-нем. *smīzen*, греч. *smáein* 'намазывать' [Köbler; Paul, 1992, S. 86].

В ранневерхненемецкий период причастие отмечается в текстах в форме *unbeschmutzt* в прямом значении ‘незамаранный’ (об одежде) и переносном значении (о душе, имени, радости), которые сохраняются, судя по корпусу немецкого языка, и в современном немецком языке [DWDS].

Ungiflekkōt

Древневерхненемецкое *ungiflekkōt/ungifleckōt* ‘незапятнанный, безупречный, чистый’ – это причастие прошедшего времени от др.-в.-нем. глагола *flek(k)ōn* ‘пятнать, марать’ с отрицательной приставкой *un-* [Köbler] (ср. современный немецкий глагол *flecken* ‘пятнать, марать’ и прилагательное *fleckenlos* ‘без пятен’).

Таким образом, два последних прилагательных (*unbismizzan*, *ungiflekkōt*) имеют в образовании семантики один и тот же мотивировочный признак – ‘не замаранный, не запятнанный’.

Unschuldig

Прилагательное *unschuldig* впервые упоминается в древневерхненемецкий период в форме *unsculdīg* (VIII век) ‘невинный, неподходящий, безнаказанный, безвредный’ [Köbler], ср.-в.-нем. *unschuldic/unschundec* в значении ‘свободный от вины, долга, незаслуженный, не надлежащий’ [EDW, 1993, Bd. II, S. 1247]. Прилагательное является производным от существительного *Schuld* (др.-в.-нем. *sculd*) ‘вина’ с отрицательной приставкой *un-*, т. е. значение ‘чистый’ как ‘невинный’ от ‘невиновный’.

В современном немецком прилагательное *unschuldig* имеет сложную семантическую структуру, включающую в себя четыре значения. Два из них связаны с выражением понятия «чистый»: ‘нравственно чистый, хороший, без плохих поступков, мыслей, неипорченный’ (*unschuldig wie ein neugeborenes Kind* – невинный как младенец; *ein unschuldiges Gesicht* – невинное лицо) ‘невинный, девственный’ (*unschuldige Jungfer*, *unschuldiges Mädchen* – девственница). Остальные два значения связаны с понятием «вина»: ‘неповинный’ (*er ist in der Unfall unschuldig* – он не виновен в несчастном случае) и ‘безобидный, безвредный, незлонамеренный’ (*er hat doch nur ganz unschuldig gefragt* – он спросил без злого намерения; *ein unschuldiges Schlafmittel* – безвредное снотворное) [Duden online].

Помимо выделенных в словаре Герхарда Кёблера лексем, мы рассмотрим историю еще одного прилагательного, участвовавшего в выражении понятия «чистота» в данный языковой период.

Schīr

Первые упоминания нем. *schier* восходит к средневерхненемецкому периоду, где оно встречалось в форме *schīr* и имело значения ‘свободный от примеси, чистый’, ‘блестящий, светлый, ясный, прозрачный’ [EWD, 1993, Bd. II, S. 1198]. В текстах древневерхненемецкого периода слово не отмечено. В современном немецком языке данная лексема имеет функциональное ограничение – используется в хозяйственной сфере в прямом значении ‘несмешанный, чистый’ (только о золоте и продуктах питания: *schieres Fleisch (Fleisch ohne Fett, Sehnen und Knochen)* – чистое мясо, т. е. без жилок и костей) и в переносном усилительном значении ‘чистый, очевидный, настоящий’ (*schiere Bosheit* – неподдельная злость; *aus schierer Barmherzigkeit* – из одного лишь сострадания; *die schiere Wahrheit* – чистая правда) [Duden. Deutsches Universalwörterbuch, 1989, S. 1316]. В двуязычных словарях слово *schier* представлено как диалектное: в южнонемецких диалектах в грамматикализованном значении ‘почти; чуть было не; прямо’ (*das war schier unmöglich* — это казалось невозможным; это было почти невозможно), ‘быстро, скоро’ (*schier zehn Jahre sind es schon* – прошло уже почти десять лет), в нижненемецких – ‘без примеси (о продуктах питания)’ (*in schierer Butter braten* – жарить на сливочном масле; *schieres Fleisch* – мякоть, одно мясо (без жира и костей); *schiere Milch* – цельное молоко), ‘без примеси (об абстр.)’ (*die schiere Wahrheit* – чистая правда) и усилительное ‘чисто, только’ (*aus schierer Warmherzigkeit* – из одного лишь сострадания) [Большой немецко-русский словарь по общей лексике].

Однокорневые нем. *schier* слова имеются и в других германских языках. Часть слов имеет значение ‘свободный от примеси, чистый’ и его переносные значения (др.-сакс. *skīr(i)* ‘свободный от примеси, чистый’, ср.-англ. *schere* ‘свободный, чистый, изысканный’, норв. *skjær* ‘непорочный, настоящий’ [The Oxford English Dictionary, p. 711]), а большинство лексем имеют значения и ‘чистый’, и ‘светлый’ или только ‘светлый’ и переносные значения (англ. (диал.) *shire* ‘прозрачный, светлый, чистый’, швед. *skir* (у Barnhart`а швед. *skär* ‘чистый’),

ср.-н.-нем. *schīr* ‘светлый’, ср.-нидер. *scier*, нидер. *schier* ‘белый, серый’, др.-фриз. *skīre* [Barnhart, 1995, p. 711], др.-север. *skīrr* ‘чистый, ясный, невинный, четкий’, гот. *skeirs* ‘ясный, светлый, четкий, чистый’, *skeireins* ‘изложение, объяснение’). Есть и однокорневые соответствия, в семантической структуре которых отмечают все вышперечисленные значения (др.-англ. *scīr* ‘чистый, несмешанный’, ‘ясный, белый, сверкающий, прозрачный’, англ. *sheer* ‘настоящий, неразведенный, чистый, легкий, прозрачный’ [Алексеева, 1971, с. 221; The Oxford Dictionary of English Etymology, 1989, vol. XV, p. 818; БАРС, 1977, т. II, с. 444; Holthausen, 1934, S. 280]). Все эти однокорневые слова являются продолжением общегерманской основы **skeira-* ‘светить, сиять, сверкать’, ср. производные этого корня: гот. *skeima* ‘светильник’, гот. *skeinan* ‘сиять, светить’, др.-англ. *scīnan* ‘сверкать, блестеть, нем. *Schemen* ‘призрак’, др.-в.-нем. *skinan*, нем. *scheinen* ‘светить’, нем. *schimmern* ‘мерцать’ [EWD, 1993, Bd. II, S. 1198].

Итак, обнаружив во всех древнегерманских языках у соответствующих ср.-в.-нем. *schīr* прилагательных значения ‘ясный, светлый, чистый’, мы полагаем, что это прилагательное было в древневерхненемецком языке с подобным значением, но не получило фиксации в текстах по причине их религиозной тематики, где представление о чистоте соотносится, прежде всего, с понятиями «святость», «нравственность», либо в силу особенностей функционирования этого слова в южнонемецких диалектах, оказавших на начальном этапе значительное влияние на язык памятников монастырских центров (о чем выше). Все вышесказанное позволяет нам включить *schīr* в ЛСП «Чистота» в древневерхненемецкий период.

Сложность анализа семантических отношений заключается в том, что для части синонимов, взятых из словаря Г. Кёблера, лексикографические источники (Paul, 1992; Gaupp, 1920; Köbler) не приводят контексты их употреблений, что не позволяет судить, в каком значении они соотносятся с *gein*. Это относится к нижеприведенным лексемам.

Alang

Древневерхненемецкое прилагательное *alang*, встречается в текстах в значении ‘самородный, несмешанный, чистый’ наряду с другими значениями: ‘целый, цельный, полный, невредимый, нетронутый, неуменьшенный, нераздельный’, ‘крепкий, массивный’, ‘совершенный, высококачественный’.

Именно эти другие значения получили продолжение в средневерхненемецкий период: *alanc/alenc/alinc* 'целый, невредимый, неповреждённый', ниж.-нем. (рейнс.) *alinc* 'целый, цельный, невредимый' [Köbler; Lexer, 1992, S. 3]. Значение 'целый, цельный, полный' является с этимологической точки зрения более ранним, ср.: др.-англ. *alung** 'весь, целый, вечный', *alan* 'кормить, питать', гот. **alan* 'расти', др.-исл. *ala* 'вызывать, породить', др.-в.нем. *al* (совр. нем. *all* 'весь, всякий'), др.-в.нем. *alt* 'взрослый, полноценный' [Paul, 1992, S. 26–28; EDW, 1993, Bd. I, S. 18; Lehmann, 1986, p. 24–25; Köbler].

Следовательно, значение 'самородный, несмешанный, чистый' представляет собой инновацию немецкого языка. История слова обрывается в средневерхненемецком языковом периоде.

Duruhnoht

Прилагательное *duruhnoht* было зафиксировано в древневерхненемецкий период в значениях 'чистый, хороший, умелый' и 'совершенный, завершённый, неподдельный'. Однокорневое образование – др.-в.-нем. *duruhnoht** 'чисто, абсолютно, полноценно', 'полно, совершенно' и 'пронзительно, пронизательно'. Обе лексемы образованы путем сложения предлога *duruh* 'через' и претерито-презентной формы глагола *ginah* 'достаточно, хватит' [Köbler]. Вероятно, развитие значения шло от 'достаточный, совершенный' далее к 'неподдельный, чистый, хороший, честный, прочный'. Дальнейшая история слова в словарях не отмечена.

Einfalt

Лексема *einfalt* зафиксирована в лексикографических источниках древневерхненемецкого периода в значениях 'чистый, целый, настоящий', 'единственный, одиночный', 'голый', 'простой, наивный, доверчивый', в средневерхненемецком языке слово известно в форме *einvalt* со значениями 'искренний, откровенный, преданный, простой, несмешанный, чистый, простодушный'. Позднее, в ранненововерхненемецкий период у слова *einfalt* отмечаются значения 'простой, наивный', совр. нем. *einfältig* 'наивный, простодушный', 'ограниченный, глупый'. Родственная лексика обнаружена и в других германских языках: гот. *ainfalps* 'несложный', др.-англ. *ānfeald* 'отдельный, несмешанный, единственный в своем роде, превосходящий, простой, скромный,

честный, искренний, прочный, неизменный’, др.-исл. einfaldr, др.-фриз. ēnfald ‘простой, наивный’ [Köbler; EDW, 1993, Bd. I, S. 130–131; Lehmann, 1986, p. 16].

Таким образом, старшее значение у слова einfalt ‘простой, несложный’ в древневерхненемецких текстах получило развитие как ‘целый, цельный, чистый, настоящий’.

Frōnisk/frōnisc

Прилагательное frōnisk/frōnisc в памятниках древневерхненемецкого языка встречается как обозначение сакрального (‘таинственный, святой’), а также употребляется для выражения этико-эстетической и общей положительной оценки: ‘великолепный, отличный, величественный’, ‘знаменитый, любезный, милый, ‘грациозный, изящный’, чистый, ‘прекрасный’ ‘возвышенный’. Слово является однокорневым др.-в.-нем. frōnisko*/frōnisco ‘великолепно, изящно, отлично, превосходно, чисто, по-городскому, образованно’. Родственная лексика найдена лишь в древнеанглийском языке: frānisk ‘великолепный’, frānisko* ‘великолепно, восхитительно’. Лексемы восходят к прагерм. *frauja-, *fraujaz ‘господин’; прагерм. *fraujo-, *fraujoþ, *frauja-, *fraujan ‘господин’ от и.-е. *p̥r̥d̥yo- ‘вперед’ [Pokorny, 1969, S. 815]; сравни и.-е. *p̥r̥e- ‘вперед, через’ [Pokorny, 1969, S. 810; Köbler]. Отсюда следует, что исходным значением у прилагательного frōnisk является оценочное значение. Дальнейшая история слова неизвестна.

Fuohsan и gifrēht

Прилагательное fuohsan/wuohsan словарь Герхарда Кёблера относит к древневерхненемецкому периоду и приводит значение слова через синоним в немецком языке – ‘reîn’ и в английском – ‘clean’, ‘чистый’. В этом же языковом периоде отмечено однокорневое образование – unfuohsan*/ unwuohsan* со значением ‘unreîn’, ‘dirty, unclean, impure’, ‘грязный, нечистый’ [Köbler].

Сходная ситуация и с др.-в.-нем. прилагательным gifrēht, значение которого дается через нем. reîn и англ. clean. Имеется однокорневое др.-в.-нем. ungifrēht, которое в словаре Герхарда Кёблера определяется через нем. unreîn и англ. unclean [Köbler].

Данные прилагательные не имеют однокорневых образований в древневерхненемецком и не встречаются в последующие периоды немецкого языка. Поэтому мы затрудняемся квалифицировать историю формирования и развития их семантики.

Unbiwollan

Известное в древневерхненемецком языке *unbiwollan* ‘незапятнанный, нетронутый, чистый’ и позднее ср.-в.-нем. *unbewollen/ umbewollen/unbeuollen* ‘незапятнанный’ является причастием прошедшего времени от др.-в.-нем. глагола *biwellan* ‘мотать, пятнать, лишать святости, загрязнять, вредить, марать, пачкать’ с отрицательной приставкой *un-*. Однокорневая лексика представлена и в других германских языках: древненижнефранк. *unbiwollan* ‘безукоризненно чистый, незапятнанный’, др.-сакс. *biwellan* ‘пятнать, окрашивать’, ср.-н.-нем. *bewellen* ‘пачкать, осквернять’ [Köbler]. Мотивировочный признак тот же, что и у *unbismizzan* и *ungiflekkōt* (см. выше). Прилагательное *unbiwollan* не получило дальнейшего развития в истории немецкого языка.

Unmeini

Известное древневерхненемецкому языку *unmeini* в значении ‘невинный, чистый’, (в средневерхненемецком *unmeine/unmien* ‘без лжи, искренний’) образовано от др.-в.-нем. прилагательного *mein* ‘фальшивый, неправый’ с отрицательной приставкой *un-*. В нижненемецких диалектах сохранилось прилагательное *mein* в значении ‘ложный, обманчивый’ [Köbler].

Производящая лексема *mein* восходит к прагерм. **maina-*, **mainaz* ‘*falsch schädlich*’ – ‘не правильный, ложный, неправый, постыдный’ [Köbler]. Следовательно, значение ‘невинный, чистый’ является производным от значения ‘неложный’.

Ниже приведена таблица лексических единиц, входивших в ЛСП «Чистота» в древневерхненемецкий период (см. таблица 3). Лексемы сгруппированы по субполям ЛСП «Чистота» и по исконности/неисконности происхождения.

Таблица 3

Субполе	Собственно германское происхождение	Заемствование
«светлый, ясный»	(h)reini (h)lūt(t)ar schīr glat	
«без примеси» (о конкр.)	(h)reini (h)lūt(t)ar githigan schīr alang	
«без примеси» (об абстр.)	(h)reini (h)lūt(t)ar bar	
«без грязи и пятен»	(h)reini unbismizzan unbiwollan ungiflekkōt fuohsan gifrēht	sūbar
этико-эстетическая оценка «морально безупречный», «миловидный, изящный», общая положительная «хороший», утилитарная «безвредный» оценки	(h)reini (h)lūt(t)ar unsculdīg kleini (зап.герм.) duruhnōht frōnisk einfalt unbismizzan unbiwollan ungiflekkōt unmeini alang	sūbar sūbarlīhho kūski

Таким образом, проведенный анализ синхронных отношений в ЛСП «Чистота» в древневерхненемецкий период выявил 21 лексему, выражавшую на тот момент представление о чистоте. В структуре ЛСП мы выделили пять субполей: три представлены прямыми значениями («светлый, ясный», «без примеси» (о конкр.), «без грязи»), одно переносным («без примеси» (об абстр.) и одно синкретичной оценкой (этико-эстетическая «морально безупречный», «миловидный, изящный» и общая положительная оценка «хороший», утилитарная оценка «безвредный»).

Можно предположить, что лексема (h)reini является ядерной, поскольку ее семантическая структура максимально полно репрезентирует понятие «чистота» в этот период. Тесно взаимодействуют с ядерной лексемой прилагательные (h)lūt(t)ar и schīr. Выясняя исходные семантические оппозиции этих трех лексем, наиболее

полно выражающих понятие «чистота», мы обратились к мотивировочным признакам в номинации этих лексем. Оказалось, что лексемы *hreini* с мотивировочным признаком ‘отделенный, просеянный, очищенный’ и *(h)lūt(t)ar* с мотивировочным признаком ‘вымытый’ репрезентируют чистоту как результат деятельности человека, в то время, как *schīg* с мотивировочным признаком ‘светлый, ясный, блестящий’ дает представление о чистоте природного характера.

В приядерную зону включаем прилагательное *sūbar* с прямым значением ‘без грязи и пятен’ и выражением этической оценки. Ближняя периферия представлена лексемами, которые «прорабатывают» разные аспекты понятия в субполях «светлый, ясный», «без грязи и пятен», «без примеси»: *frisk*, *bar*, *glat*, *githigan*, *alang*, *unbismizzan*, *unbiwollan* и *ungiflekkōt*. Важно отметить, насколько активно «действовала» в древненемецкий период дальняя периферийная зона (*kleini*, *sūbarlīhho*, *kūski*, *unsculdīg*, *duruhnoht*, *einfalt*, *frōnisk*, *unmeini*), отражающая взаимодействие ЛСП «Чистота» с другими полями оценочного характера (этической, общей и эстетической оценки): «пустой», «светлый/ясный», «хороший/плохой», «опрятный, изящный/маленький».

Схема ЛСП «Чистота» в древневерхненемецком периоде выглядит следующим образом (см. рисунок 4):

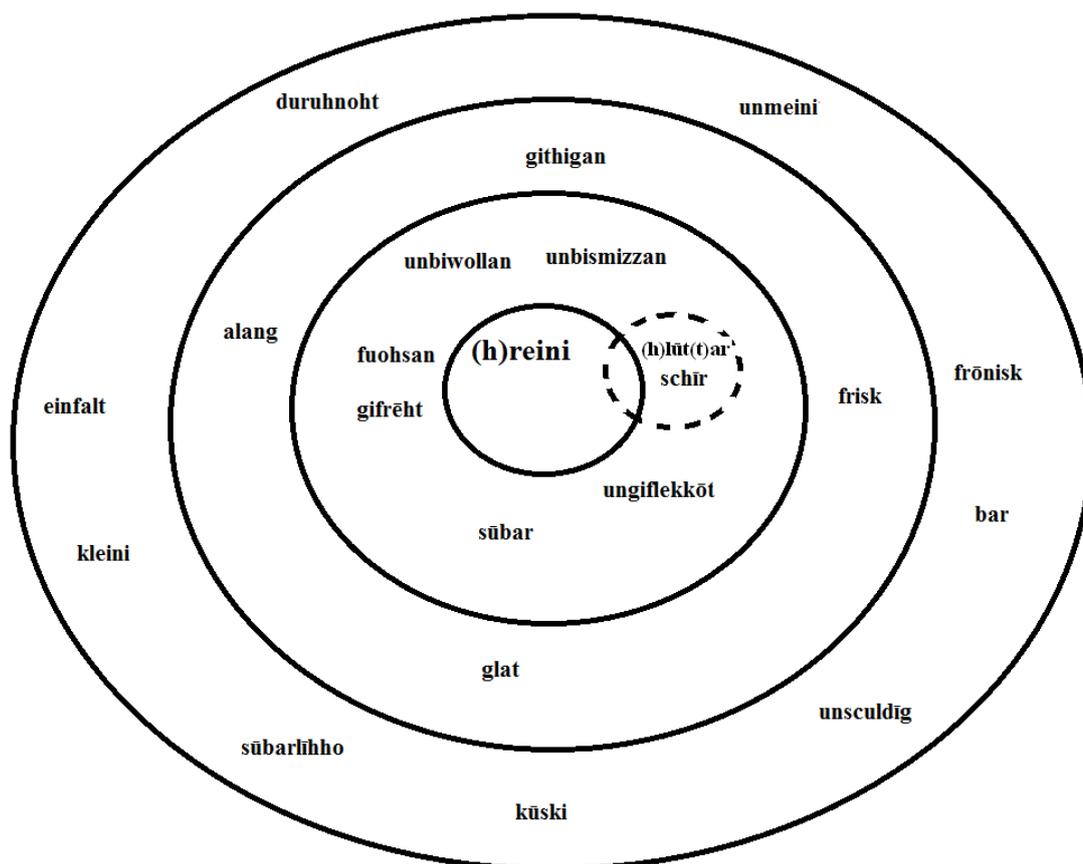

Рисунок 4

Все представленные на схеме лексемы ЛСП «Чистота» древневерхненемецкого периода, кроме *sūbar*, *sūbarlīhho* и *kūski*, являются германскими по происхождению. Но глубина формирования значений, выражающих представление о чистоте разная: *(h)reini*, *(h)lūt(t)ar* и *schīr* – еще с прогерманского периода, заимствованное *sūbar* – с древневерхненемецкого. Эти лексемы более всего функционально нагружены и употребляются в прямых и переносных значениях. Наибольшая плотность номинации наблюдается в субполе оценки (см. выше таблицу). Вероятно, это обусловлено спецификой литературных памятников данного языкового периода – текстов религиозного дискурса.

2.2.2. ЛСП «Чистота» в средневерхненемецкий период

В средневерхненемецкий период в выражении понятия «чистота» принимают участие часть лексем, известных с древневерхненемецкого этапа истории (*rein*, *lūter*, *schīr*, *sūber*, *sūberlich*, *gediegen*, *bar*, *klein*, *unbismizzan*, *unbiwollan*, *kiusche*, *unschuldig*, *einvalt*, *unmeini*, *dur(ch)neht*) и появляются новые лексемы (*reinicliche*, *ītel*, *juncvrouwelich*, *klār*, *pūr*). Изменения, произошедшие в

семантике унаследованных из предыдущего периода лексических единиц, мы представляем в таблице (см. таблица 4), добавив туда и новые единицы, вошедшие в этот период в ЛСП «Чистота».

Таблица 4

Субполе	Лексемы, сохранившиеся в ЛСП	Лексемы, пришедшие в ЛСП		Лексемы, вышедшие из употребления
		собственно немецкого происхождения	по происхождению заимствованные	
«светлый, ясный»	reīn lūter schīr		klār	glat
«без примеси» (о конкр.)	reīn lūter schīr gediegen	ītel	pūr	alanc
«без примеси» (об абстр.)	reīn lūter bar	ītel		
«без грязи и пятен»	reīn sūber unbismizzan unbiwollan	reiniclīche		ungiflekkōt fuohsan gifrēht
этико-эстетическая оценка «морально безупречный», «миловидный, изящный», общая положительная «хороший», утилитарная «безвредный» оценки	reīn sūber sūberlich lūter kiusche unschuldig einvallt unbismizzan unbiwollan unmeini klein dur(ch)neht	reiniclīche juncvrouwelich	klār	frōnisk ungiflekkōtalanc

Рассмотрим подробнее историю каждой новой лексической единицы данного языкового периода.

Reineclīche

Reinlich является дальнейшим образованием от reīn в средневерхненемецкий период (в форме reineclīche/reiniclīche). По отношению к человеку обозначает ‘заботящийся о чистоте’ и ‘безгрешный, целомудренный’, по

отношению к вещам – ‘чистый вследствие намеренных стараний’, т. е. ‘вычищенный’, ‘не замаранный’ и даже ‘чистый’ как ‘полный, окончательный’, например, *reinliche Scheidung* ‘окончательное разделение, развод’ и ‘безупречный, красивый, великолепный, хороший’ [Paul, 1992, S. 689; Köbler]. В современном немецком языке сохранились значения ‘заботящийся о чистоте’ (о человеке), ‘чистый, без грязи’ (о предметах, городе, одежде), ‘точный, тщательный, основательный’ (о действиях), (перен.) ‘порядочный’ (о человеке) [Duden. Deutsches Universalwörterbuch, 1989, S. 1236].

В средневерхненемецкий период активно формируется лексика с абстрактным значением. В частности прилагательные, ранее использовавшиеся как определения предметам, явлениям реального мира, начинают определять явления духовного мира (ср.: *hell*, ранее характеризовавшее только звучность, теперь получило и значения ‘блестящий’, ‘светлый’, прилагательное *edele* ‘благородный’ преимущественно обозначало дворянское происхождение и ценные (благородные) предметы природы (*edele stein*), теперь оно чаще стало относиться к духовным качествам, привычкам человека (*von edelen Herzen*) [Бах, 1956, с. 111]. В то же время, надо отметить, что это расширение семантики встречалось и ранее (ср. употребление Отфридом *edel* как синонима *gein* в значении ‘благородный’, ‘хороший’).

Eitel

Современное немецкое *eitel* выступает синонимом к *gein* и *lauter* в своем устаревшем, а также шутливом значении ‘чистый, неподдельный’ (например, *die Figur ist eitel Gold* – *фигура – чистое золото*; *es herrschte eitel Freude, Sonnenschein* – *господствует чистая радость, солнечный свет*). Данные выражения являются устойчивыми, поэтому прилагательное *eitel* не склоняется. Помимо данного значения, у *eitel* выделяют еще два: первое – сниженное, по отношению к своеобразному внешнему виду – ‘самодовольный, надменный’ (*ein eitel Mensch* – *надменный человек*; *er ist eitel wie ein Pfau* – *он важный как павлин*); второе значение – устаревшее, используется в возвышенном стиле – ‘ничтожный, напрасный, тщетный’ (*eiteles Geschwätz* – *пустая болтовня, вздор*; *eitele Mühe* – *напрасный труд*) [Duden. Deutsches Universalwörterbuch, 1989, S. 420].

Прилагательное известно немецкому языку с древневерхненемецкого периода (IX век) в форме *ītal* ‘пустой, пустынный, ничтожный, напрасный’, в средневерхненемецкий период употреблялось в форме *ītel*, расширилась семантическая структура, включив в себя значение ‘голый, неподдельный, полноценный, исключительный’ и ‘чистый, несмешанный’, встречается в сочетаниях *eitel Gold* – чистое золото, *eitel Freude* – чистая радость. Из церковного употребления *alles ist eitel* (ср.: *(omnia) est vanitas* (Вульгата) развилось основное в новеверхненемецком значение ‘самодовольный, обдумывающий последствия’ [EWD, 2002, Bd. I, S. 273; Köbler].

Jungfräulich

Прилагательное *jungfräulich* известно немецкому языку начиная со средневерхненемецкого периода в форме *juncvrouwelich* и в значении ‘нетронутый, чистый, свежий’ [EWD, 2002, Bd. I, S. 602]. Происходит от существительного *Jungfrau* (дева, дословно: молодая женщина). Др.-в.-нем. *jungfrouwa* имело значение ‘молодая (незамужняя) дворянка’ (ср.: *Junker* – уст. ‘молодой барин’, ист. ‘помещик в Пруссии’). В средневерхненемецкий период словом *juncvrouwa* называли дам дворянского происхождения, которые прислуживали государыне; позже их стали называть камеристками (*Kammerjungfer*). В этот же период по аналогии с *Gottesmutter* (Богоматерь) в религиозном языке мистиков *jungfrouwa* получает еще одно значение – ‘непорочная, целомудренная женщина’. В этом значении *jungfrouwa* стала заменять *Magd* ‘дева’. С ранневерхненемецкого периода вплоть до XIX века в мещанской среде словом *jungfrouwa* называют барышень, фрейлин. Начиная с XIV века появляется сокращенная форма *Jungfer*, ближе к XIX веку это слово все больше употребляется в негативном плане (*alte Jungfer* – старая дева) и сегодня имеет только такое значение [Paul, 1992, S. 442].

В современном немецком языке *jungfräulich* используется в высоком стиле в значении ‘девичий, девственный, целомудренный (о девушке)’ (например, *ein [noch] jungfräuliches Mäschen*; (поэт.) *ihr jungfräulicher Leib* – ее девственное тело; *die jungfräuliche Ehre* – девичья честь). Второе значение общеупотребительное – ‘еще никем не тронутый, не обработанный, не открытый’ (например, *jungfräulicher Schnee* – нетронутый снег; *eine jungfräuliche Landschaft* – нетронутый ландшафт; *jungfräuliche Erde* – первозданная земля; *jungfräulicher Boden* – целина); также

используется в значении ‘самородный, чистый’ (о металлах) [Duden. Deutsches Universalwörterbuch, 1989, S. 794].

В XII-XIII вв. наблюдается сильное влияние французского языка на немецкий, особенно после 1150 г., то есть после второго крестового похода, когда немецкое рыцарство вошло в непосредственное соприкосновение с французским рыцарством и устанавливаются многообразные культурные и литературные связи между Германией и Францией. Французское влияние на верхне- и среднерейнские области шло через Эльзас из Лотарингии, на нижнерейнские области влияние французского распространялось из Пикардии через Фландрию и Брабант. После упадка рыцарства и его поэзии большинство этих заимствований утратилось в немецком языке, но часть осталась (например, klar, fein и др.) [Бах, 1956, с. 120 -122].

Klar

Прилагательное klar стало известно письменному немецкому языку в средневерхненемецкий период в форме klār/klōr и имело значение ‘светлый, чистый, блестящий, красивый, четкий’ (например, о древесной смоле). [EWD, 1993, Bd. I, S. 661-662; Hennig, 2001, S. 183; Lexer, 1992, S. 125]. Слово распространилось в XII веке с низовья р. Рейн из нидерландского языка (ср.: ср.-нидерл. clear), куда, в свою очередь, попало из старофранцузского. Этимологически французское clair ‘светлый, прозрачный, чистый, ясный; понятный; редкий’ (ст.-франц. cler) является продолжением народнолатинской формы, соотносимой с литературным латинским clārus ‘ясный, светлый, блестящий; внятный; славный, известный’ [Дворецкий, 2000, с. 192; Ганшина, 1939, с. 101]. В современном французском языке есть однокорневые clair слова: cler ‘свет’, clair-obscur ‘полянка, просвет’. Изначально франц. cler определяло только предмет, развитие значения шло от ‘светлый, прозрачный, чистый’ к ‘ясный, понятный’ (напр., о речи), ‘редко растущий’ (напр., о лесе) [Dubois, 1996, p. 157].

По данным словарей, до появления klar в немецком языке для выражения понятий ‘светлый’, ‘ясный’, ‘прозрачный’ преимущественно использовались собственно немецкие слова. С высокой частотностью употреблялись luttar ‘прозрачно светлый, чистый, ясный’ (ближайший к rein синоним в

древневерхненемецкий период), а также *kund* ‘знакомый, очевидный, явный’, *offan* ‘открытый, очевидный, ясный, публичный’, из которых в современном немецком языке с этими понятиями связано *luttar* (нем. *lauter*) и *klar* [EDW, 1993, Bd. I., S. 744, 773, 944; Köbler].

В современном немецком языке *klar* сохранило основное значение, идущее еще из латыни (‘светлый, ясный, прозрачный’: *klares Wasser* – *чистая вода*, *klar wie Kristall sein* – *быть ясным как кристалл*), и расширило свою семантическую структуру, включив в нее прямое значение ‘без примеси’ (*klare (nicht gemischte) Farben* – *чистые (несмешанные) краски*) два более узких значения, использующихся в профессиональном языке: мор., ав. ‘готовый’ (о судне) (ср.: устойчивое словосочетание *klar Schiff* означает, что ‘судно готово к отплытию’), геол. ‘измельченный’ (например, о сахаре). По отношению к человеку *klar* характеризует разум, рассудок как ‘трезвый’ [Duden online].

Pur

Прилагательное *pur* зафиксировано в немецком языке в XIV веке (конец средневерхненемецкого периода) в форме *rūr* со значением ‘чистый, свободный от примеси, неподдельный’ (о конкр.) [Paul, 1992, S. 672]. Прилагательное *pur* было заимствовано в средневерхненемецкий период из латыни (ср.: лат. *rūrus* ‘чистый, беспримесный, пустой, незаостренный, открытый, безволосый, неисписанный, не заросший, голый, ясный, светлый, отдавший последний долг, нетронутый, девственный, простой, без украшений, безупречный, душевно чистый, незапятнанный, невинный, естественный, бесхитростный, незатейливый, безоговорочный, безукоризненный, очищающий’ [EWD, 1993, Bd. II, S. 1061; Дворецкий, 2000, с. 638]). Большое количество заимствований из латинского языка в данный период можно объяснить тем, что в средние века латынь выполняла роль языка науки и церкви, что способствовало обогащению словарного состава немецкого языка путем заимствования из латинского языка.

В современном немецком языке *pur* чаще всего используется для описания алкогольных напитков, характеризуя их как ‘несмешанные’, например, *Whisky pur* – *чистый виски*, *den Rum pur trinken* – *пить чистый ром*. В значении ‘чистый, неподдельный’ *pur* употребляется относительно конкретных предметов (*pures Gold* – *чистое золото*) и в переносном смысле об абстрактных явлениях (*pure*

Wahrheit – чистая правда). В разговорной речи встречается в усилительном значении ‘ничто иное как’, например, *ein purer Zufall – чистое совпадение, sie taten es aus purem Neid – они это сделали из чистой зависти* [Duden. Deutsches Universalwörterbuch, 1989, S. 1197].

Таким образом, синхронный срез в средневерхненемецкий период выявил, что ядро поля представлено одной единицей – *reîn*, которая начинает выражать чистоту природную, исконную (как внешнюю, так и внутреннюю). Лексема *lüter* суживает свою конкуренцию, занимая, как и прежде, место в приядерной зоне. В этой же зоне оказывается заимствованное *süber*, используемое для обозначения чистоты, созданной в результате деятельности человека. Наряду с *lüter* и *süber* в приядерную зону попадают *schîr*, *reineclîche*, *unbismizzan*, *unbiwollan*, *pûr* и *klâr*. Денотативная сфера *reîn* в значении ‘светлый, ясный’ сужается. Это вызвано «конкуренцией» вновь включенных в это ЛСП заимствований из французского и латинского языков: проникают лексемы *pûr* и *klâr*, которые наряду с *schîr* и *lutter* начинают активно употребляться в значении ‘ясный, светлый, прозрачный, блестящий’, создавая конкуренцию ядерному *reîn*. Следует отметить, что значение ‘светлый, ясный’ у *klâr* и *schîr* является исходным этимологически, а у *reîn* – производным. Лексема *ungiflekkôt* покидает околядерную зону.

Ближняя периферия представлена лексическими единицами *gediegen*, *itel*, *bar*. В дальнюю периферию входят такие лексемы, как *süberlich*, *kiusche*, *unschuldig*, *juncvrouwelich*, *dur(ch)neht*, *einvalt*, *unmeini*, *klein*. Наибольшая плотность номинации сохраняется у субполя этико-эстетической оценки ‘морально безупречный’ и ‘миловидный, изящный’ (15 лексем). Это свидетельствует о сохраняющейся значимости представления о нравственной чистоте и внешней красоте в сознании носителей немецкого языка. О продолжающемся осмыслении понятия «чистый» как ‘несмешанный’ и ‘ясный, светлый’ доказывают заимствования из латинского (*klar*, *pur*). Увеличение количества лексем в субполе ‘ясный, светлый’ приводит к сокращению функциональной значимости в этом значении *reîn*.

Относительно структуры ЛСП в средневерхненемецкий период можно сказать, что особых изменений она не претерпела. Структура ЛСП «Чистота» в средневерхненемецкий период представлена на схеме (см. рисунок 5):

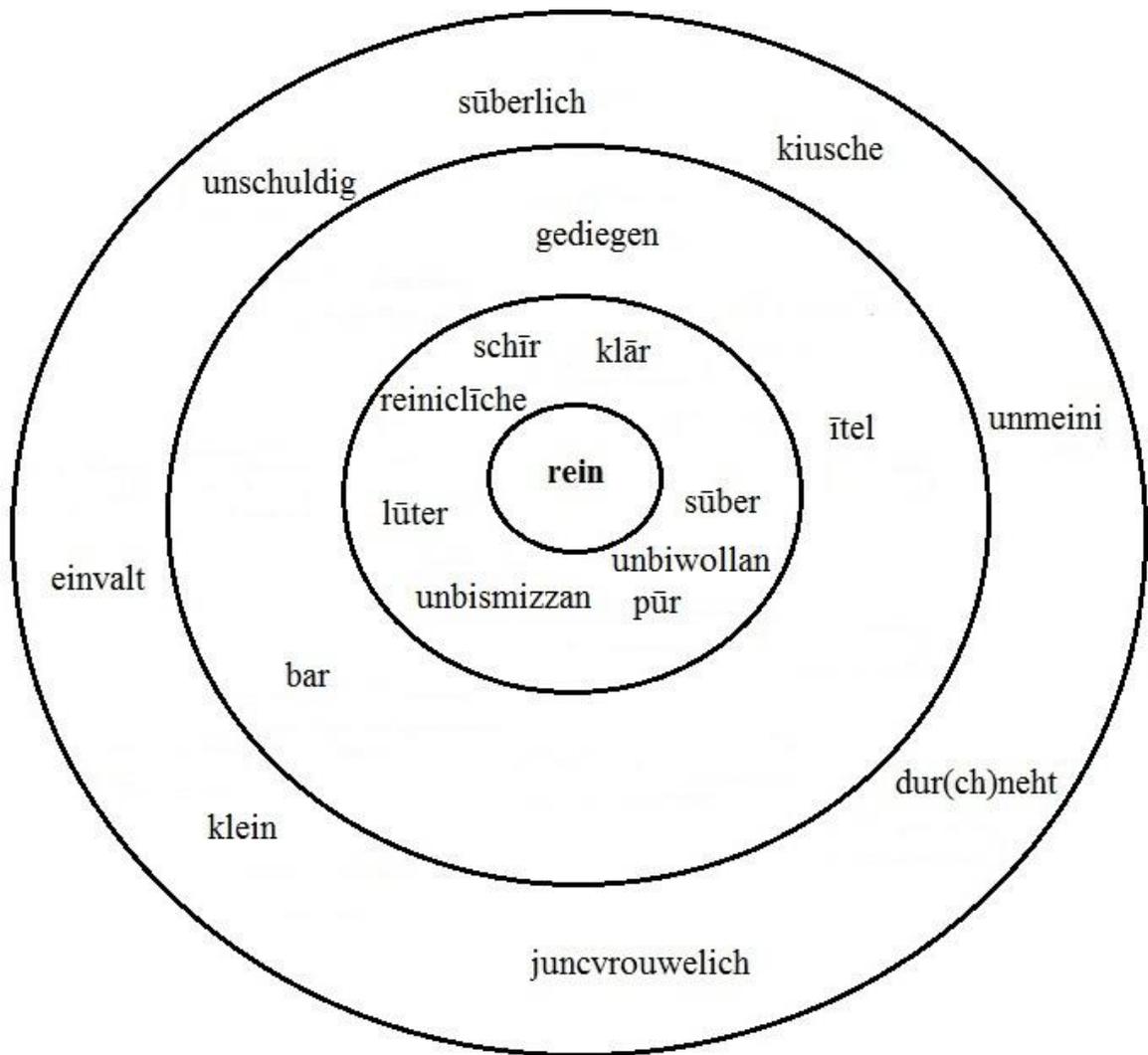

Рисунок 5

2.2.3. ЛСП «Чистота» в ранненововерхненемецкий период

В ранненововерхненемецкий период бóльшая часть лексических средств выражения ЛСП «Чистый» наследуется (*rein, lauter, schier, sauber, säuberlich, gediegen, bar, unbismizzan, keusche, unschuldig, reiniclich, eitel, jungfräulich, klar, pur*), появляются также две новые единицы (*proper, hell*). Структура поля значительных изменений не претерпела: в данный языковой период отмечается расчленение оценки: в самостоятельные субполя выделяются этическая ‘морально безупречный’, эстетическая ‘миловидный, изящный’, общая положительная ‘соответствующий всем требованиям, безупречный’ и утилитарная оценки ‘безвредный’ [Гуревич, 1984]. Лексическая экспликация поля в ранненововерхненемецкий период представлена в виде таблицы (см. таблица 5):

Таблица 5

Субполе	Лексемы, сохранившиеся в ЛСП	Лексемы, пришедшие в ЛСП		Лексемы, вышедшие из употребления
		собственно немецкого происхождения	по происхождению заимствованные	
«светлый, ясный»	rein lauter klar	hell		schier
«без примеси» (о конкр.)	rein lauter schier gediegen eitel pur			
«без примеси» (об абстр.)	rein lauter bar eitel			
«без грязи»	rein reinlich sauber unbeschmutzt		propre	unbiwollan
этическая оценка «морально безупречный»	rein reinlich sauber säuberlich lauter keusch unbeschmutzt unschuldig jungfräulich			einvalt unbiwollan dur(ch)neht unmeini*
эстетическая оценка «миловидный, изящный»	sauber säuberlich reinlich klar	gediegen	propre	klein
утилитарная оценка «безвредный»	unschuldig		sauber	
общая положительная оценка «хороший, безупречный»	sauber reinlich			

Рассмотрим историю появившихся в ЛСП «Чистота» новых лексем.

Proper

Первое заимствование proper в немецкий язык произошло в значении 'своеобразный, особенный' во второй половине XVI века (ср.: properheit 'своеобразие, особенность'). И только с XVII века отмечается употребление

proper в значении ‘чистый, аккуратный’. Такое развитие семантики обусловлено тем, что его источником является франц. propre ‘чистый, аккуратный’, ‘собственный, подлинный, подходящий, надлежащий’ (ст.-франц. propre восходит к лат. proprius ‘особенный, своеобразный, существенный, предупредительный, подходящий’) [EWD, 1993, Bd. II, S. 1049].

В современном немецком языке два первых значения proper прямо соотносятся с понятием «чистота»: ‘привлекающий ухоженным, приятным внешним видом’ (например, *ein properes Mädchen* – *опрятная девочка*), чаще по отношению к одежде, характеризуя ее как ‘хорошо, аккуратно сидящую’ и ‘содержащийся в чистоте, аккуратно’ (например, *er hat ein properes kleines Zimmer* – *у него чистая маленькая комната; er halt sich proper* – *он аккуратен*). Третье значение – оценочное (близкое к общей положительной оценке) – ‘тщательный, солидно проделанный, проработанный’ (например, *da hat er propere Arbeit geleistet* – *вот он проделал солидную работу*) [Duden. Deutsches Universalwörterbuch, 1989, S. 1187]. Значение ‘своеобразный, особенный’ не сохранилось.

Hell

Первые упоминания прилагательного hell встречается в текстах древневерхненемецкого периода в форме hel, где оно имело значение ‘звонкий, звучный’ (рубеж X-XI вв.). В средневерхненемецкий период у данного слова (употреблялось в форме hel) появляются еще одно значение – ‘блестящий’ [Paul, 1992, S. 400].

В ранневерхненемецкий период Лютер употребляет hell как антоним к dunkel ‘темный’ вместо прежнего licht: *am hellen lichten (позднее hellichten) Tage* – *светлым днем*. По отношению к краскам hell означает ‘светлый оттенок какого-либо цвета’, например, hellrot, -blau в противопоставление к dunkelrot, -blau. Прозрачные вещества (например, воду, стекло) hell характеризует как ‘ясное, чистое, незамутненное, прозрачное’ [EWD, 1993, Bd. I, S. 529]. В этот же период у hell встречается значение ‘ясный, однозначный, очевидный’, устаревшее в современном немецком: *helle sprüche und text... die mit klarem verstand uns zwingen* – *ясные разговоры и текст ... которые требуют от нас ясное сознание* [Paul, 1992, S. 400].

Позднее (XVIII в.) прилагательное hell стало употребляться в духовной сфере относительно разума человека в значении ‘умный, смысленный, легко и быстро схватывающий’ [Paul, 1992, S. 400]. В современном немецком языке семантическая структура hell не претерпела особых изменений [Большой немецко-русский словарь, 1997, т. I, с. 589]. Таким образом, прилагательное обозначало изначально акустические, а в средневерхненемецкий период и визуальные впечатления, т. е. понятие «чистый» и «светлый» тесно связаны в семантической структуре современного hell. Развитие значения ‘чистый, звучный’ шло в двух направлениях: ‘чистый, ясный’ (о дне, о воде) и ‘ясный, светлый’ (о красках).

Подводя итог по ЛСП «Чистота» в ранненововерхненемецкий период, мы отмечаем следующую картину. Rein остается по-прежнему в ядре ЛСП, а прилагательное sauber расширяет сферу своей референции, вследствие чего входит в ядро ЛСП, наряду с rein. Из двух ядерных лексем только одна – rein – принимает участие в выражении субполя «светлый, ясный», притом значительно снизив свою денотативную сферу в данном значении. Таким образом, отсутствие в семантической структуре ядерной лексемы sauber значения ‘светлый, ясный’ и значительное сокращение употребления в этом значении другой ядерной лексемы – rein – позволяет сделать вывод о формировании более самостоятельного ЛСП «светлый/ясный» (klar, hell, lauter), тесно взаимодействующего с ЛСП «Чистота». Выявленное в нашем исследовании тесное взаимодействие понятий «чистый» и «светлый, ясный» характерно для многих языков мира, что подтверждает типологическое исследование на материале русского, английского, китайского, новогреческого и восточноармянского языков, где был сделан вывод о том, что «существуют когнитивно значимые объекты (например, среды, такие как вода и воздух), для которых наличие одного из признаков имплицитно подразумевает наличие другого. Например, через грязную воду в реке невозможно рассмотреть дно, то есть одновременно она является и мутной. Наоборот, замутненность воды в прототипическом случае означает наличие в ней грязи. Теми же отношениями связаны признаки чистоты и прозрачности. Поэтому эти признаки бывает фактически невозможно различить: например, в английском лексемы clean и clear являются взаимозаменяемыми или

очень близкими по значению во многих контекстах, а в армянском есть отдельная лексема *včit* со значением ‘чистый, прозрачный’» [Архангельский, 2011].

Приядерная зона ЛСП представлена лексическими единицами *lauter*, *schier*, *reinlich*, *klar*, *pur*. В зону ближней периферии попали *hell*, *eitel*, *gediegen*. Дальняя периферия сократилась до пяти лексем – *säuberlich*, *keusch*, *propre*, *unschuldig*, *jungfräulich*.

В этот период отмечается изменение в структуре оценки: происходит дальнейшее расчленение синкретичной положительной оценки, выделение самостоятельной этической, эстетической и общей оценок. Структура ЛСП «Чистота» представлена на рисунке 6:

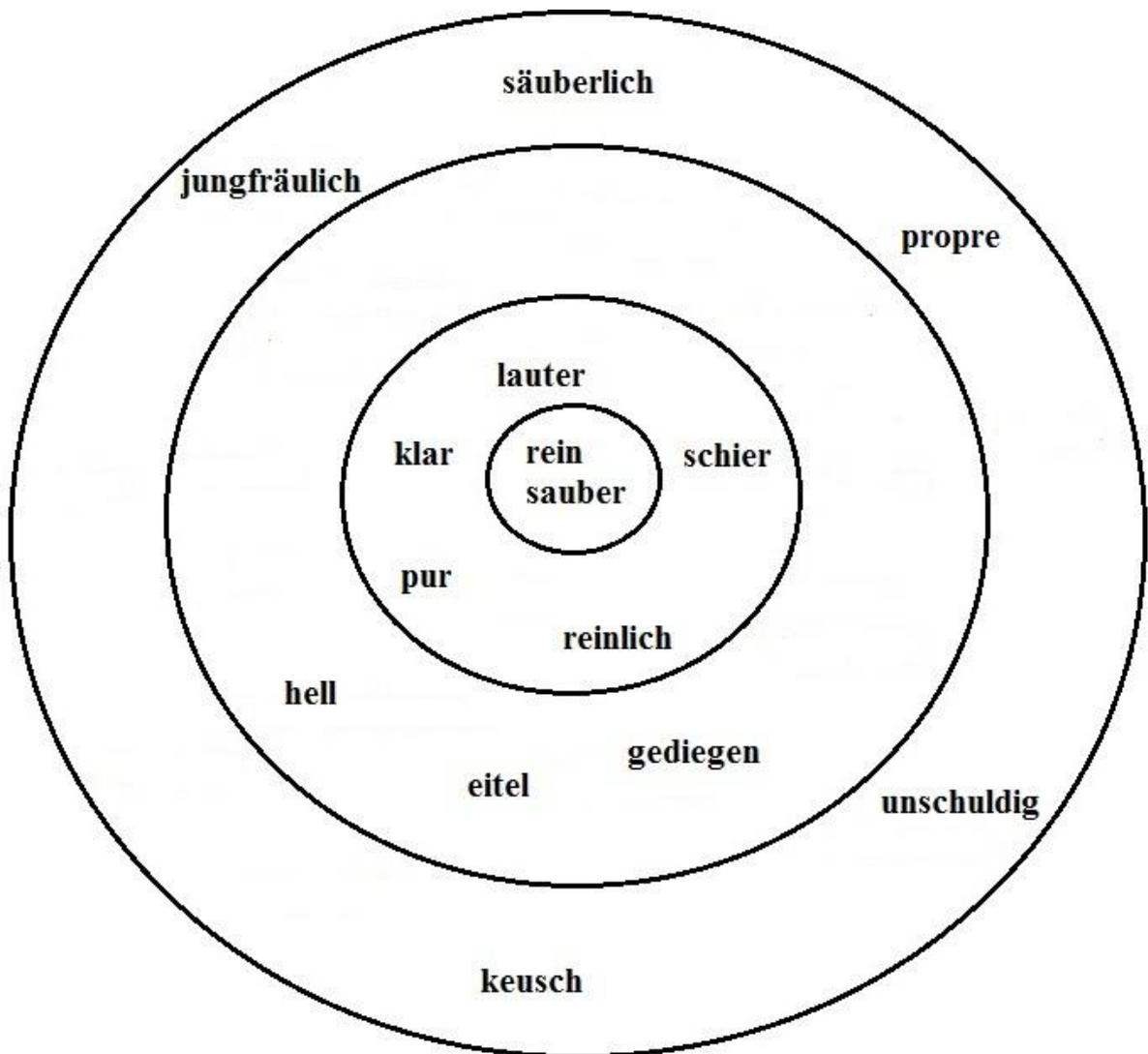

Рисунок 6

2.2.4. ЛСП «Чистота» в современном немецком языке

В современном немецком языке полностью сохраняется с предыдущего периода лексический состав поля (rein, lauter, schier, sauber, säuberlich, gediegen, bar, unbismizzan, keusche, unschuldig, reinlich, eitel, jungfräulich, klar, pur, proper, hell) и добавляется ряд новых лексем (durchscheinend, durchsichtig, gläsern, ungetrübt, krastallklar, glasklar, transparent, echt, naturrein, natürlich, unverfälscht, unvermischt, unversetzt, gereinigt, absolut, natürlich, völlig, ungetrübt gesäubert, fleckenlos, makellos, aufgeräumt, schmutzfrei, unbenutzt, blitzsauber, schuldlos, unschuldig, unverdorben, einwandfrei, anständig, ehrenhaft, ehrlich, gebürrlich, gerecht, rechtschaffen, redlich, ritterlich, sportlich, zuverlässig, unberührt, fair, hygienisch, ordentlich, schmuck, schön, ritterlich, auffällig, gepflegt, adrett, regelrecht, richtig, vollkommen, vollständig, wirklich, makellos, ordentlich, genau, gewissenhaft, sorgfältig, einwandfrei, tadellos, wohngeordnet, in Ordnung, aufrecht, ritterlich, absolut, komplett, akkurat, penibel, solidarisch). При этом структура поля не меняется (см. таблицу 6):

Таблица 6

Субполе	Лексемы, сохранившиеся в ЛСП	Лексемы, пришедшие в ЛСП		Лексемы, вышедшие из употребления
		собственно немецкого происхождения	по происхождению заимствованные	
«светлый, ясный»	rein (узк.) lauter klar hell	durchscheinend durchsichtig gläsern ungetrübt krastallklar glasklar	transparent	
«без примеси» (о конкр.)	rein lauter schier gediegen eitel (узк.-проф.) jungfräulich pur	echt jungfräulich naturrein natürlich unverfälscht unvermischt unversetzt gereinigt	klar absolut	

Субполе	Лексемы, сохранившиеся в ЛСП	Лексемы, пришедшие в ЛСП		Лексемы, вышедшие из употребления
		собственно немецкого происхождения	по происхождению заимствованные	
«без примеси» (об абстр.)	rein lauter bar eitel	echt natürlich schier völlig unverfälscht unvermischt unversetzt ungetrübt	absolut klar pur	
«без грязи»	rein reinlich sauber unbeschmutzt	gereinigt gesäubert fleckenlos makellos aufgeräumt schmutzfrei unbenutzt blitzsauber	hygienisch	
этическая оценка «морально безупречный»	rein reinlich sauber säuberlich lauter keusch unschuldig unbeschmutzt jungfräulich	fleckenlos makellos natürlich schuldlos unschuldig unverdorben einwandfrei anständig ehrenhaft ehrlich gebühlich gerecht rechtschaffen redlich ritterlich sportlich zuverlässig unberührt	fair	
эстетическая оценка «миловидный, изящный»	sauber reinlich klar gediegen säuberlich proper	blitzsauber ordentlich schmuck schön ritterlich auffällig gepflegt	adrett	
утилитарная оценка «не вызывающий грязи, безвредный»	sauber unschuldig	unschuldig unverdorben tadellos	hygienisch	

Субполе	Лексемы, сохранившиеся в ЛСП	Лексемы, пришедшие в ЛСП		Лексемы, вышедшие из употребления
		собственно немецкого происхождения	по происхождению заимствованные	
общая положительная оценка «хороший, безупречный»	sauber reinlich	regelrecht richtig vollkommen vollständig wirklich makellos ordentlich genau gewissenhaft sorgfältig einwandfrei tadellos wohngeordnet in Ordnung aufrecht ritterlich	absolut komplett akkurat penibel fai solidarischr	

Как видно из таблицы 6, в современном немецком языке значительно расширился лексический состав поля. Часть лексем представляют собой причастные формы, которые активно используются в современном немецком языке. Они участвуют в выражении основных субполей:

- ‘светлый, ясный’ – *durchscheinend* ‘просвечивающий, прозрачный; пропускающий свет’, *ungetrübt* ‘неомрачённый, безмятежный; ясный, безоблачный’;

- ‘без примеси’ – *unvermischt* ‘несмешанный’, *unversetzt* ‘несмешанный, неразбавленный’, *unverfälscht* ‘неподдельный’ (о продуктах, чувствах);

- ‘без грязи’ – *gereinigt* ‘очищенный’ (о предметах, веществе или отфильтрованной жидкости, о редакции текста), *gesäubert* ‘очищенный’, *unbeschmutzt* ‘незагрязненный’ (о конкретных предметах и абстрактных явлениях), *unbenutzt* ‘неиспользуемый, оставшийся без употребления’, *aufgeräumt* ‘прибранный’;

- ‘морально безупречный’ – *unberührt* ‘нетронутый; девственный’, *unverdorben* ‘неиспорченный; непорочный, невинный’;

- ‘миловидный, изящный, хороший’ – *gepflegt* ‘холёный, выхолённый; ухоженный’.

Немалую долю лексического состава поля представляют собой слова, образованные при помощи суффиксов с отрицательным значением (-los-, -frei-, un-, um-): fleckenlos, makellos, schuldlos, unschuldig, einwandfrei, tadellos и др. Большой приток причастий и лексем с отрицательными префиксами свидетельствует о том, что на современном этапе в сознании современных немцев стало актуальным понятие о том, каким способом достигается чистота, при исключении каких свойств можно говорить о достигнутой чистоте реалии. Следует также отметить, что для анализа ЛСП в современном литературном немецком языке были взяты данные только синонимических словарей. При учете всех возможных причастных форм количество лексических единиц, принимающих участие в выражении понятия «чистота» было бы значительно больше. Однако, мы не видим необходимости в анализе причастий, т. к. они в большинстве своем выражают лишь разные способы очистки (gefegt ‘подметенный’, gewaschen ‘вымытый’, gesaugt ‘пропылесосенный’ и т. п.), тем самым дискретизируя субполя «без примеси (о конкр.)» и «без грязи и пятен».

Большое количество лексем всего ЛСП «Чистота» в современном немецком языке (78 единиц) свидетельствует о значительной дискретности понятия, отрефлексированности в языке разных граней понятия и о культурно значимом характере признакового концепта. Высокая частотность употребления ядерных лексем ЛСП – *rein* и *sauber* – в функции общей оценки и ряде частных – этической, эстетической, нормативной, утилитарной – говорит о высокой культурной значимости концепта «Чистый» в сознании носителей немецкого языка.

Наибольшая плотность номинации в современном немецком языке выявлена у субполей этической (28) и общей положительной (24) оценок, относительно меньшее число лексем зафиксировано в субполях «без примеси (о конкр.)» (17), «без грязи (об абстр.)» (15), «без грязи (о конкр.)» (14), эстетической оценки (13) и «светлый, ясный» (11). Наименьшая плотность номинации наблюдается в понятийном компоненте утилитарной оценки ‘безвредный’ (6). Ядерное *rein* постепенно утрачивает значение ‘светлый, ясный’, что, в свою очередь, отражает ослабление взаимодействия понятий «чистый» и «светлый, ясный». Структура ЛСП «Чистота» в современном немецком языке представлена в виде схемы (см. рисунок 7):

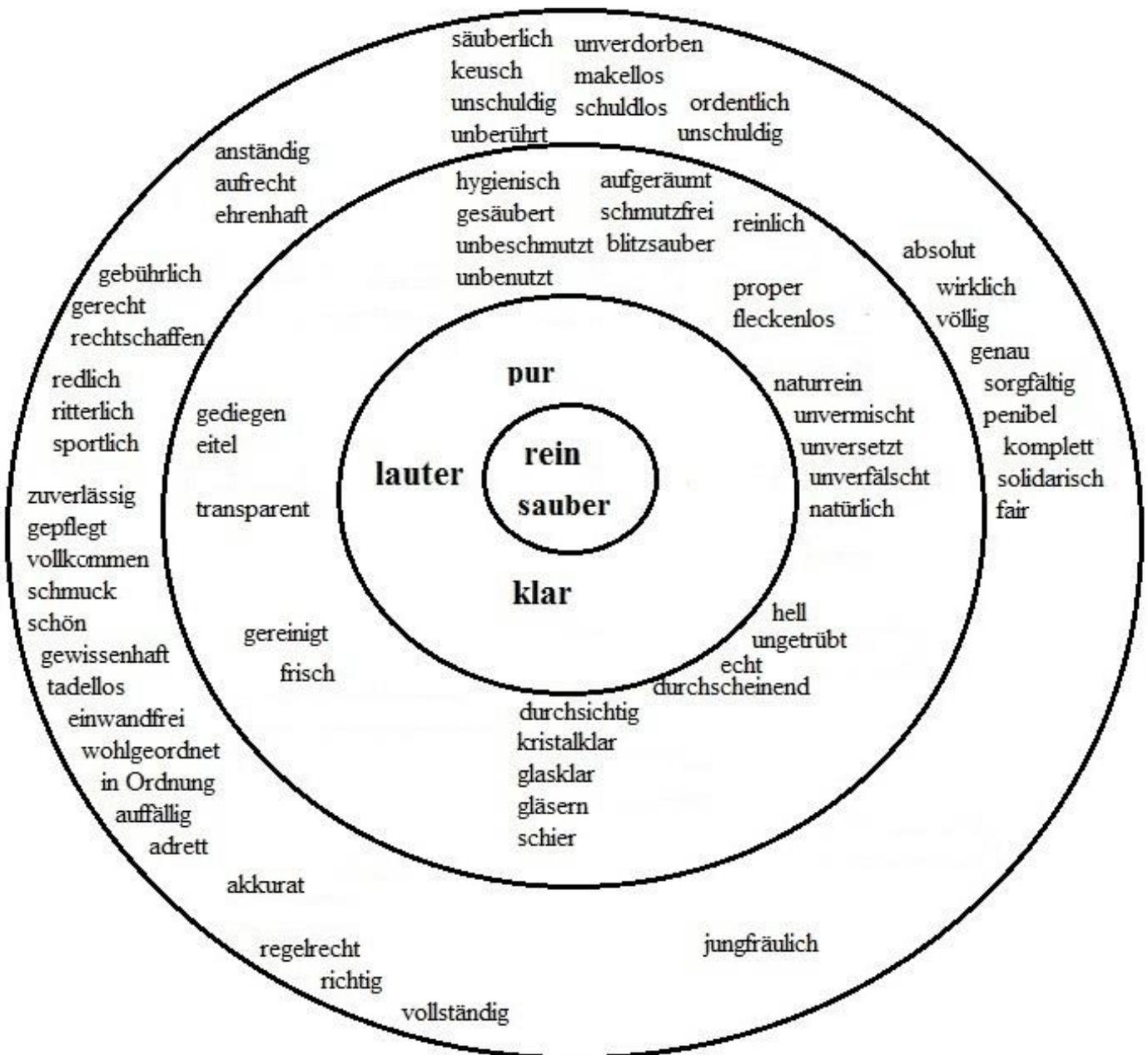

Рисунок 7

2.2.5. Общий вывод по ЛСП «Чистота» в немецком языке

История развития семантики ЛСП рассмотрена в разные исторические периоды на материале лексической группы из 84 единиц, претерпевавших на протяжении истории изменение своего статуса в разной степени по отношению к ядру ЛСП.

Мы проследили исторические изменения лексических средств, представляющих ЛСП «Чистота» на четырех этапах истории немецкого языка, изменения, касающиеся количественного состава ЛСП в рассматриваемые

периоды, качественные изменения на уровне семантики лексических единиц, связанных с понятием «чистота», и содержательно-структурные изменения в целом всего ЛСП, отражающие разновременное структурирование представляемого этим ЛСП концепта.

Исторический анализ фрагмента ЯКМ, связанный с понятием «чистота», показал, что этот фрагмент ЯКМ формировался, начиная с прагерманского периода истории германцев (обозначение чистого, восходящего к общеиндоевропейскому, нами не обнаружено и не отмечено в историко-этимологической литературе - ср., например, Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов «Индоевропейский язык и индоевропейцы» [Гамкрелидзе, 1984]). Как свидетельствуют историко-этимологические источники и наш анализ, на прагерманском уровне представление о чистом выражалось лексемами *hraini-*, **hlutar*, **skeira-*.

Историко-этимологическое рассмотрение **hrein-* показывает, что исходным мотивировочным признаком в данном случае было 'отделенное, просеянное' = 'чистое'. Конкретная реализация 'просеянный/отсеянный' у более общего значения 'отделять, резать, рубить', реконструируемого для индоевропейского уровня корня **ker-*: **kor-*: **kr-*, отмечается у однокорневых образований не только в германских, но и в латинском (италийских?), кельтских языках (хотя развитие значения от 'просеянный' к 'чистый' произошло только в германских языках). В этих же языках существуют/существовали однокорневые обозначения сита, решета. Это свидетельствует в пользу того, что данная вербализация представляла «чистое» как нечто однородное, без примеси. Внутренняя форма второй лексемы **hlutar-* мотивирована значением **'промытый, отмытый, прополосканный'* и, следовательно, 'чистый', 'светлый, ясный', что делало эту лексему семантически более близкой к третьей – **skeira-*, исходное значение которой 'блестящий, ясный, светлый'. В новое время продолжения прагерманских **hlutar-* и **skeira-* (*lauter*, *schier*) сократили сферу своего функционирования.

Доминантой этого синонимического ряда (или ядром поля) была лексема **hraini-*, чья семантика включала все значения синонимического ряда, т. е. синкретично представляла понятие «чистота» как предполагающее отсутствие внутренней и внешней примеси в реалии, явлении, их ясность, светлость,

прозрачность. В этой синкретичности семантики *hraiñi- и проявляется отражение исходного тесного понятийного взаимодействия между «чистый» и «ясный, светлый, прозрачный». Разрушение этой синкретичности и, соответственно, дискретное представление понятийной части концепта «Чистый» отразилось на языковом уровне как конкуренция лексем *rein* с *sauber*, последнее из которых представляло исходно инокультурный концепт «Чистый», основанный на рациональной оценке чистого в характере и поведении человека. Конкуренция привела к тому, что обе лексемы стали ядерными, взаимодополнительными по функциям. Дискретное представление понятийной части концепта «Чистый» реализовалось как формирование понятийной оппозиции «чистота природная»-«чистота как результат деятельности человека». Дискретность, возникшая из синкретичности представления о чистоте, – результат когнитивной деятельности носителей немецкого языка при значительном инокультурном влиянии.

Исследование истории фрагмента ЯКМ, связанной с понятием «чистота» в немецком языке, выявило взаимодействие с другими фрагментами ЯКМ (соответственно, взаимодействие между фрагментами концептосферы), такими как «грязный», «неоднородный», «свободный/пустой», «большой/маленький», «(а)моральный», «красивый», «настоящий», «(не)правильный», «хороший/плохой». Это доказывает тот факт, что концепты не существуют сами по себе и не могут быть однозначно разграничены в концептосфере человека.

2.3. Анализ структуры ядра ЛСП «Чистота» в современном английском языке

Для отыскания слова-идентификатора (слов-идентификаторов), выражающего наиболее полно представление о чистоте в современном английском языке, мы обратились к наиболее авторитетному двуязычному словарю английского языка [Большой англо-русский словарь, 1977] и словарю синонимов английского языка [The Oxford Dictionary of Synonyms and Antonyms, 2007]. Как основные лексические единицы в выражении понятия «чистый» лексикографические источники выделяют прилагательные *clean*, *pure* и *clear*, которые также выступают доминантами трех синонимических рядов. В отдельных значениях дефиниции этих лексем даны одно через другое. Для выявления

значимости каждой из этих лексем в лексической системе английского языка, их отношений между собой с тем, чтобы определить степень их участия в выражении, прежде всего, понятийной части концепта, необходимо обратиться к анализу их семантических структур и их системных отношений – деривационных, синтагматических, парадигматических.

2.3.1. Семантическая структура clean в современном английском языке

В Оксфордском словаре семантическая структура англ. clean представлена четырьмя лексико-семантическими вариантами значений [Oxford Dictionary of English, 2005, p. 320]:

- 1) ‘free from dirt, marks, or stains’ – ‘без грязи, следов или пятен’;
 - a) ‘having been washed since last worn or used’ – ‘вымытый после последней носки или использования’;
 - b) ‘not yet marked by writing or drawing’ – (о бумаге) ‘еще не исписанный или не изрисованный’;
 - c) ‘attentive to personal hygiene’ – (о человеке) ‘заботящийся о личной гигиене’;
 - d) ‘free from pollutants or unpleasant substances’ – ‘без загрязнений или неприятных веществ’;
 - e) ‘free from or producing relatively little radioactive contamination’ – ‘приводящий к незначительному радиоактивному загрязнению или вообще не приводящий к загрязнению’;
- 2) ‘morally uncontaminated; pure; innocent’ – ‘моральн незапятнанный, неиспорченный, целомудренный, невинный’;
 - a) ‘not sexually offensive or obscene’ – ‘сексуально не оскорбительный или непристойный’;
 - b) ‘showing or having no record of offences or crimes’ – ‘не допускающий нарушений, не имеющий записей о зарегистрированных нарушениях или преступлениях’;
 - c) ‘played or done according to the rules’ – ‘сыгранный или сделанный по правилам’;

d) 'not possessing or containing anything illegal, especially drugs or stolen goods' – (разг.) 'не обладающий или не содержащий чего-либо незаконного', главным образом, о наркотиках или о похищенных товарах;

e) 'not taking or having taken drugs or alcohol' – (разг.) (о человеке) 'не употребляющий или не употреблявший наркотических средств или алкогольных напитков';

f) 'free from ceremonial defilement, according to Mosaic Law or other religious codes' – 'без ритуального осквернения, соответствующий Моисееву закону или другому религиозному кодексу';

3) 'free from irregularities; having a smooth edge or surface' – 'без отклонений от нормы; имеющий гладкий, ровный край или поверхность (внешний вид)':

a) 'having a simple, well-defined, and pleasing shape' – 'обладающий простой, четкой и приятной формой';

b) (of an action) 'smoothly and skilfully done' – (о действии) 'плавно (ровно) и умело (ловко) сделанный';

4) (of taste, sound, or smell) 'giving a clear and distinctive impression to the senses', 'sharp and fresh' – (о вкусе, звуке или запахе) 'дающий четкое и отличительное представление об ощущениях', 'острый и свежий'.

Контекстные употребления прилагательного clean в значении 'без грязи, следов или пятен' дают следующую картину: *the room was spotlessly clean* – комната была безупречно чистой; *the room had been washed clean* – номер был начисто вымыт; *keep the wound clean* – держать рану чистой; *a clean blouse* – чистая блузка; *He wore his cleanest slacks, a clean shirt and a navy blazer* – Он был одет в чистейшие брюки, чистую рубашку и темный блейзер; *he copied the advert on to a clean sheet of paper* – он переписал объявление на чистом листке бумаги; *we will create a cleaner, safer environment* – мы сделаем окружающую среду более чистой, более безопасной; *the forester and the sawyer reject timber that is not straight and clean* – лесник и лесоруб отвергают неровную (непрямую) и шероховатую (негладкую) древесину; *The metro is efficient and spotlessly clean* – Метро является эффективным и очень чистым; *Tiled kitchen floors are easy to keep clean* – Кафельные кухонные полы легко содержать в чистоте; *Fans of electric cars say they are clean, quiet and economical* – Любители электромобилей говорят, что они

чистые, тихие и экономичные; Another clean atomic explosion was carried out in the Pacific – Еще один взрыв атомной бомбы с малым количеством радиоактивных осадков был произведен в Тихом океане. Из этих контекстов следует, что значение ‘без грязи и пятен’ является прямой номинацией признака. В то же время контексты показывают, что здесь речь идет о чистоте, получаемой в результате действий или деятельности человека.

Во втором значении у *clean* в словарях отмечается следующая сочетаемость: *clean living – чистая жизнь; it's all good clean fun – это все чистое удовольствие; It would be better if you come clean about it and let her know what kind of man she is seeing – Было бы лучше, если бы ты рассказал всю правду об этом и она бы знала, что за человек перед ней; we are not completely sure that the elections will be clean and fair – мы не вполне уверены, что выборы пройдут чисто и честно; He called for a clean fight in the election and an end to «negative campaigning» – Он призвал к честной борьбе на выборах и покончить с «негативной агитацией»; They're trying to show clean, wholesome, decent movies – Они стараются показывать нравственные, полезные, пристойные фильмы; Flirting is good clean fun – Флирт – это милая безобидная забава; to have a clean record – иметь чистый послужной список, иметь хорошую репутацию; clean joke – приличный анекдот; He became a model of clean living and Bible Belt virtues – Он стал образцом праведной жизни и ряда моральных библейских принципов; Accusations of tax evasion have tarnished his clean image – Обвинения в уклонении от уплаты налогов запятнали его чистое имя; We need a candidate with a clean record – Нам нужен кандидат с незапятнанной репутацией; The kid is clean. Captain, he's a war hero and he's never been mixed up in the rackets – Парень ни при чем. Капитан, кроме того, он герой войны и никогда не был замешан в преступном бизнесе; It was a very clean party. I even heard two funny clean jokes – Это была очень пристойная вечеринка. Я даже услышал два приличных анекдота; Keep the party clean – Давайте проведем вечеринку без похабицины; Why not make a jolly day of it with lots of good clean fun? – А почему бы и не повеселиться? Только без всяких там похабных шутчек.* В приведенных контекстах значение ‘морально чистый’ несет этическую оценку, характеризуя нравственное поведение человека как результат соблюдения этических норм.

Часть контекстов, приводимых в пределах второго значения, можно выделить в отдельный вариант значения: *a clean driving licence is essential for the job* – для работы необходимы водительские права без отметок о нарушениях; *You can hire these from most car hire firms, provided you have a clean driving licence* – Вы можете здесь взять в прокат большинство автомобилей этих фирм при условии, что у ваши водительские права не имеют отметок о правонарушениях; *to have a clean record* – не иметь судимостей; *to come clean* – признать свою вину; *I searched him and his luggage, and he was clean* – я обыскал его багаж – он чист; *He has a clean record* – У него нет судимости; *But because of your youth, your clean records, I hereby sentence you to three years' confinement* – Принимая во внимание вашу молодость и тот факт, что вы раньше не были судимы, я приговариваю вас к трем годам лишения свободы; *The police searched me but I was clean* – Полиция обыскала меня, но оружия не нашла; *He's clean. Captain, no gun* – Все в порядке, капитан, пистолета у него нет; *The police busted his apartment in the early hours of the morning but he was clean* – Полиция совершила налет на его квартиру рано утром, но наркотиков у него не обнаружила; *I've been clean for over a month now* – Я не употребляю наркотики уже больше месяца; *Just being clean for a day is an accomplishment* – Даже один день не принимать наркотик уже подвиг; *She's clean right now but she'll get the call in an hour or two* – Сейчас она еще не забалдела, но часа через два у нее начнется кайф; *It was a clean match, well refereed* – Это был честный матч, хорошо судили; *a clean fight* – честный поединок. Анализ контекстов показывает участие прилагательного *clean* в выражении нормативно-правовой оценки ('невиновный, без нарушений').

На третье значение *clean* – 'без отклонений от нормы; имеющий гладкий, ровный край или поверхность (внешний вид)' – словари приводят следующие примеры сочетаемости: *a clean fracture of the leg* – закрытый перелом ноги без смещения; *the clean lines and pared-down planes of modernism* – четкие линии и сдержанные грани модернизма; *he took a clean catch* – у него чистая выгода, доход; *There's nothing like a clean thrill of the first flight* – Ничто не сравнится с неподдельным восхитительным чувством первого полета; *he was knocked clean off his feet* – он был чисто нокаутирован с ног; *a clean cut* – ровный разрез; *to have clean lines* – иметь четкие/стройные очертания; *to have a clean bill of health* –

быть совершенно здоровым; He's a clean fighter – Этот боксер не допускает запрещенных приемов; a clean throw – чистый бросок; The fight was clean – Бой прошел по всем правилам. Контекстуальный анализ выявил, что данное значение употребляется относительно конкретных предметов и абстрактных явлений и несет в себе нормативную оценку (в ряде случаев близкую к общей положительной оценке).

Clean в четвертом значении – ‘ясный, четкий’ – выражает визуальную, обонятельную и вкусовую перцепцию: *clean, fresh, natural flavours – чистые, свежие, натуральные ароматизаторы; the fresh, clean smell of the sea – свежий, чистый запах моря.* Данное значение является прямым и имеет узкую сферу референции.

Семантическая структура clean в словаре Collins представлена 18 значениями, которые не дифференцируются как отдельные ЛСВ и их варианты, но в целом представляют тот же самый семантический объем слова clean [Collins Concise English Dictionary, 2008, p. 314]. В других словарях, наряду с вышеперечисленными, выделяют также еще некоторые значения:

- ‘опрятный, элегантный’ (*Soft tones of blue and grey create a clean, bright look – Мягкие тона синего и серого создают элегантный, яркий внешний вид; Now there's a clean dude! – Смотри, какой стильга!; That guy was really clean – Этот парень был одет с иголки; by nature he was clean and neat – но по своей природе был человеком опрятным и аккуратным*). В данном случае значение ‘опрятный, элегантный’ выражает эстетическую оценку, имеет низкую степень употребительности [Глазунов].

- ‘без примеси, однородный’ (*clean gold – чистое золото; clean diamond – бриллиант чистой воды; Disease has not been a problem because clean water is available – Болезнь – это не проблема, потому что чистая вода доступна*). Судя по анализу контекстов, данное значение является прямой номинацией признака однородности и имеет узкую сферу референции [Большой англо-русский словарь по экономике и менеджменту].

- В группе контекстов clean выступает в значении ‘свободный от; пустой’ с узкой зоной референции: *He's cleaner than a jailbird – У него денег меньше, чем у арестанта; The ship returned home clean. No fish had been caught – Судно вернулось*

с пустым трюмом. Улова не было; *We're clean out of matches* – У нас совсем кончились спички; *clean price* – чистая цена (см. ниже clear) [Глазунов].

В связи с тем, что вышеприведенные значения соотносятся с другими, отличающимися аспектами понятия «чистота», можно выделить данные значения в отдельные ЛСВ, отмечая узкую сферу референции прилагательного clean в этих значениях и взаимодействие с семантическими структурами близких синонимов (pure, clear).

Таким образом, в семантической структуре clean можно выделить три ЛСВ прямой номинации ('без грязи и пятен', 'ясный, четкий', (узк.) 'без примеси'), одно переносное значение ('свободный от; пустой') и четыре оценочных ЛСВ (этическая оценка 'морально чистый, невинный', нормативно-правовая оценка 'невиновный, без нарушений', нормативная оценка, близкая к общей положительной оценке 'без отклонений от нормы', эстетическая оценка 'опрятный, элегантный'). Но степень функциональности этих значений различна.

Для того чтобы выстроить иерархию значений в семантической структуре clean и определить наиболее актуальный аспект чистоты, который представляет прилагательное clean, следует обратиться к анализу его деривационных отношений.

Clean имеет достаточное большое количество дериватов: clean 'очищать от загрязнения', 'уборка, чистка', 'начисто', cleanser 'моющее средство', cleaner 'уборщик', 'моющее, чистящее средство', 'очиститель', 'химчистка', cleaning 'чистка; уборка, очистка', 'фильтрация', 'отмывка, мойка', 'очистительный, очищающий, очистной' и др., cleaned 'очищенный', cleanable 'очищаемый', cleanup 'чистка, уборка', 'полицейская облава', 'очистка, сброс', cleanout 'чистка (государственного аппарата, армии и т. п.)', 'прочистное отверстие', cleanse 'очищать от грязи', 'дезинфицировать', 'искупать вину', 'отполировывать', cleansing 'чистка, очистка', 'очистительный', 'искупительный', cleanness 'чистота', cleanliness 'чистота' 'чистоплотность, опрятность, аккуратность', cleanly 'чистоплотный, опрятный' [Oxford Dictionary of English, 2005, p. 320-321].

Из анализа дериватов видим, что в дериватах реализуется основное значение clean – 'чистый' – как '(что-либо сделать/сделанное) без грязи и пятен' в прямом (значение 1) и переносном значении (значение 2).

Анализ семантической структуры *clean* и его деривационных отношений позволяет сделать вывод, что производящим значением *clean* можно считать наиболее конкретное значение ‘чистый’ как ‘без грязи’ (в результате действий и деятельности человека). Подтверждением этого являются и антонимические отношения *clean: dirty, squalid* ‘грязный’, *filthly* ‘грязно’, *nasty* ‘отвратительный’ и др. [Webster, 1984, p. 151].

2.3.2. Семантическая структура *pure* в современном английском языке

Семантическая структура прилагательного *pure* в толковом словаре английского языка [Oxford Dictionary of English] представлена шестью значениями:

1) ‘not mixed or adulterated with any other substance or material’ – ‘не смешанный с другим веществом или материалом’;

а) ‘without any extraneous and unnecessary elements’ – ‘без посторонних и ненужных элементов’;

б) ‘free of any contamination’ – ‘без каких-либо загрязнений’;

в) ‘(also pure-bred) (of an animal or plant) of unmixed origin or descent’ – ‘чистокровный (о животном или растении), не смешанный по происхождению’;

2) ‘(of a sound) perfectly in tune and with a clear tone’ – ‘(о звуке) гармоничный, имеющий чистый тон’;

3) ‘wholesome and untainted by immorality, especially that of a sexual nature’ – ‘нравственно чистый, незапятнанный, целомудренный’;

4) ‘(of a subject of study) dealing with abstract concepts and not practical application’ – ‘(о предмете, дисциплине) относящийся к абстрактным понятиям (без практического применения)’;

5) ‘(attrib.) involving or containing nothing else but; sheer (used for emphasis)’ – ‘(атриб.) влекущий за собой или ничего не содержащий, кроме, абсолютный, совершенный’;

б) ‘(of a vowel) not joined with another to form a diphthong’ – ‘(о гласном) не присоединяющийся к другому для формирования дифтонга’.

Употребление *pure* в значении ‘без примеси’ отмечено в следующих примерах: *pure gold* – чистое золото; *pure drinking water* – чистая питьевая вода; *the pure, dry desert air* – чистый и сухой воздух пустыни; *cars can run on pure alcohol* – автомобили могут работать на чистом спирте; *the jacket was pure wool*

– куртка была из чистой шерсти; *the pure, clear waters of Scotland* – чистая, прозрачная вода из Шотландии; *the pure Charolais is white or light wheat in the coat* – чистый Шароле – это белая или светло-пшеничная шкура; *pure Arab horse* – чистокровная арабская лошадь; *a pure Aryan race* – чистокровная арийская раса; *pure nitrogen* – чистый азот; *pure air* – чистый воздух; *pure crystal* – чистый кристалл; *pure cotton* – чистый хлопок. Данные примеры позволяют сделать вывод, что значение ‘без примеси’ является прямой номинацией признака однородности. В отдельный вариант значения выделен пример *the romantic notion of pure art devoid of social responsibility* – романтическое понятие чистого искусства, лишённого социальной ответственности, выявляющий переносный вариант значения – ‘без примеси (об абстр.)’. Выделенный в словарях вариант в большей степени соотносится с четвертым значением *pure* ‘относящийся к абстрактным понятиям’ как обозначение искусства для искусства. Ср. синонимы: *unadulterated, undiluted, sterling, solid, 100%, clean, clear, fresh, sparkling, unpolluted, uncontaminated, untainted*.

Второе значение – ‘(о звуке) гармоничный, имеющий чистый тон’ (*pure sound* – чистый, отчётливый звук; *the singer's voice was pure and clear* – голос певца был чист и звонок) – является, по своей сути, вариантом обозначения «беспримесности», т. е. вариантом первого значения – ‘без примеси (о конкр.)’.

В значении ‘нравственно чистый, целомудренный’ *pure* отмечено в таких контекстах, как: *our fondness for each other is pure and innocent* – наша любовь друг к другу является чистой и невинной; *pure love* – чистая, невинная любовь; *pure thoughts* – целомудренные мысли; *a pure young girl* – непорочная девушка; *pure in mind and body* – чистый и душой и телом; *her motives were pure* – её помыслы были чисты. Из этих контекстов следует, что здесь речь идет о чистоте нравственной, исходно не запятнанной (‘нравственно чистый, целомудренный’) и выражает этическую оценку. Это подтверждают и синонимические отношения *pure* в рассматриваемом значении с *chaste, unsullied*.

Примеры на значение *pure* ‘относящийся к абстрактным понятиям без практического применения’ (*a theoretical discipline such as pure physics. Compare with applied* – теоретическая дисциплина, такая как чистая физика. Сравните с прикладной; *pure mathematics* – чистая математика; *pure science* – чистая наука;

pure research – фундаментальное исследование) являются свидетельством того, что это переносное значение от ‘без примеси (о конкр.)’ – ‘без примеси (об абстр.)’, ср. антоним: *applied*.

Пятое значение выявлено в контекстах *a shout of pure anger* – крикнуть чисто из злости; *an outcome which may be a matter of pure chance* – результат, который может быть предметом чистой случайности; *it was revenge, pure and simple* – это была месть, чистая и простая; *pure stupidity* – чистая глупость; *a pure coincidence* – чистая случайность; *pure delight* – чистейшее наслаждение; *to look at smb. with pure hate* – смотреть на кого-л. с неподдельной ненавистью; *It is pure conjecture* – Это только догадка; *He is motivated by greed, pure and simple* – Им движет жадность, и ничего больше; *by pure chance/coincidence* – по чистой случайности, по чистому совпадению; *she shut her eyes in pure bliss* – она закрыла глаза от полного блаженства; *pure imagination* – чистейшая выдумка. Судя по контекстам, данное значение является грамматикализованным.

Шестое значение является функционально ограниченным, т. к. употребляется в профессиональной речи [Collins English Dictionary].

Таким образом, первое и второе значения можно объединить в один ЛСВ с прямым значением – ‘без примеси (о конкр.)’. Это значение основное у *pure* и является производящим для остальных ЛСВ: одно является переносным (‘без примеси (об абстр.)’), одно оценочным (этическая оценка ‘нравственно безупречный’), одно грамматикализованным и еще одно – профессионализм (‘не присоединяющийся к другому для формирования дифтонга’). Последние два значения из дальнейшего анализа исключаются в силу своей специфики употребления.

2.3.3. Семантическая структура *clear* в современном английском языке

В толковом словаре английского языка [Oxford Dictionary of English] у прилагательного *clear* выделяется шесть значений:

1) ‘easy to perceive, understand, or interpret’ – ‘легко воспринимаемый, интерпретируемый, понятный’:

а) ‘leaving no doubt; obvious or unambiguous’ – ‘не оставляющий сомнений, очевидный, однозначный’;

б) ‘having or feeling no doubt or confusion’ – ‘без сомнений, недоразумений’;

2) '(of a substance) transparent; unclouded' – (о веществе) 'ясный, прозрачный, безоблачный, незамутненный':

а) 'free of cloud, mist, or rain' – 'без облаков, тумана или дождя';

б) '(of a person's skin) free from blemishes' – (о кожи человека) 'без пятен';

в) '(of a colour) pure and intense' – (о красках, цвете) 'чистый, интенсивный';

г) 'archaic (of a fire) burning with little smoke' – (арх. об огне) 'выделяющий мало дыма при горении';

3) 'free of any obstructions or unwanted objects' – 'без препятствий или нежелательных объектов':

а) '(of a period of time) free of any appointments or commitments' – (о периоде времени) 'без каких-либо событий или обязательств';

б) '[predic.] (of a person) free of something undesirable or unpleasant' – предикат (о человеке) 'без чего-либо нежелательного или неприятного';

в) '(of a person's mind) free of anything that impairs logical thought' – (об уме) 'без того, что ухудшает логическое мышление';

г) '(of a person's conscience) free of guilt' – (о совести) 'без вины';

4) '(clear of) not touching; away from' – 'не касаясь чего-либо';

5) '[attrib.] complete; full – полный, целый'; '(of a sum of money) net – (о сумме денег) чистый';

б) '(Phonetics) denoting a palatalized form of the sound of the letter / (as in leaf in south-eastern English speech) Often contrasted with dark' – (фонет.) 'обозначающий палатализованный звук', часто противопоставляется dark 'темный'.

Первое значение и его варианты 'ясный, однозначный, понятный' представлено следующими контекстами: *clear and precise directions – четкие и понятные инструкции; her handwriting was clear – ее подчерк был понятным; am I making myself clear? – я ясно изъясняюсь?; to make clear the meaning of the question – прояснить смысл вопроса; If I have made myself clear, you will understand my original meaning – Если мне удалось ясно выразиться, вы поймете, что я имел в виду; it was clear that they were in a trap – было ясно, что они в ловушке; a clear case of poisoning – явный случай отравления; In the midst of the unreality, it became clear that one man at least was serious – Среди всех этих фантастических событий стало очевидным, что, по крайней мере, один человек был серьезен; every pupil must be*

clear about what is expected – каждый ученик должен иметь четкое представление о том, что ожидается; *I am not quite clear about the date* – Я не очень уверен относительно даты. Контекстный анализ показывает, что значение является переносным. Это же доказывают и парадигматические отношения: синонимы *well-marked* (отчётливый, чёткий), *sharp* (острый), *definite* (ясный, точный), *intelligible* (вразумительный, понятный), *unmistakable* (безошибочный, несомненный), *transparent* (явный, очевидный), *distinct* (отчётливый), *evident* (явный), *plain* (очевидный, явный), *positive* (несомненный), *convinced* (уверенный), *confident* (уверенный), *certain* (точный, определённый), *determined* (решительный) и антонимы *foggy* (неясный, запутанный), *unclear* (непонятный, неясный), *unintelligible* (непонятный), *blurred* (неясный, туманный; расплывчатый), *confused* (спутанный, беспорядочный), *doubtful* (вызывающий сомнения).

К значению *clear* ‘ясный, прозрачный, безоблачный, незамутнённый’ словари приводят следующие примеры употребления: *the clear glass of the French windows* – прозрачное стекло французских окон; *a stream of clear water* – поток чистой воды; *The water in the bay was clear as glass* – Вода в заливе была прозрачной, как стекло; *The singing was loud and clear* – Пение было громким и звонким; *Her complexion was clear, but quite olive* – Кожа на лице у неё была чистой, но с желтоватым оттенком; *the day was fine and clear* – был прекрасный, безоблачный день; *a clear day* – ясный, безоблачный день *a clear night* – ясная, звёздная ночь; *The day dawned with a clear sky* – День наступал ясный, безоблачный; *a bright, clear flame* – яркое пламя; *clear fire* – яркий огонь (без дыма). Одна часть примеров выделена в отдельный вариант ‘яркий, интенсивный, светлый’: *clear blue delphiniums* – ярко-синии дельфиниумы; *clear white* – чисто белый *clear brown* – светло-коричневый; *clear light* – яркий свет. Исходя из контекстов заключаем, что это значение ‘прозрачный, безоблачный’ и его вариант ‘яркий, интенсивный, светлый’ являются прямой номинацией. На это же указывают и синонимические отношения: *cloudless* (безоблачный, ясный), *unclouded* (безоблачный), *transparent* (прозрачный), *lucid* (прозрачный, ясный), *translucent* (просвечивающий; полупрозрачный), *crystalline* (прозрачный, ясный), *lustrous* (блестящий, яркий), *bright* (яркий; блестящий), *brilliant* (искрящийся, блестящий), *radiant* (светящийся, излучающий свет), *luminous* (светящийся).

Третье значение – ‘без препятствий или нежелательных объектов’ – т. е. ‘пустой, свободный, беспрепятственный; ровный, гладкий’: *with a clear road ahead he shifted into high gear* – на ровной/пустой дороге он включил высшую передачу; *I had a clear view in both directions* – У меня была свободная/хорошая видимость в обоих направлениях; *The path was clear* – Дорога была свободна; *the following Saturday, Mattie had a clear day* – следующая суббота была у Мэтти свободна; *after 18 months of treatment he was clear of TB* – после 18 месяцев лечения он был вылечен (чист/свободен) от туберкулеза; *in the morning, with a clear head, she would tackle all her problems* – утром с ясной головой она решит все свои проблемы; *This problem requires clear thinking* – Для решения этой проблемы требуется ясная голова; *solid silver, the clear thing, and no mistake* – сплошное серебро, настоящая вещь, без дураков; *clear of debts* – без долгов. Приведенные примеры позволяют заключить, что данное значение является переносным от ‘свободный от/*без примеси’ и преимущественно выражает нормативную оценку. На это указывают и синонимические связи clear: keen (проницательный, сообразительный), sharp (острый), free (свободный), unobstructed (беспрепятственный), unimpeded (беспрепятственный). В отдельный вариант значения выделено ‘без вины’. На данное значение очень мало примеров: *clear conscience* – чистая совесть; *to be in the clear* – как быть вне подозрения. Таким образом, в нормативной оценке можно выделить вариант этико-нормативной оценки.

На четвертое значение – ‘не касаясь чего-либо’ – найден только один контекст: *the lorry was wedged in the ditch, one wheel clear of the ground* – грузовик застрял в канаве, одно колесо повисло в воздухе. Возможно, это значение можно интерпретировать как ‘свободный от (соприкосновения)’.

Пятое значение – ‘полный, целый’ (*you must give seven clear days' notice of the meeting* – Вы должны уведомить о встрече ровно за семь дней; *a clear profit of £1,100* – чистая прибыль £1.100) – является переносным, грамматикализованным, утрачивающим лексическое значение. На это указывают и синонимические отношения: absolute, complete, entire, sheer.

Шестое значение – ‘(фонет.) обозначающий палатализованный звук’ – является функционально ограниченным в силу специфики употребления. Антонимом к данному значению выступает прилагательное dark [Oxford Dictionary of English].

Таким образом, судя по лексикографическим источникам, прилагательное *clear* в современном английском более употребительно в переносном значении ('ясный, понятный'), которое является производным от прямого значения 'ясный, прозрачный'. Остальные значения являются производными: два оценочных – нормативная оценка ('без препятствий или нежелательных объектов') и этическая оценка ((узк.) 'чистый'), одно переносное ('не касаясь чего-либо'), одно грамматикализованное ('полный, целый') и одно – профессионализм ('обозначающий палатализованный звук буквы').

2.3.4. Вывод по структуре ядерной части ЛСП «Чистота» в современном английском языке

В предыдущих параграфах был проведен анализ прилагательных *clean*, *pure* и *clear*, в ходе которого выявлено, что в ядро ЛСП «Чистота» в современном английском языке следует включить две единицы – *clean* и *pure* – как наиболее полно выражающие понятийную часть концепта «Чистый» («без грязи и пятен», «без примеси, однородный»). Соотношение проанализированных семантических структур этих лексем представлено в таблице 7:

Таблица 7

Субполе		Ядерные лексемы
«без пятен и грязи»		<i>clean</i>
«без примеси и инородных веществ, однородный»	от природы	<i>pure</i>
	вследствие действий человека	(узк.) <i>clean</i>
«ясный, четкий»	«ясный, четкий» (о звуке, вкусе, запахе)	(узк.) <i>clean</i> <i>clear</i>
	«светлый, ясный, прозрачный» (зрительная перцепция)	<i>clear</i>
«без примеси» (об абстр.)		<i>pure</i>
«свободный от; пустой»		<i>clean</i> <i>clear</i>
этическая оценка «морально безупречный»	от природы	<i>pure</i> (узк.) <i>clear</i>
	вследствие действий человека	<i>clean</i>

Субполе	Ядерные лексемы
нормативная оценка «правильный, настоящий, простой, законный»	clean clear
эстетическая оценка «опрятный, элегантный»	clean

Итак, ядерные лексемы в своих прямых, основных значениях делят ЛСП на два субполя «без грязи и пятен» (clean) и «без примеси, однородный» (pure). Наложение субполей происходит преимущественно в значении этической оценки, представляя разный вид чистоты: pure – чистоту как исходную характеристику (данную от природы), а clean – чистоту как результат деятельности человека (т. е. соблюдение определенных правил, законов). В незначительной степени наложение субполей отмечается в значении ‘без примеси, однородный’: clean в этом значении реализуется в узком круге сочетаемости, основным лексическим средством представления об однородности является pure.

Отталкиваясь от семантических структур clean и pure, мы предполагаем, что ЛСП «Чистота» имеет следующую структуру (см. рисунок 8):

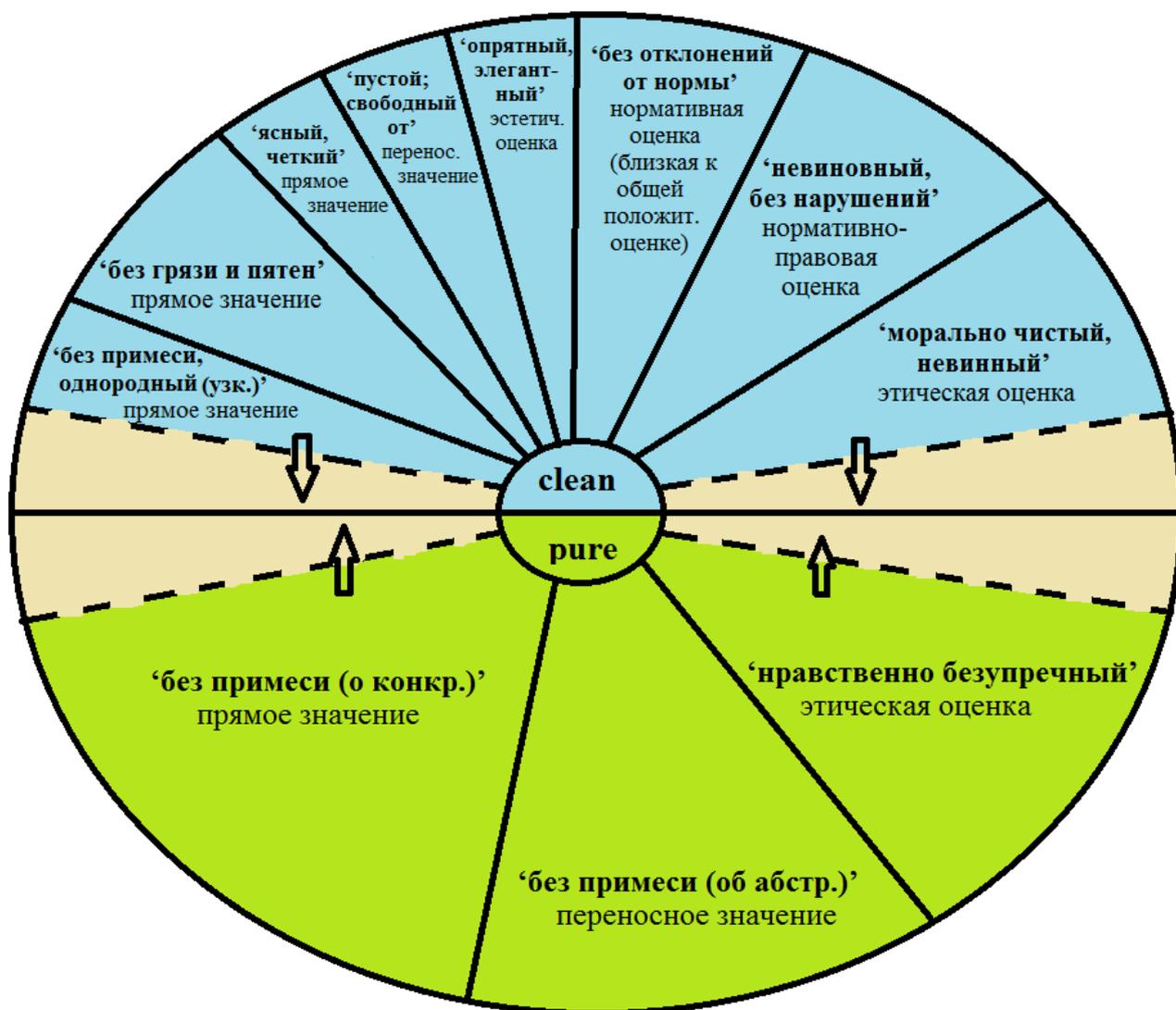

Рисунок 8

Прилагательные *clean* и *clear* участвуют в представлении субполя «ясный, светлый, прозрачный», однако ядерная *clean* имеет очень узкую сочетаемость (только о звуке, вкусе, запахе), основная нагрузка приходится на *clear*. Прилагательное *clear* связано с выражением чистоты природных объектов («ясный, светлый, прозрачный») и отражает тесное взаимодействие понятий «чистый» и «светлый, ясный» (об этом выше в немецкой части). Также прилагательные *clean* и *clear* взаимодействуют в выражении нормативной оценки. Она у них имеет разные оттенки: у *clean* – это либо нормативно-правовая, либо нормативная, близкая к общей положительной, а у *clear* нормативная оценка не имеет этих оттенков.

Особенности структуры ЛСП «Чистота» в современном английском языке могут быть объяснены при обращении к истории формирования этого ЛСП.

2.4. Эволюция ЛСП «Чистота» в английском языке

2.4.1. ЛСП «Чистота» в древнеанглийский период

Вопрос об эволюции исследуемого концепта заставляет обратиться к проблеме исторической глубины формирования этого концепта и исторической глубины (происхождения) лексических средств, представляющих этот концепт. Решая эту проблему, следует, прежде всего, определить, всегда ли лексемы *clean* и *pure* представляли концепт «Чистый» в истории английского языка и были ядерными? Этот вопрос возникает на фоне сравнения с историей ядерной части концепта в другом западногерманском языке – немецком, где на протяжении письменной истории немецкого языка ядро концепта было представлено лексемами *hrein* (*rein*), *hlūtar* (*lauter*) и *sūber* (*sauber*).

Выделение ЛСП «Чистота» в древнеанглийский период мы начинаем с поиска ядерных на современном этапе лексем. Лексикографические источники показывают, что из двух ядерных в современном английском лексем – *clean* и *pure* – только *clean* встречается в текстах древнеанглийского периода [Webster, 1984, p. 942; The Shorter Oxford English Dictionary, 1956, p. 2055, Skeat, 1884, p. 412, Hall, 1916, p. 373; The Oxford English Dictionary, 1989, vol. III, p. 292–295].

2.4.1.1. История и происхождение *clean*

Прилагательное *clean* было впервые зафиксировано уже в ранних текстах древнеанглийского периода (начиная с середины VIII века) вариантами *clæne*, *clene* в значениях ‘pure’ – ‘без примеси, однородный’ (о воде, воздухе, атмосфере, металле), ‘undefiled, unsullied’ – ‘без грязи и пятен’ (о поверхности, руках), ‘void of spiritual or moral stain or pollution; pure; undefiled; chaste; innocent’ – ‘морально чистый, целомудренный, невинный, неосквернённый’, ‘free from ceremonial defilement, according to the Mosaic Law, and similar codes’ – ‘без ритуального осквернения’, ‘clear’ – ‘чистый, ясный; яркий, блестящий’ (о воздухе, небе; о звуке или тоне), *fig.* ‘clear’ – перен. ‘без примеси’ (о блаженстве), ‘not defiling, fit to be used for food’ – ‘неосквернённый, подходящий для пищи’ (о мясе зверей), ‘wholly, entirely, quite, absolutely’ – перен. ‘полный, абсолютный’ (об абстрактных вещах, например, о блаженстве) [The Oxford English Dictionary, 1989, vol. III, p. 295–297]. Анализ семантических отношений многозначного др.-англ. *clæne* позволяет

выделить три прямых значения ('без примеси, однородный', 'без грязи и пятен' и 'ясный, светлый; отчетливый') и переносные значения ('морально чистый', 'без ритуального осквернения', 'подходящий для пищи' о зверях, 'без примеси (об абстр.)'), в которых clæne определяет явления этической, социальной и бытовой сферы, как и др.-в.-нем. hrein (см. немецкую часть работы). В древнеанглийский период зафиксирован ряд однокорневых др.-англ. clæne: clænlic (совр. англ. (cleanly) 'morally or spiritually clean; pure; innocent' – 'морально или духовно чистый, невинный (о жизни, человеке)', 'completely, wholly, entirely, quite' – 'совершенно, полностью, целиком'), clænnes (cleanness) 'moral or ceremonial purity; chastity; innocence; undefiled quality' – 'моральная или церемониальная чистота, целомудрие, невинность', clæansian, clénsian (cleanse) 'to make morally or spiritually clean; to purify or free from sin or guilt' – 'морально очищаться от грехов, искупать вину', 'to make clean, purify, free from dirt or filth' – 'чистить, освободить от грязи и пятен', 'to make ceremonially or sanitary clean' – 'производить церемониальную очистку или санитарную чистку, подготавливать к церемонии', 'to make clean from leprosy or other disease' – 'очищать от проказы и т. п.', 'to acquit, clear, or exonerate' – 'оправдываться, освободиться от долга', 'to free from noxious humours; to purge' – 'освободиться от ядовитых насмешек', cleanser 'one who or that which cleanses' – 'тот или то, что чистит', cleansing 'cleaning, purification, acquittal' – 'чистка, оправдание (о конкретных предметах и моральном очищении)' [The Oxford English Dictionary, 1989, vol. III, p. 295–297].

В среднеанглийский период у слова clean отмечается еще пять значений: 'clear of all encumbrance or restrictions; unencumbered by anything standing or lying in the way; clear, brave, void' – 'не обремененный ограничениями или затруднениями, свободный, пустой, отважный (о земле, стране, пути)', 'fair, fine, proper' – 'порядочный, утонченный, приличный' (эпитет, передающий восторг, одобрение: о человеке), 'free from the pollution of leprosy or other contagious disease' – 'не больной проказой или другими инфекционными заболеваниями (о человеке)', 'free from faults, correct, pure, chaste' – 'без дефектов, правильный, чистый, элегантный (о стиле или языке)', 'sharp, clever, smart, skilful, adroit, dexterous; neat and finished in action' – 'острый, умный, проворный, ловкий, опытный, законченный' (об уме) [The Shorter Oxford English Dictionary, 1956, p. 321; The Oxford English Dictionary,

1989, vol. III, p. 292-295]. Итак, иерархия значений в среднеанглийский период выстраивается следующим образом: исходное значение ‘чистый’ употребляется по отношению к конкретным предметам (‘без примеси’ ‘без грязи и пятен’) и абстрактным явлениям, действиям, неся в себе общую положительную и нормативную оценки (‘без лишних движений’ и поэтому ‘ловкий, проворный’, ‘совершенный, правильный’). Нечто чистое как не только не содержащее никаких примесей, но и не имеющее чего-либо значимого для субъекта, выражается значением ‘пустой’ (‘без помех и препятствий’, ‘открытый, свободный’). Значение ‘блестящий, яркий, ясный’ характеризовало как природные реалии (о стекле, об алмазе и драгоценных камнях), так и артефакты в значении ‘начищенный (до блеска)’, поскольку предмет, с которого удалены пятна и грязь, начищенный до блеска, становится блестящим, ярким.

В ранненовоанглийский период эксклюдер *clean* отмечен в значении ‘unencumbered by anything standing or lying in the way’ – ‘без препятствий’ и его вариантах ‘clear of inequalities or unevennesses, clean-cut’ – ‘равномерный’, ‘ровный’ (о поверхности, внешнем виде), ‘not written on, blank’ – ‘неисписанный, чистый’, ‘без записей, чистый’ [The Oxford English Dictionary, 1989, vol. III, p. 294].

В современном английском у исследуемой единицы не отмечаются значения ‘без дефектов (ошибок), правильный, чистый’ (о стиле или языке), ‘остроумный, пронизательный, интеллектуальный’ и ‘яркий, блестящий’ (о стекле, драгоценном камне; зафиксировано в XIV–XVI вв., нач. XVII в.), в этом значении стало употребляться заимствованное из старофранцузского слово *clear*, отмеченное в текстах с XVIII века [Barnhart, 1995, p. 130].

Сопоставив значения слова на разных языковых этапах, пришли к выводу, что, начиная с древнеанглийского периода, производящим значением в семантической структуре англ. *clean* обнаруживаются три значения прямой номинации: ‘без примеси, однородный’, ‘без грязи и пятен’ и ‘светлый, ясный’, от которых образовалось значение ‘свободный от; пустой’ и ряд оценочных значений (‘морально безукоризненный’ – этическая оценка, ‘настоящий, совершенный’ – общая положительная и нормативная оценки).

Производное от *clæne* древнеанглийское прилагательное **clænlic** (совр. англ. *cleanly*) было зафиксировано в значениях этической и нормативной оценки:

‘morally or spiritually clean; pure; innocent’ – ‘морально или духовно чистый, невинный (о жизни, человеке)’, ‘completely, wholly, entirely, quite’ – ‘совершенно, полностью’. В среднеанглийский период слово *clenlich* приобретает еще одно нормативно-оценочное значение – ‘clean: as clothes, or the like’ – ‘чистый, опрятный (об одежде и внешнем виде)’, целиком’. В ранненовоанглийский период прилагательное *clenlich* в значении нормативной оценки увеличивает свою сферу референции: ‘conducting to or promoting cleanness’ – ‘производящий или способствующий чистоте (о мире, питании, порошке, законе, обстановке, среде)’, ‘neatly executed, adroit, dexterous, clever, deft artful’ – ‘аккуратно сделанный, исполненный, ловкий, проворный, искусный (о действии)’, ‘defte in action, clever, smart’ – ‘быстрый в действиях, умный, сообразительный’, ‘neat, elegant’ – ‘красивый, изысканный (о языке). Семантическая структура слова, сложившаяся на раннеанглийском этапе, сохраняется и в современном английском языке [The Oxford English Dictionary, 1989, vol. III, p. 296].

Сопоставление значений родственных германских языков дает пеструю картину в отношении их семантики. Однокорневые английскому *clean* лексемы в родственных языках представлены только в западногерманском ареале и значительно отличаются по своей семантике: др.-сакс. *klēnī, cleini* ‘аккуратный, изысканный’, ‘утонченный’, ‘небольшой’, др.-фриз. *klēne, kleine* ‘маленький’, нидерл. *kleen, klein* ‘маленький’, др.-в.-нем. *kleini* ‘блестящий’, ‘гладкий’, ‘чистый’, ‘изящный’, ‘тонкий’, ‘незначительный’, ср.-в.-нем. *klein(e)* ‘чистый’, ‘миловидный’, ‘изящный (о фигуре человека)’, ‘утонченный’, ‘милый (о голосе)’, ‘остроумный’, ‘умный’, ‘невзрачный’, ‘незначительный’, ‘мало (о времени)’, совр. нем. *klein* ‘маленький (о конкретных предметах и явлениях)’ [Skeat, 1884, p. 113; The Barnhart Concise Dictionary of Etymology, 1995, p. 130; EWD, 1993, Bd. II, S. 773; Skeat, 2007, p. 89; The Oxford Dictionary of English Etymology, 1996, p. 180]. Судя по ареалу распространения, это западногерманское образование, т. е. региональное в общегерманском пространстве. В однокорневых словах западногерманских языков наблюдается взаимодействие значений, характеризующих предмет с точки зрения размера, объема в целом (‘маленький’, ‘тонкий’), дающих его эстетическую оценку (‘аккуратный’, ‘изящный’, ‘изысканный’), и значений ‘чистый’, ‘гладкий’, ‘блестящий’.

В связи с вышеизложенным, возникает вопрос: каковы доисторические связи *clean*: является ли оно общегерманским или англосаксонским? *Clean* и его однокорневые образования в других германских языках восходят к западногерманской основе **klainja-*, продолжения которой нет в северно- и восточногерманских языках. Чтобы уточнить направление развития семантики в истории рассматриваемой лексической группы западногерманских языков, обратимся к другим индоевропейским языкам, к внешней реконструкции. Предполагаемая генетически наиболее близкая англ. *clean* лексика представлена в исторически ареально близких кельтских языках – вал. *glain, glan* ‘без примеси’, ‘ясный’, ‘чистый’, ирл. *glan* ‘чистый’, ‘без примеси’, ‘яркий, блестящий’ [Skeat, 1884, p. 113], а также прослеживается связь с древнегреческим – греч. *aglaós* (ἀγλάος) ‘блестящий, великолепный’, *glēnos* (γληνος) ‘великолепие’, что позволяет восстановить реконструкт индоевропейского уровня (< и.-е. **ǵl̥ai-: *ǵel(ə)-* ‘светлый, блестящий’ [EWD, 1993, Bd. II, S. 773]). Если соглашаться с этими сближениями и рассматривать для всего этого этимологического гнезда исходным значение ‘светлый, ясный, блестящий’, то, следовательно, значение ‘чистый’ у западногерманского регионализма **klainja* следует понимать как развившееся из понятийно близких значений ‘светлый, ясный’ и ‘блестящий’, сохранявшихся в качестве периферийных значений у англ. *clean* до XVIII в., основным же становится значение ‘чистый’/‘без грязи и примеси’.

Ареал распространения продолжений основы **klainja-* (только западногерманские языки) и формально-семантическая близость кельтских лексем позволяют предположить кельтское субстратное влияние (раннее заимствование в западногерманские языки, до I общегерманского передвижения согласных, вследствие которого $g > k$). В кельтском и англосаксонском ареале это прилагательное сохраняется в исходно эмпирийном значении (значении, которое отображает реальный признак предмета, воспринимаемый органами чувств – ‘светлый, блестящий’, ‘чистый’, ‘без грязи и примеси’), хотя в германских языках произошло и рациональное осмысление всех выражаемых прилагательным признаков: как представления об утонченном, изящном, так и о совокупного размера предмета – ‘малый, маленький’ (ср. др.-сакс. *klēni* ‘аккуратный’, ‘небольшой’, ср.-нидерл. *cleine, clēne*, нидерл. *klein* ‘маленький’ и ‘невинный,

ясный, открытый, верный») [Paul, 1992, S. 515; Алексеева, 1971, с. 140]. На территории франкских племен (прежде всего, рейнско-везерский регион), где для выражения понятия «чистый» употреблялись лексемы общегерманского происхождения – (h)rein, hlūtar, за прилагательным klein закрепилось значение ‘маленький’, притом, что еще в средненемецкий период отмечается конкуренция значений (ср. др.-в.-нем. kleini ‘блестящий’, ‘гладкий’, ‘чистый’, ‘изящный’, ‘тонкий’, ‘незначительный’, ср.-в.-нем. klein(e) ‘чистый’, ‘миловидный’, ‘изящный’, ‘утонченный’, ‘милый’, ‘остроумный’, ‘умный’, ‘невзрачный’, ‘незначительный’, ‘мало’) [Skeat, 1884, p. 113; The Barnhart Concise Dictionary of Etymology, 1995, p. 130; EWD, 1993, Bd. II, S. 773; Skeat, 2007, p. 89; The Oxford Dictionary of English Etymology, 1996, p. 180].

Обращает на себя внимание тот факт, что исторические особенности во взаимоотношениях франков (иствеонов) и англосаксов (ингвеонов) получили свое выражение в диалектах немецкого языка: для выражения понятия «маленький» слово klein (kla, kloa(n), klua, kloī и др.) используется исключительно в южнонемецких диалектах, в то время, как в северных диалектах это понятие выражает лексема lütt, litj, letj, lüt(j)ig, lütsch и др. (ср. англ. little, др.-в.-нем. luzzel) [König, 2011, S. 174]. Диалектные различия в северных и южных немецких диалектах также свидетельствуют о том, что значение ‘чистый’ сформировалось у cleap (clǣne) еще на континенте до переселения англо-саксов в Бретань.

Итак, начиная с древнеанглийского периода, cleap выражало представление о чистоте в прямых, переносных и оценочных значениях, а его однокорневые производные в основном употреблялись только в оценочной функции.

2.4.1.2. История и происхождение синонимов к cleap (clǣne)

Поиск синонимов к др.-англ. clǣne производился двумя способами. В первую очередь мы отталкивались от истории понятия «чистота» в немецком языке, где в выражении чистоты с разной степенью активности участвуют три лексемы общегерманского происхождения (lauter, schier и основная – rein), и задались вопросом, какова судьба общегерманских *hrein-, *hlutr- и *skeira-, связанных с понятиями о чистом и чистом/светлом, ясном, в английском и были ли в истории английского языка заимствования из народной латыни для выражения этого концепта (подобно нем. sauber)? Другой путь отыскания синонимов – поиск в

электронном словаре Г. Кёблера древнеанглийских лексических единиц, значения которых истолковываются через современные ядерные *clean* и *pure*.

Первый выбранный нами путь решения задачи привел к тому, что не было обнаружено следов общегерманской основы **hreīn* в английском языке, хотя в остальных западно-, северо- и восточногерманских языках эта лексема представлена (т. е. без сомнения является общегерманской) [EDW, 1993, Bd. II, S. 1108].

Продолжением общегерм. **hlutr-* является др.-англ. **hlūtor** (*hluttur, hlyttor*), которое использовалось в древнеанглийский период в значении ‘*lauter, rein; klar, glänzend*’ – ‘без примеси, однородный (о масле, пиве, мази, уксусе), ясный, блестящий (о смоле)’, ‘*aufrechtig*’ – ‘искренний, прямой (о сердце)’, наряду с однокорневыми др.-англ. *hlyttrian* ‘*läutern, reinigen*’ – ‘очищать, осветлять, промывать, чистить’, *hlūtorlic* ‘*hell, klar, offenbar*’ – ‘светлый, ясный, очевидный’, *hlūtorness, hlūtornes* ‘*Klarheit, Helligkeit, Einfachheit, Reinheit*’ – ‘ясность, яркость, простота, чистота’, *hlūtre* ‘*rein, klar*’ – ‘чисто, ясно’, *glæshlūtor* ‘*klar, glasklar, durchsichtig*’ – ‘ясный, прозрачный’ [Holthausen, 1934, S. 164; Köbler]. К среднеанглийскому периоду в языке сохранилось только *lūtter* (*lutur*) в значениях ‘*clear, pure*’ – ‘чистый, без примеси’, ‘*unadulterated*’ – ‘настоящий, подлинный’, ‘*morally pure, sincere*’ – ‘морально чистый, искренний’, позднее и данное слово было вытеснено из активного употребления [Middle English Dictionary, 1952, p. 1317].

Однокорневые слова зафиксированы и в других германских языках: др.-фриз. *hlutter*, др.-сакс. *hlütter*, др.-в.-нем. *hlūtтар* (*hluttar*), гот. *hlūtr-s* ‘чистый, без примеси’. Исходное значение представляется как ‘мыть, полоскать’, ср.: лат. *cluere* (арх.) ‘очищать, чистить’, *cloāca* ‘клоака, крытый канал для стока нечистот’, ‘(ирон.) чрево, утроба’, т. е. *hlütter* *‘очищенный водой, выполосканный (в воде)’ (подробнее см. нем. *lauter*) [Holthausen, 1934, S. 164; Raith, 1944, S. 105; Middle English Dictionary, 1952, p. 1317; Lehmann, 1986, p. 188].

Первые упоминания производных общегерм. **skeira-* в английском языке датируются разными периодами. Согласно одним этимологическим словарям древнеанглийского языка [Holthausen, 1934, S. 280; Hall, 1916, p. 255], лексема *sċīr* была уже известна в древнеанглийский период в значениях ‘*schier, rein*’ – ‘без

примеси, чистый’, ‘weiß, glänzend’ – ‘белый, блестящий, сияющий’, ‘klar, durchsichtig’ – ‘ясный, прозрачный’. Исторический словарь Симпсона и Вайнера [The Oxford English Dictionary, 1989, vol. XV, p. 221–222] относит фиксацию данной лексемы к среднеанглийскому периоду (начало XIII века) и уже во вторичных значениях: ср.-англ. *scir* ‘exempt, free from service or fealty’ – ‘свободный от присяги, службы’, ‘clear, acquitted from guilt or crime’ – ‘освободившийся от долга (выплативший долг), признанный невиновным, оправданный’. Наличие однокорневых соответствий данной лексемы в других германских языках (др.-фриз. *skīre*, др.-сакс. *scīr(i)* ‘свободный от примеси, чистый’, норв. *skjær* ‘непорочный, настоящий’, др.-север. *skīr* ‘чистый, ясный, невинный, четкий’, ср.-в.-нем., ср.-нем., н.-нем. *schīr*, др.-исл. *skīr-r*, гот. *skier-s* ‘ясный, светлый, четкий’, наряду с др.-фриз. *skīria* ‘чистить’ и др.-исл. *skær-r* < *skairi-z) позволяет отнести данное слово к общегерм. **skeira-*, а сопоставление с родственной лексикой в других индоевропейских языках позволяет выделить исходное значение ‘сиять, быть ясным, светлым, прозрачным’ (ср.: др.-инд. *chāyá* ‘сияние, отражение, тень’, греч. *σκιά* ‘тень’, алб. *hije* ‘тень’, рус. *сиять*) [Черных, 1994, т. II, С. 166, 415; Barnhart, 1995, S. 711; EWD, 1993, Bd. II, S. 1198]. Отсюда мы делаем вывод, что значение ср.-англ. *scir* ‘свободный от присяги, службы, долга’ является переносным. Это дает нам право утверждать, что слово *scīr* использовалась еще в древнеанглийский период для выражения понятия «чистота», и оно, вероятно, не отмечено в древнеанглийский период в силу ограниченности и жанровой специфики текстов этого периода, господства французского языка в образованной среде.

В конце XIII века *sheer* зафиксировано еще в одном значении – ‘blowing steadily in one direction’ – ‘дующий постоянно в одном направлении (о ветре)’, позднее эти лексема используется для качественной характеристики волоса как ‘тонкого’ – ‘thin, sparse’ (ср. подобное значение в континентальных западногерманских языках). К ранненовоанглийскому периоду продолжением значения ‘прозрачный’ у слова *sheer* является значение ‘тонкий’, которое употребляется относительно тканей, характеризуя их как ‘тонкие, прозрачные’ – ‘thin, fine, diaphanous’. Этим же периодом датируются и следующие значения слова: *bright, shining* – ‘яркий, блестящий, сияющий (о свете)’, ‘crystal, clear and

pure, translucent’ – ‘ясный, кристально чистый и прозрачный (о воде, кристалле)’, ‘unmixed or unaccompanied with other matter’ – ‘не смешанный с другим веществом, материей (часто о крепких напитках)’ как ‘неразбавленный’ (о вине, напитке, воде, песке, бренди, эле, пиве), ‘thin, not containing much substance’ – ‘легкий, постный (о еде, животных)’, значение интенсива ‘neither more nor less than; that and nothing else; unmitigated, unqualified; downright, absolute, pure’ – ‘абсолютный, полный; ни больше, ни меньше’ (о нужде, вере, любви, силе, истощении, болване, бандите) и ‘taken or existing by itself, alone’ – ‘единственный, только, лишь’ (о деньгах, слове божьем, разуме) [The Oxford English Dictionary, 1989, vol. XV, p. 221–222].

В современном английском языке, судя по Оксфордскому словарю английского языка, семантическая структура *sheer* значительно сузилась, сохранив значения ‘абсолютный, полный’, ‘тонкий, прозрачный (о ткани)’ и добавив значение ‘perpendicularly or very steeply up or down; straight up or down without break or halting-place’ – ‘вертикальный, перпендикулярный’ [The Oxford English Dictionary, 1989, vol. XV, p. 221–222; Oxford Dictionary of English]. Другие лексикографические источники, наряду с перечисленными современными значениями, выделяют также значения ‘чистый, несмешанный, неразведенный (о напитках)’, ‘единственный, исключительный’: *sheer alcohol* – чистый алкоголь; *sheer wine* – неразбавленное вино [Англо-русский словарь общей лексики].

Таким образом, из трех лексем общегерманского происхождения в древнеанглийском языке присутствуют лишь две, производное общегерманской основы **hrein* не отмечено. Прилагательные *hlūtor* и *sċīg* участвуют в выражении представления о чистоте в английском языке, выступая синонимами *clæne* в прямых значениях. Проведенный анализ позволяет включить прилагательное *hlūtor* в ядро ЛСП «Чистота» в древнеанглийский языковой период. Лексема *sċīg* также претендует на место в околядерной зоне, однако, ее более узкая сфера референции не позволяет включить ее в ядерную зону поля.

Как было оговорено в той части нашей работы, которая была посвящена немецкому материалу, в центр поля – ядро (общий семантический центр) – мы помещаем лексему (лексемы), которая наиболее полно выражает исследуемое понятие «чистота». В околядерную (или приядерную) зону мы относим лексемы, которые в прямых значениях связаны с выражением понятия «чистота», но их

функциональная нагрузка значительно меньше, чем у ядерной (ядерных) единицы. Соответственно, к ближней периферии относим лексемы, уступающие по функциональной нагрузке лексемам околядерной зоны, а в дальнюю периферию поля попадают лексемы, у которых значение ‘чистый’ является переносным.

Рассмотрим еще одну лексему, которая активно участвовала в формировании признакового концепта в немецком языке – заимствование из народной латыни. В письменных источниках древнеанглийского периода зафиксирована лексема *sýfre* в значении ‘sauber, rein; keusch, enthaltsam; nüchtern, mäßig’, ‘not giving way to appetite or passion, pure, temperate, circumspect’ – ‘целомудренный, воздержанный, трезвый, умеренный (о человеке)’, ‘осторожный, осмотрительный’ и производные от нее *sýferness*, *sýfjō* ‘purity’ – ‘чистота’. Данная лексема восходит к нар.-лат. **sūber*, *sūbrius* ‘благоразумный, достоверный, заслуживающий доверия, умеренный’ (подобно др.-в.-нем. *sūbar*, *sūbiri* ‘чистый, целомудренный’, др.-сакс. *sūbiri*, *sūbri*, *sūvri*, нидерл. *zuiver* ‘чистый, милый’) и была вытеснена из английского языка в средневековый период [Holthausen, 1934, S. 339; Raith, 1944, S. 150; Bosworth, 1972, p. 962]. Таким образом, в древнеанглийский период лексема *sýfre* выступает синонимом к ядерному *clæne* в значении этической оценки, что позволяет ее отнести на дальнюю периферию ЛСП.

Согласно историческому словарю, синонимами *clæne* в древнеанглийский период, наряду с вышеперечисленными *clænlic*, *hlūtor*, *scīr* и *sýfre*, выступают лексемы *mære*, *smæte*, *unbesmiten*, *ungewēmmed*, *sweotul*, *bilewit*, *bilewitlic*, *eorcen*, *swæte* и *hiere* [Köbler]. Дефиниции данных лексем истолковываются через совр.англ. *clean*, *pure*. Рассмотрим каждую из лексем с исторической (а где необходимо – с этимологической) точки зрения.

Др.-англ. *mære* в значениях ‘pure, sterling’ – ‘несмешанный’, ‘чистый, настоящий (о деньгах)’ наряду с однокорневым др.-англ. *mērian* ‘läutern, reinigen, grüfen’ – ‘чистить, очищать, осветлять, проверять’ (ср.: др.-ирл. *emer* ‘не чистый’, ирл. *ē-mer* ‘не светлый’) является заимствованием из ст.-фр. *mier* ‘без примеси (о золоте)’, ‘полный, абсолютный, совершенный’, ‘чистейший, лучший (о шерсти)’, которое, в свою очередь, пришло из лат. *merus* ‘несмешанный, неразбавленный (вино), неограниченный, полный (свобода), истинный, настоящий (золото; мужество), сплошной (злодеяние, ложь)’ [Hall, 1916, p. 195; Holthausen, 1934, S. 220; Skeat, 1884, p. 364; The Online Etymology Dictionary]. В среднеанглийский

период слово зафиксировано только в значении ‘без примеси’, а в ранненовоанглийский период история *mere* в лексикографических источниках не отражена. В современном английском языке мы наблюдаем грамматикализацию слова *mere* – употребление этого слова в качестве интенсификатора: «You use *mere* to emphasize how unimportant or inadequate something is, in comparison to the general situation you are describing» – ‘простой, не больше чем, всего лишь’ (незначительность в сравнении с чем-либо) (In Poland, the faith has always meant more than *mere* religion – В Польше вера всегда означала нечто большее, чем просто религия); «You use *mere* to indicate that a quality or action that is usually unimportant has a very important or strong effect» – ‘простой (The *mere* mention of food had triggered off hunger pangs – Простое упоминание о еде провоциовало приступ голода), абсолютный, совершенный, полный’, ‘незначительный, малый; всего’ (о сумме, числе) [Collins English Dictionary].

Слово **smæte** было зафиксировано в древнеанглийский период в значениях ‘rein, fein, geläutert’ – ‘чистый, без примеси, очищенный, рафинированный (о золоте без примеси)’, ‘тонкий, мелкий’, ‘утонченный’. Однокорневыми с этой лексемой образованиями являются др.-англ. *be-smītan* ‘намазывать; марать; портить’, др.-англ. *smittian, smītan* ‘beschmutzen, verunreinigen’ – ‘марать, пачкать’, англ. *smear* ‘coat or mark (something) messily or carelessly with a greasy or sticky substance’ – ‘марать, пачкать (о конкр., пятна на одежде)’, ‘to smear someone means to spread unpleasant and untrue rumours or accusations about them in order to damage their reputation’ – ‘пачкать кого-то, распространять неприятные и ложные слухи или обвинения для того, чтобы испачкать чью-либо репутации’, ‘damage the reputation of (someone) by false accusations; slander’ – ‘марать, клеветать (перен. о репутации)’, сущ. ‘a mark or streak of a greasy or sticky substance’ – ‘пятно (на одежде)’, ‘a sample of tissue or other material taken from part of the body, spread thinly on a microscope slide for examination, typically for medical diagnosis’ – ‘мед. мазок’, ‘a false accusation intended to damage someone's reputation’ – ‘клевета, необоснованное обвинение’, англ. *smite* ‘to smite something means to hit it hard’ – ‘ударять, бить’ [Holthausen, 1934, S. 301–302; Collins English Dictionary; Köbler]. Анализ однокорневых слов выявил противоречия в их семантических отношениях: не ясна связь между их значениями ‘очищенный, без примеси’, ‘тонкий, мелкий’ с ‘мазать, марать’.

Генетически близкая лексика наблюдается и в других германских языках: др.-в.-нем. *bi-smizan* ‘намазывать; марать; портить’, ср.-в.-нем. *smitzen* ‘ударять, бить; мазать, марать’, нем. *schmeißen*₁ ‘(разг.) швырять, кидать’, ‘(разг.) справиться с чем-либо’, ‘(ю.-нем.) бить, хлестать, стегать’, *schmeißen*₂ ‘испражняться, пачкать, гадить (о насекомых, птицах)’, гот. **bi-smeitan* ‘намазывать’, норв. диал. *smita* ‘намазывать тонким слоем’. Перечисленная лексика восходит к общегерм. **smaiti-*, **smaitiz-* ‘натертый, начищенный, намазанный’, имеющим индоевропейские корни [Holthausen, 1934, S. 30; Lehmann, 1986, p. 72-731; Pokorny, 1969, S. 966; Köbler]. Основываясь на фактах прагерманской реконструкции, мы предполагаем, что развитие значения в английском языке шло от ‘тереть’ в двух направлениях: ‘тереть’ > ‘чистить, чистый’ и ‘тереть’ > ‘без примеси’ > ‘мазать’ > ‘марать, пачкать’ (об одежде, репутации).

Наряду с др.-англ. *smæte*, в этот же период зафиксировано употребление однокорневого др.-англ. **unbesmiten** в значении ‘rein, fleckenlos, makellos’ – ‘чистый, незапятнанный, незамаренный’. Лексема является причастием, образованным от глагола *smītan* ‘марать, загрязнять’ при помощи отрицательной приставки *un-* и приставки *be-* (ср.: др.-в.-нем. *unbissan* ‘незапятнанный, ненакрашенный, чистый’, нем. *unbeschmutzt* ‘незагрязненный’) [Holthausen, 1934, S. 302]. В среднеанглийский период слово уже не фиксируется в словарях.

Таким образом, в древнеанглийский период прилагательное *smæte* и причастие *unbesmiten* участвовали в выражении представления о чистоте (субполя ЛСП ‘без примеси, однородный’ и ‘без пятен и грязи’) и были вытеснены в среднеанглийский период.

Еще одно причастие было связано с понятием «чистый» в древнеанглийский период – др.-англ. **ungewēmed** ‘unbefleckt, sauber, unverletzt’ – ‘без грязи, чистый, неповрежденный’ и однокорневое др.-англ. **un-wēme** ‘unbefleckt, beschädigt’ – ‘незагрязненный, неповрежденный’. Оба слова образованы от глагола *wēman* ‘beflecken, beschädigen, zerstören, verleumden, schmähen, beschimpfen’ – ‘пачкать, вредить, разрушать, поносить, ругать’ при помощи отрицательной приставки *un-* (ср.: гот. *un-wammei* ‘незапятнанность’) [Holthausen, 1934, S. 389, Köbler]. Лексемы *ungewēmed* и *un-wēme* в словарях среднеанглийского периода не отмечаются.

Др.-англ. **swiotul** (swutol, sweotul, sweotollic) ‘distinct, clear, evident, manifest, open, public’ – ‘чистый, ясный’, ‘отчетливый, очевидный, явный’, ‘открытый, общедоступный’, однокорневые др.-англ. sweotle, sweotollīce ‘clearly, precisely, plainly, visibly, openly’ – ‘ясно, четко, открыто, видимо’, sweotlian ‘to show, reveal, make manifest’ – ‘показывать, открывать, делать явным’, sweotlung ‘manifestion’ – ‘проявление, демонстрация’. Слово восходит к лат. sūdu-s ‘сухой, безоблачный, ясный’ (ср. лит. svidėti ‘блестеть’) [Holthausen, 1934, S. 338; Алексеева, 1971, с. 230; Hall, 1916, p. 285].

Слово **bilewit** (bilewet/billwit) встречается в текстах древнеанглийского периода в значении ‘innocent, pure, simple, sincere, honest’ – ‘невинный, чистый, простой, искренний, честный, добрый’. Однокорневыми образованиями данного слова являются др.-англ. **bilewitlic** ‘unschuldig, rein, einfach’ – ‘невинный, чистый, простой’, bilewitnes ‘mildness, simplicity, innocence, purity’ – ‘мягкость, простота, невинность, чистота’. Эти лексические единицы в среднеанглийской лексикографии не отмечены [Hall, 1916, p. 43; Holthausen, 1934, S. 23; Алексеева, 1971, с. 133; Duden. Etymologie, 1963, S. 66–67; Lexner, 1992, S. 24, Köbler]. Слова восходят к прагерманской основе *bil- ‘богатырская, чудодейственная сила; чудесный знак’. Таким образом, перед нами англо-саксонская инновация – этическая оценка ‘невинный, чистый’, что видно из сравнения с материалом немецкой части данной работы [Holthausen, 1934, S. 23; Duden. Etymologie, 1963, S. 66–67; Lexner, 1992, S. 24].

Слово **eorcen** зафиксировано в древнеанглийских текстах лишь в именах собственных [Holthausen, 1934, S. 92]. Словарь Кёблера реконструирует др.-англ. eorcen в значении «echt, rein, vorzüglich» – «настоящий, чистый, отличный» и возводит к общегерм. *erkna-, *erknaz, *erknja-, *erknjaz ‘echt, heilig’ – ‘настоящий, святой’ (из и-е. *areǵ-, *arǵ-, *h₂rǵo- ‘блестящий, сияющий, беловатый’) [Pokorny, 1969, S. 64; Köbler]. Если предполагать, что *eorcen употреблялось в древнеанглийском языке в значении ‘чистый, святой’, то тогда оно является родственным др.-сакс. erkan, др.-в.-нем. erchan ‘настоящий, предпочтительный, правый’, гот. airkn-s ‘чистый, святой’, др.-исл. jartegn ‘знак, примета’ (от *iark-tegn) и восходит к общегерм. *erkna-, *erknaz, *erknja-, *erknjaz, ‘настоящий, святой’ [Holthausen, 1934, S. 92; Lehmann, 1986, p. 18]. Судя по тому, что в

древнеанглийском данное слово встречается исключительно в именах собственных, то, вероятно, значение слова реализовалось как этическая оценка – ‘чистый’ > ‘святой’ (ср. гот. *airkn-s* ‘чистый, святой’) [Holthausen, 1934, S. 92; Lehmann, 1986, p. 18; Collins English Dictionary; Англо-русский словарь общей лексики]. На основании вышеперечисленных фактов мы полагаем, что лексема *eorcen* могла представлять через понятие чистоты этическую оценку в древнеанглийский период.

Др.-англ. **swæte** известно в значениях ‘*süß, angenehm*’ – ‘сладкий, приятный’, ‘*duftend*’ – ‘ароматный’, ‘*rein*’ – ‘чистый (на вкус)’. Слово дошло до современного английского языка (*sweet*), имеет разветвленную семантическую структуру: ‘*sweet food and drink contains a lot of sugar*’ – ‘сладкий’, ‘*if you describe someone as sweet, you mean that they are pleasant, kind, and gentle towards other people*’ – ‘приятный, милый’, ‘добрый’, ‘*a sweet sound is pleasant, smooth, and gentle*’ – ‘мелодичный’, ‘*a sweet smell is a pleasant one, for example the smell of a flower*’ – ‘ароматный, душистый’, ‘пресный’, ‘легкий’, ‘готовый’ и значение ‘свежий, неиспорченный (о продуктах)’. Родственная лексика зафиксирована и в других германских языках: др.-в.-нем. *s(w)uozi*, нем. *süß*, ср.-нидерл. *soete* (совр. нидерл. *zoet*), исл. *sætr*, дат. *söd*, швед. *söt*, др.-фриз. *swēte* ‘сладкий, приятный’, др.-сакс. *swōti, suoti*, др.-исл. *söt-r*, др.-ниж.-франк. *suoti*, восходящих к общегерм. **swōtu-*, **swōtuz*, **swōtja-*, **swōtjaz* ‘сладкий’ [Holthausen, 1934, S. 339; Skeat, 2007, p. 506; Barnhart, 1995, p. 785]. Таким образом, мы наблюдаем у др.-англ. *swæte* изменение значения от ‘сладкий’ к ‘приятный на вкус, чистый, без примеси’ и далее ‘неиспорченный’ > ‘хороший’ (нормативная оценка).

Др.-англ. **hiere** (*hiore, híre, hýre, héore*) фиксируется в письменных источниках в значении ‘*angenehm, sanft, mild*’ – ‘приятный, мягкий’, ‘*sicher*’ – ‘безопасный, надежный’, ‘*rein*’ – ‘чистый’, наряду с однокорневым *hīwan* ‘*Angehörige, Familie*’ – ‘родственник, семья’, ‘*Haushalt*’ – ‘домашнее хозяйство’, ‘*Kloster*’ – ‘монастырь, обитель’ (ср.: англ. *hind* ‘батрак, слуга’) [Holthausen, 1934, S. 159, 161]. Однокорневые образования прослеживаются и в других германских языках, но значение ‘чистый’ у них не наблюдается: др.-в.-нем. *hiugi* ‘миловидный, дружелюбный’, ср.-в.-нем. *gehiure* ‘уютный, интимный, милый, приятный, красивый; хороший, благородный; храбрый’, нем. *geheuer* ‘интимный, близкий,

тайный', др.-исл. *hǫgr* 'дружелюбный, приветливый; веселый; мягкий, теплый', др.-исл. мн.ч. *hjú(n)*, *hjúþ* 'супруги, члены семьи', др.-фриз. *hiōna*, *hiūna*, *hīna* 'супруги; прислуга', *hīun* 'супруги; прислуга'. Перечисленная лексика восходит к общегерм. **hīwan* 'близкий, интимный, милый; целебный' [Holthausen, 1934, S.1 59, 161; Pokorný, 1969, S. 539, Duden. Etymologie, 1963, S. 205; Paul, 1992, S. 325; Lexer, 1992, S. 64; Hennig, 2001, S. 100]. Для этого слова точное значение трудно определить из-за отсутствия надежных контекстов. Значение слова дается через англ. *clean*, а генетически близкая лексика, которая предполагается для этого слова в этимологических словарях, весьма далека по значению от значения 'чистый' (см. выше), поэтому мы можем только предположить, что это англо-саксонская инновация, где значение могло развиваться от 'близкий, милый' к 'приятный, мягкий, уютный', далее 'безопасный, надежный' и 'чистый' как 'не содержащий ничего плохого, опасного'. Вследствие этого слово *híere* мы относим на дальнюю периферию ЛСП «Чистота» в древнеанглийский период. Дальнейшая судьба слова в лексикографических источниках не прослежена.

Рассмотрев лексические средства выражения ЛСП «Чистота» в древнеанглийский период, мы выделяем следующие субполя: 1) «без примеси, однородный», 2) «без грязи и пятен», 3) «ясный, прозрачный; блестящий, яркий; четкий», 4) «без примеси» (об абстр.), 5) этическая оценка «морально чистый, без ритуального осквернения, честный», 6) общая положительная и нормативная оценки «настоящий, пригодный, подходящий, хороший». Для того чтобы выяснить, какой из аспектов данного понятия был наиболее актуален в древнеанглийский период, обратимся к такому параметру как номинативная плотность представления каждого субполя. Под номинативной плотностью понимается степень детальности языкового обозначения определенного пространства, «детализация обозначаемого фрагмента реальности, множественное вариативное обозначение и сложные смысловые оттенки обозначаемого» [Карасик, 2004, с. 112].

Ниже приведена таблица лексических единиц, входивших в ЛСП «Чистота» в древнеанглийский период (см. таблицу 8). Лексемы сгруппированы согласно шести субполям ЛСП и происхождению.

Таблица 8

Субполе	Общегерманское происхождение	Собственно английская лексика	Заемствование
«без грязи и пятен»	clǣne (зап.герм.)	unbesmiten ungewēmmed un-wēmme	
«без примеси, однородный» (об конкр.)	clǣne (зап.герм.) hlūtor sċīr	smǣte	mǣre
«ясный, прозрачный; блестящий, яркий; четкий» (звуковая и визуальная перцепция)	clǣne (зап.герм.) hlūtor glæshlūtor hlūtorlic sċīr		swiotul
«без примеси» (об абстр.)	clǣne (зап.герм.) hlūtor		
этическая оценка «морально безупречный»	clǣne (зап.герм.) hlūtor	clǣnlic bilewit bilewitlic eorcen	sȳfre
общая положительная и нормативная оценки «настоящий, пригодный, подходящий, хороший»	clǣne (зап.герм.)	clǣnlic swæte hiere	

Таким образом, мы провели синхронный срез ЛСП «Чистота» в древнеанглийский период, выявив лексемы (18), выражавшие на тот момент представление о чистоте. Среди данных языковых единиц - десять собственно английского происхождения (unbesmiten, ungewēmmed, un-wēmme, smǣte, clǣnlic, bilewit, bilewitlic, eorcen, swæte, hiere), четыре общегерманского hlūtor, glæshlūtor, hlūtorlic, sċīr), одна западногерманского (clǣne) и три заимствованные (mǣre, swiotul, sȳfre). Сложная семантическая структура ЛСП «Чистота» обусловлена многомерностью представления о чистоте среди древних англичан, многомерностью, включающей в себя такие субполя, как «без грязи и пятен» (clǣne, unbesmiten, un-wēmme, ungewēmmed), «без примеси и инородных веществ» (hlūtor, mǣre, sċīr) и «ясный, прозрачный; блестящий, яркий» (hlūtor, sċīr), «без примеси» (об абстр.) (hlūtor, clǣne), этическая оценка «морально чистый, без ритуального осквернения, честный» (sȳfre, hlūtor, bilewit, bilewitlic), общая положительная и нормативная оценки «настоящий, пригодный, отличный» (clǣnlic).

Мы видим, что все три лексемы германского происхождения (*clǣne*, *hlūtor*, *sćīr*) участвуют в выражении сегмента ЛСП с прямой номинацией («без примеси и инородный веществ; без пятен», «ясный, прозрачный; блестящий, ясный»). Именно в этих сегментах наблюдается наибольшая плотность номинации, что указывает на значимость этого аспекта в сознании древних англичан. При этом *clean* является ядерной единицей, а *hlūtor* и *sćīr* занимают место в околядерной зоне, имея более узкую сферу референции. Ближняя периферия представлена лексемами, которые прорабатывают разные аспекты прямых значений компонентов поля (*glæshlūtor*, *hlūtoric*, *mære*, *smæte*, *swiotul*, *unbesmitan*, *un-wēmme*, *ungewemmed*). Также важно, насколько активно прорабатывалась в древнеанглийский период периферийная зона (*bilewit*, *bilewitlic*, *eorcen*, *hiere*, *swæte*, *clænlic*, *sýfre*), отражающая взаимодействие ЛСП «Чистота» с другими полями оценочного характера (этической и нормативной оценки): через взаимодействие сфер «вкуса», «межличностных отношений» и «этической оценки». На рисунке 9 представлена структура ЛСП «Чистота» в древнеанглийском периоде:

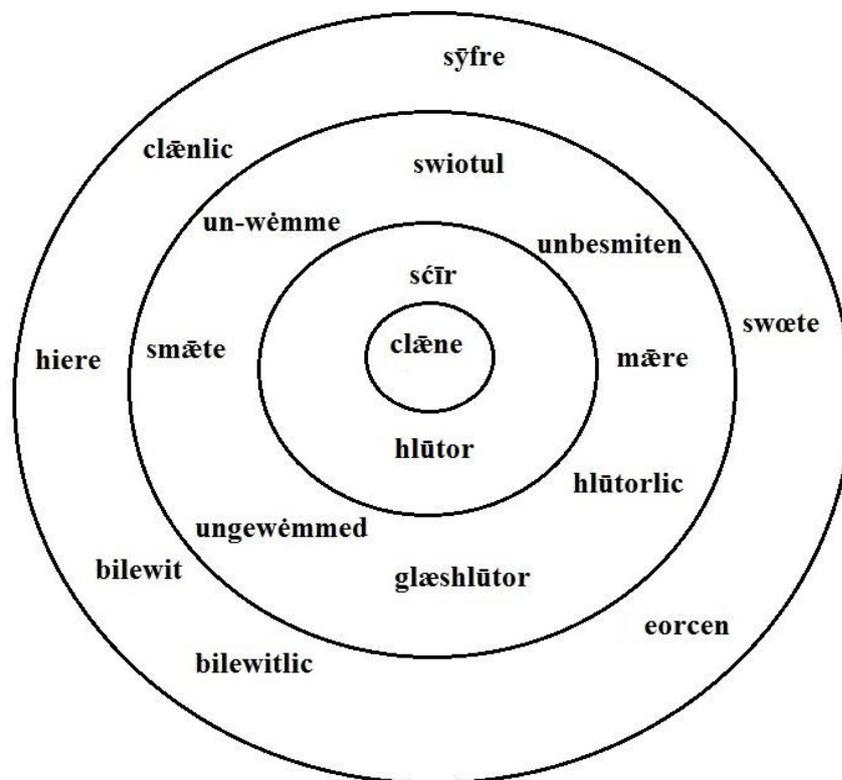

Рисунок 9

2.4.2. ЛСП «Чистота» в среднеанглийский период

В среднеанглийский период представление о чистоте в сознании носителей английского языка усложнилось: у субполя «без примеси» (об абстр.) появляется его вариант «не имеющий заполненности с точки зрения субъекта», т. е. «свободный от; пустой», что нашло отражение и в бóльшей дискретности семантической структуры ядерной единицы *clean*. Наряду с унаследованными из древнеанглийского периода лексемами (*clean*, *cleanlich*, *lutter*, *scīr*, *mere*, *swæte*) в среднеанглийский период в выражении представления о чистоте участвуют также *pure*, *net*, *clear*, *fayr*, *cleansed*. Прилагательные *sýfre*, *unbesmiten*, *ungewèmmmed*, *unwèmmme*, *smæte*, *glæshlūtor*, *hlūtorlic*, *swiotul*, *bilewit*, *eorcen*, *hiere*, начиная со среднеанглийского периода, вышли из ЛСП «Чистота». Картину выше обозначенных изменений мы представляем в таблице 9:

Таблица 9

Субполе	Лексемы, сохранившиеся в ЛСП	Лексемы, пришедшие в ЛСП		Лексемы, вышедшие из употребления
		собственно английского происхождения	заимствованные	
«без грязи и пятен»	<i>clean</i>	<i>fayr</i> <i>cleansed</i>	<i>net</i>	<i>unbesmiten</i> , <i>ungewèmmmed</i> , <i>unwèmmme</i>
«без примеси, однородный» (о конкр.)	<i>clean</i> <i>lutter</i> <i>scīr</i> <i>mere</i>	<i>fayr</i> <i>cleansed</i>	<i>pure</i>	<i>smæte</i>
«ясный, прозрачный; блестящий»	<i>clean</i> <i>scīr</i>	<i>fayr</i>	<i>pure</i> <i>net</i> <i>clear</i>	<i>lutter</i> <i>glæshlūtor</i> <i>hlūtorlic</i> <i>swiotul</i>
«без примеси» (об абстр.)	<i>clean</i>		<i>pure</i>	<i>lutter</i>
«свободный от; пустой»	<i>clean</i>			
этическая оценка «морально безупречный»	<i>clean</i> <i>cleanlich</i> <i>scīr</i>	<i>fayr</i>	<i>pure</i> <i>immaculate</i> <i>clear</i>	<i>sýfre</i> , <i>bilewit</i> , <i>bilewitlic</i> , <i>eorcen</i>
общая положительная и нормативная оценки «настоящий, пригодный, отличный»	<i>clean</i> <i>cleanlich</i> <i>lutter</i> <i>sweote</i>	<i>fayr</i>		<i>hiere</i>

Среднеанглийский период характеризуется господством в Англии французского языка, вследствие чего в английском языке образовался целый пласт слов, пришедших из старофранцузского языка. Заимствования из французского языка мы наблюдаем и в выражении понятия о чистоте: *pure, clear, net, immaculate*.

Первые письменные упоминания **pure** (занявшего в последствии место в ядре исследуемого ЛСП) относятся к среднеанглийскому периоду (сер. XIII в.), где оно употребляется в значении ‘not mixed with anything else, free from admixture or adulteration, unmixed, unalloyed, often qualifying names of colours; not mixed with, or not having in or upon it, anything that defiles, corrupts, or impairs; unusullied, untainted, clean; visibly or optically clear, spotless, stainless, in quotes’ – ‘без примеси, незамаренный, внешне чистый’ (о крови человека, воде, золоте, зеркале, о жидкости, отфильтрованной от осадка, о цвете, алкоголе, о воздухе без смога, не смешанный с берлинской (прусской) лазурью (синий краситель) и ‘ясный’ (о лунном и солнечном свете, луче света, белоснежном снеге) [The Oxford English Dictionary, 1989, vol. XII, p. 861-863]. Слово было заимствовано из ст.-фр. *pur, pure* ‘чистый, без примеси (о воде, воздухе)’, ‘ясный (о свете, небе)’, ‘однотонный (о цвете лица)’, ‘целомудренный’, ‘полный, совершенный, без остатка (о вере)’, ‘фундаментальный, теоретический (философия)’ < лат. *pūrus* ‘чистый, беспримесный’, ‘свободный от; пустой’, ‘ясный, светлый’ и проч. значения, которые не реализовались во французском и английском языках [Barnhart, 1995, p. 619; Rey, t. 3, p. 3012; Дворецкий, 2000, с. 638]. К концу XIII века у прилагательного расширяется сфера референции, слово употребляется в переносном значении ‘без примеси (об абстр.)’, выступая определением к вере, страданиям, крови, боли, тексту библии, мысли, злости, зависти. В середине XIV в. зафиксировано переносное значение, которое несет этическую оценку – ‘free from moral defilement or corruption; of unblemished character or nature; unstained or unstained with evil; guiltless, innocent; guiltless, sincere’ – ‘морально чистый, неиспорченный’ [The Oxford English Dictionary, 1989, vol. XII, p. 861-863]. К современному английскому периоду *pure* утратило значение ‘ясный, светлый’, очевидно, в силу высокой степени конкуренции с прилагательным *clear*. Таким образом, в английском языке у *pure* сформировалась сложная семантическая структура, связанная с широкой зоной референции. *Pure* принимает участие в

таком значимом аспекте понятия «чистота» как «без примеси (о конкр.)» и др., что позволяет его отнести в околоядерную зону ЛСП, однако сочетаемость *pure* еще значительно хуже, чем у ядерного *clean*.

В текстах английского языка лексема **clear** впервые зафиксирована на рубеже XIII и XIV веков в прямом значении ‘expressing the vividness or intensity of light: Brightly shining, bright, brilliant; fully light, bright; full of sunshine; free from cloud, mists, and haze; allowing light to pass through, transparent; translucent, pellucid, free from sediment, not turbid or opaque; bright or shining, as polished illuminated surfaces; lustrous’ – ‘яркий, прозрачный, блестящий (о свете, цвете, поверхности, жидкости), ясный’ (о дне (день), погоде, небе, о звуке, голосе)’ и переносном ‘bright, splendid, brilliant’ – ‘понятный, четкий’ (о речи, словах) [The Oxford English Dictionary, 1989, vol. III, p. 297-298]. Слово представляет собой заимствование из ст.-франц. *cler* (фр. *clair*) ‘ясный (о зрительной и звуковой перцепции)’, ‘прозрачный, тонкий, редкий, не насыщенный (о цвете)’ [Rey, t. 1, p. 768-769], которое в свою очередь пришло из лат. *clārus* «ясный, светлый, блестящий», ‘проясняющийся, разгоняющий тучи’, ‘ясный, громкий, внятный, отчетливый’, ‘очевидный, ясный, понятный’ и др. [Barnhart, 1995, p. 130]. В следующие два столетия (XIV и XV вв.) слово *clear* употребляется и в переносных значениях: ‘serene, cheerful; of unclouded countenance’ – ‘безмятежный, радостный’ (о возрасте, взгляде, лице); ‘четкий, ясный (об идее, взгляде, концепции)’, ‘знаменитый, известный, прославленный (о религии)’, ‘невинный, простодушный (о моральной чистоте, поведении, невинности)’, ‘beautiful, beauteous, fair’ – ‘красивый, прекрасный (о женщине)’, т. е. выражает этико-эстетическую оценку [The Oxford English Dictionary, 1989, vol. III, p. 297-298].

В ранненовоанглийский период продолжается развитие семантической структуры *clear*. Часть приобретенных словом в данный период значений (‘чистый, без помех, задолженностей’ (о прибыли, доходе), ‘свободный, необремененный’, ‘не сомневающийся, уверенный’ (о человеке), ‘без тревоги или затруднения, без долгов’, ‘без шероховатости, выступов, узлов, сучьев’, ‘без обременения, свободный, освобожденный’, ‘четко видящий’ (о глазах, зрении), ‘явное, очевидное решение’ (о судебном деле) можно свести к общему значению – ‘без помех, необремененный, очевидный (о прибыли, зрении, поверхности, человеке, судебном

деле, решении)'. Другие два значения данного периода – 'абсолютный, полный (о сумме, размере, количестве) и разг. 'очень пьяный' – вероятно, являются результатом расширения значения 'очевидный, явный' [The Oxford English Dictionary, 1989, vol. III, p. 297-298]. В современном английском языке сохранились все вышеперечисленные значения ('яркий, прозрачный, блестящий, ясный'; 'понятный, четкий'; 'четкий, ясный'; 'невинный, простодушный'; 'красивый, прекрасный'; 'знаменитый, известный, прославленный'; 'абсолютный, полный'; 'безмятежный, радостный'; 'очень пьяный') [Oxford Dictionary of English; Collins English Dictionary; Англо-русский словарь общей лексики] (подробнее в приложении). Таким образом, в среднеанглийский период слово *clear* вошло в околядерную зону исследуемого ЛСП в одном прямом ('яркий, прозрачный, блестящий, ясный') и одном переносном ('невинный, простодушный') значениях, к современному периоду еще и в значении нормативной оценки ('без препятствий или нежелательных объектов'). В раннеанглийский языковой период прилагательное *clear* стало участвовать в выражении еще одного субполя в значении этико-эстетической оценки (этико-эстетическая оценка 'невинный', 'красивый, прекрасный'). Развившаяся к раннеанглийскому периоду семантическая система слова способствовала сохранению его места в околядерной зоне ЛСП «Чистота». Об этом же пишет в своей кандидатской диссертации Дж. Р. Багирова [Багирова, 1983].

Лексема **net** появилась в письменном английском языке около XII века из ст.-фр. *net* 'немутный, без изменений, без примеси (о воздухе, вине, рисе, соли, перце)', 'без грязи', 'непорочный, чистый', 'верный, честный', 'однозначный, простой, совершенный' [Rey, t. 2, p. 2366-2367], но в лексикографических источниках этого периода отмечена только в значениях 'clean, free from filth' – 'чистый, без грязи (о человеке, руках, о теле человека)', 'bright, clear' – 'яркий, ясный, светлый' (о слоновой кости). Более поздним предполагается появление значения, несущего в себе эстетическую оценку – 'trim, smart, or elegant in dress' – 'аккуратный, опрятный, элегантный' (о чел. и его одежде сер. XVI в.) и развившееся от него 'neat, smart' – 'приятный, милый' (о беседе, панталонах). В начале XVIII века зафиксировано еще одно значение *net* – 'pure, unadulterated, unmixed' – 'чистый, несмешанный, настоящий' (о вине, сахаре, цементе) [The

Oxford English Dictionary, 1989, vol. X, p. 340-341. Таким образом, *net* участвует в выражении двух основных субполей – ‘чистый, без примеси’ и ‘ясный, светлый’. У *net*, по сравнению с *clean*, сфера референции значительно уже.

В начале XV века подобное *net* однокорневое образование было повторно заимствовано из ит. *netto* ‘остающийся после вычета’, но уже в значении ‘оставшийся после вычета’ [Barnhart, 1995, p. 504; The Oxford Dictionary of English Etymology, 1996, p. 608; The Oxford English Dictionary, 1989, vol. X, p. 340 -341], в результате чего на современном этапе английского языка *net* имеет два общеупотребительных значения (‘чистый, нетто (о весе, доходе)’, ‘общий, конечный’) и одно устаревшее (‘чистый, несмешанный, беспримесный’). Значение ‘без примеси, однородный’ перешло к прилагательному *pure*, значение ‘без грязи’ у *net* архаизировалось [Oxford Dictionary of English] (подробнее см. Приложение В). Таким образом, на определенных этапах истории английского языка *net* оказалось в приядерной зоне.

Слово **immaculate** известно в текстах XV в. в значении ‘без пятен, позора, незамаренный, непорочный’ (о моральном облике человека) [The Oxford English Dictionary, vol. VII, p. 678-679]. Это слово заимствовано в английский язык из лат. *immaculātus* ‘незапятнанный; непорочный, чистый’ в первой половине XV в. [Barnhart, 1995, p. 374]. В XVIII веке эта лексема зафиксирована в значении ‘без единого пятнышка, безупречный’ (об одежде), ‘не имеющий цветных пятен; ровной, однотонной окраски’ (об окраске растений и животных) позже, в XIX в., эта лексема встречается в значении ‘без дефектов, недостатков’ (ирон. о плохом человеке). В сер. XIX века отмечено еще одно значение – (о тексте, книге) ‘не содержащий ошибок’, реализующее более общее значение ‘без дефектов, недостатков’ [The Oxford English Dictionary, vol. VII, p. 678-679]. В современном английском языке слово *immaculate* сохранило все вышеперечисленные значения [Oxford Dictionary of English] (подробнее см. Приложение В).

В среднеанглийский период для выражения отдельных граней представления о чистоте используется слово **faȳr (fair)**. В данный период слово обладало рядом значений, которые можно объединить в четыре группы: ‘beautiful’ – ‘прекрасный (о лице, теле, внешности и др.)’, этическая оценка ‘free from moral stain, spotless, unblemished’ – ‘морально безупречный; справедливый (о поведении, репутации)’,

нормативная оценка ‘desirable, reputable; considerable; elegant; free from roughnesses or irregularities; smooth, even; free from bias, fraud; favourable, beign, unobstructed’ – ‘хороший, подходящий (о погоде, дне, словах, ветре, произношении, бумаге, теле и др.)’ и ‘free from blemish or disfigurement; clean, unsoiled, unstained; pure; clear, not cloudy’ – ‘без примеси, не мутный (о воде, цвете, еде, бумаге, звуке)’ [The Oxford English Dictionary, vol. V, p. 670-673].

История слова *fair* (fæger) уходит в древнеанглийский период, где *fair* отмечено в текстах 888 года в значениях – ‘beautiful, chiefly’, ‘schön, lieblich, angenehm, anziehend’ – ‘прекрасный, красивый, милый, притягательный (о лице, теле, женщине, животном, сказочном персонаже)’ (о зрительном восприятии), ‘agreeable, delit’ – ‘приятный, восхитительный (о звуке или запахе (1000 г.))’, ‘attractive or pleasuring at the first sight or hearing; specious, plausible’ – ‘благовидный, правдоподобный, льстивый, хвалебный (о словах, обещаниях)’, ‘free from moral stain, spotless, unblemished’ – ‘морально безупречный; справедливый (о поведении, репутации)’ [The Oxford English Dictionary, vol. V, p. 670-673]. Таким образом, в лексикографических источниках древнеанглийского периода слово *fair* встречалось только в этико-эстетической оценке. Также в древнеанглийском языке зафиксировано однокорневое образование – глагол *fægrian* ‘schön werden, schmücken’ – ‘становиться красивее, украшать’. Родственная лексика представлена и в других германских языках: др.-сакс. *fagar*, др.-исл. *fagr*, дат. *feir*, швед. *fager*, гот. *fagrs*, *ga-fēhaba* ‘хороший, подходящий’, др.-в.-нем. *fagar* ‘крепкий’ от др.-сакс. *fegōn*, ср.-в.-нем. *vegen*, ср.-нидерл., нидерл. *vagen* ‘мести, чистить’, др.-исл. *fāga* ‘очищать, делать блестящим, украшать’, *fægja* ‘чистить’. Таким образом, мы видим, что родственные связи в немецком, нидерландском и исландском языках подтверждают, что *fair* соотносилось с представлением о чистоте [Skeat, 2007, p. 151; Holthausen, 1934, S. 95; Duden. Etymologie, 1963, S. 160]. Вероятно, эта лексема пришла из другого ЛСП под влиянием христианизации, когда был актуализирован этико-религиозный, нравственный аспект жизненной сферы человека, поскольку в религиозном аспекте человек должен быть прекрасен и душой, и телом.

В ранненовоанглийский период происходит расширение семантической структуры слова *fair*, появляются значения ‘neat, clear, legible’ – ‘ясный, отчетливый, понятный (о почерке)’ и ‘light as opposed to dark’ – ‘светлый’ (о цвете лица и волос). Вероятно, под влиянием синонимических отношений в ЛСП «Чистота», где у слова *clean* в среднеанглийский период появляется значение ‘свободный от’, образуется еще одно значение – ‘free from obstacles, unobstructed, open’ – ‘беспрепятственный, свободный, открытый (о дороге)’. Значение ‘без примеси, не мутный’ было утрачено в ранненовоанглийский период [The Oxford English Dictionary, 1989, vol. V, p. 670-673]. Сложившаяся в раннеанглийский период семантическая структура *fair* остается неизменной в современном английском языке [Collins English Dictionary] (подробнее см. Приложение В).

Приричастие **cleansed** отмечается в лексикографических источниках с начала XV века в форме *cleanset* и значении ‘вычищенный, очищенный’ относительно воздуха, очков. В ранненовоанглийский период слово отмечено в переносном значении ‘чистый, невинный’ (например, о сердце), выражающим этическую оценку. В современном английском языке оба значения сохранились [The Oxford English Dictionary, 1989, vol. V. III, p. 297].

Итак, синхронный срез в среднеанглийский период выявил, что ядро по-прежнему представлено лексемой *clean*. В приядерной зоне сохраняются *lutter* и *sheer*. К ним добавляются заимствованные *pure*, *clear*, *net* и собственно английское *cleansed*, которые начинают активно участвовать в выражении компонентов ЛСП с конкретными значениями. В ближней периферии остается *mere*, уходят из ЛСП и в целом из языка лексемы *glæshlūtor*, *hlūtoric*, *smāete*, *swiotul*, *unbesmitan*, *un-wēmme*, *ungewemmed*, их место в приядерной зоне занимает прилагательное *fayer*. В дальней периферии сохранились *swæte* и *clænlic*, лексемы *bilewit*, *bilewitlic*, *eorcen*, *hiere*, и *sýfre* были утрачены в среднеанглийский языковой период. Дальняя периферия пополнилась только одной новой лексемой – *immaculate*.

Среднеанглийский период стал периодом перераспределения ролей: денотативная сфера *clean* в значении ‘ясный, прозрачный (о зрительной перцепции)’ сужается, а в значении ‘невинный, непорочный’ перестает употребляться. Это вызвано тем, что в данный языковой период заимствуются лексемы *clear*, *pure*, *net*, которые наряду с *sheer* начинают активно употребляться в

значении 'ясный, прозрачный, блестящий' и 'непорочный' (pure), создавая конкуренцию ядерному clean. Следует отметить, что значение 'ясный, яркий' у clear и sheer является исходным этимологически. Ядерное clean является активным донором в выражении сферы употребления нормативной оценки, а со среднеанглийского периода и этической оценки: дальняя периферия поля выражена лексемами clenlich, swöete и immaculate. Таким образом, наблюдается сближение исследуемого поля с полями этической и нормативной оценок.

Сохранилась плотность номинации у субполей с прямой номинацией – «без грязи и пятен» (4 лексем), «без примеси и инородных веществ» (7), «ясный, прозрачный; блестящий» (6). Наибольшая плотность номинации выявлена у субполей с оценочными значениями: «морально безупречный, честный» (7 лексем) и «настоящий, пригодный, отличный» (5). Таким образом, мы видим, что в среднеанглийский период активнее осмыслялось представление об этико-эстетической и нормативной чистоте в сознании носителей английского языка. Наименьшая плотность номинации зафиксирована у субполей «свободный от; пустой» (1) и «без примеси» (об абстр.) (2). О тесном взаимодействии понятий «чистый» и «светлый/ясный» говорилось выше, в немецкой части главы. Структура поля в среднеанглийский период представлена на рисунке 10:

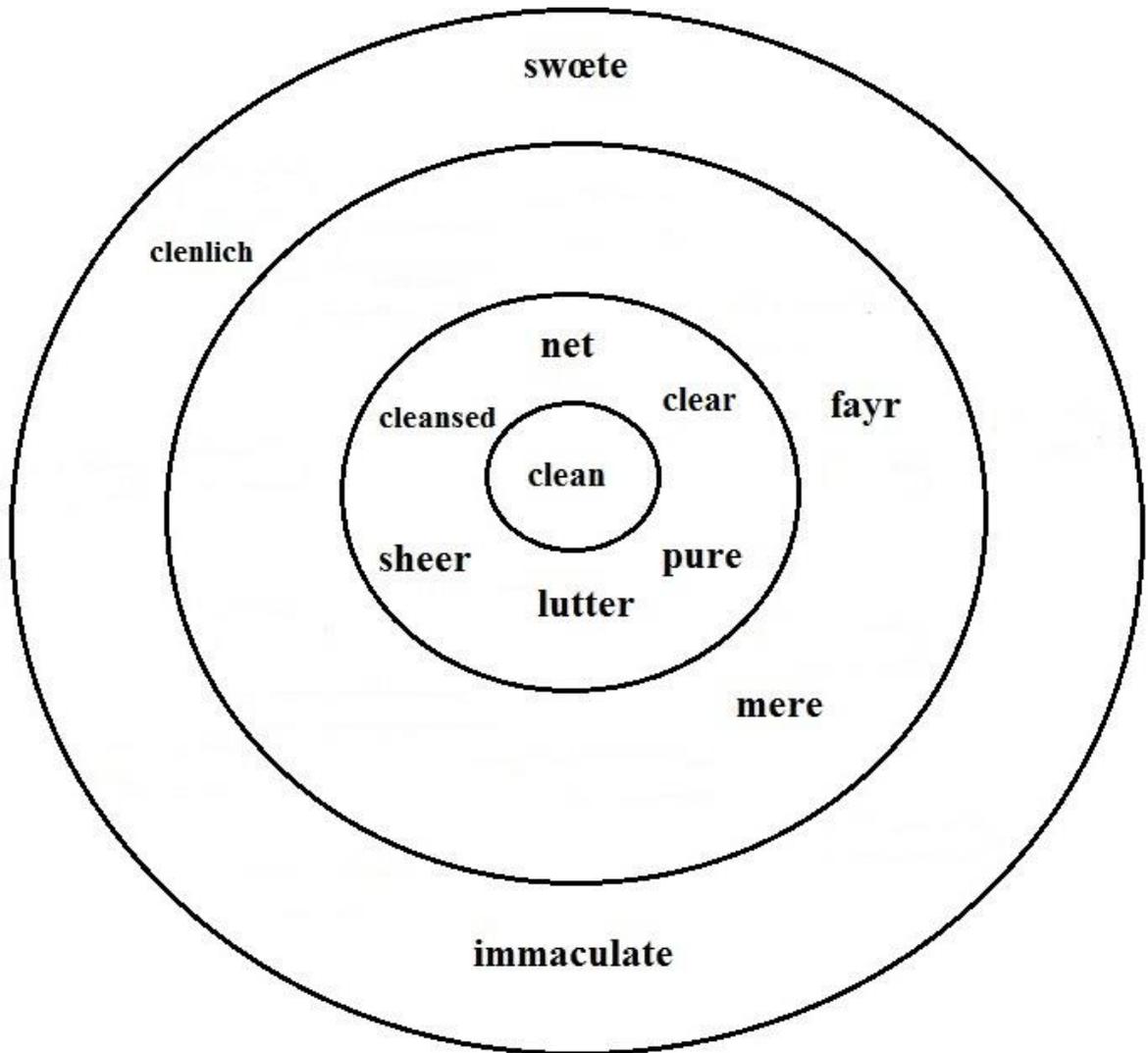

Рисунок 10

2.4.3. ЛСП «Чистота» в ранненовоанглийский период

В ранненовоанглийский период в структуре ЛСП произошел ряд изменений. В сознании носителей английского языка становится актуальным членение оценки и представления о ясном, светлом, четком: ядерное *clean* постепенно утрачивает свое исходное, прямое значение 'светлый, ясный, прозрачный', выражая «ясность, четкость» уже только в переносном значении о вкусовых и звуковых, и обонятельных перцепциях. Основную нагрузку в выражении субполя «светлый, ясный, прозрачный» переняли на себя заимствованные *pure*, *clear*. Структура поля и его лексическая экспликация в ранненовоанглийский период представлена в виде таблицы (см. таблицу 10):

Таблица 10

Субполе	Лексемы, сохранившиеся в ЛСП	Лексемы, пришедшие в ЛСП		Лексемы, вышедшие из употребления
		собственно английского происхождения	по происхождению заимствованные	
«без грязи и пятен»	clean cleansed net	spotless	neat	fair
«без примеси и инородных веществ» (о конкр.)	clean pure sheer		net neat	lutter mere fair
«ясный, прозрачный; блестящий» (зрительная перцепция)	(узк.) clean pure clear sheer net fair		neat	
«ясный, четкий» (о звуке, вкусе, запахе)	clean clear			fair
«без примеси» (об абстр.)	clean pure clear	fair		
«свободный от; пустой»	clean	fair blank	clear	
этическая оценка «морально безупречный»	clean cleansed pure clear sheer fair cleanly	spotless cleansed		lutter
общая положительная оценка «хороший, отличный»	clean sweete fair cleanly		neat	
нормативная оценка «правильный, настоящий»	clean fair		neat	
утилитарная оценка «пригодный, здоровый, безвредный»	clean fair		neat	

Рассмотрим историю новых лексем в выражении понятия «чистота» для ранненовоанглийского периода.

В раннеанглийский период обнаруживается вторичное заимствование ст.-фр. *net* в форме **neat** (*net* первично было заимствовано в среднеанглийский период; см. выше ср.-англ. *net*). Лексема *neat* встречается в середине XVI века в значении ‘clean; free from dirt or impurities’; ‘pure, unadulterated; not mixed with water, undiluted’ – ‘без грязи и примеси’, ‘неразбавленный водой, несмешанный’ (о конкретных предметах) и в нормативнооценочном значении ‘inclined to refinement or elegance; finely or elegantly dressed; trim or smart in apparel; characterized by elegance of form or arrangement, with freedom from all unnecessary additions or embellishments; of agreeable but simple appearance; nicely made or proportioned’ – ‘хорошо сделанный, умелый, исключительный; опрятный, упорядоченный (о предметах, действиях, человеке)’ [The Oxford English Dictionary, 1989, vol. X, p. 271-272]. Слово образовано от англ.-фр. *neit*, которое является заимствованием из ст.-фр. *net* ‘не мутный, без изменений, без примеси (о воздухе, вине, рисе, соли, перце)’, ‘без грязи’, ‘непорочный, чистый’, ‘верный, честный’, ‘однозначный, простой, совершенный’ [Rey, t. 2, p. 2366-2367], которое, в свою очередь, восходит к лат. *nitidus* ‘блестящий, блистающий, лоснящийся’, ‘чистый, светлый, ясный’, ‘красивый, нарядный’, ‘изысканный, тонкий, учтивый, изящный’, ‘цветущий, пышный; тучный, откормленный’, ср. также *nitēre* ‘быть жирным, лосниться от жира; быть тучным, откормленным’, ‘блестеть, сверкать’, ‘блистать красотой, быть красивым; быть пышным, быть в цвету’, ‘изобиловать’, ‘отличаться, быть выдающимся, славиться’ [Barnhart, 1995, p. 501; Дворецкий, 2000, с. 513]. К концу XVI века у слова *neat* отмечен еще ряд значений: относительно природных явлений – ‘clear, bright’ – ‘ясный, яркий’ (о кристалле, цвете, камне, стекле) и относительно размера, количества – ‘free from any reductions; clear, net’ – ‘без сокращений, полный, целый’ (о денежной сумме, доле.), ‘unbroken, complete’ – ‘неразбитый, целый’ (о бутылке вина), ‘exact, precise’ – ‘точный, определенный’ о сумме, пропорции, о длине веток) [The Oxford English Dictionary, 1989, vol. X, p. 271-272]. К современному английскому периоду семантическая структура слова *neat* утратила значение ‘ясный, яркий’. Таким образом, мы видим, что расширение семантики вторичного заимствования (*neat*) связано с сужением семантики более

раннего заимствования – *net*, общеупотребительным для которого стало значение, характеризующее вес, доход) [Oxford Dictionary of English; Collins English Dictionary; Англо-русский словарь общей лексики] (подробнее см. Приложение В).

Spotless впервые встречается в текстах ранненовоанглийского периода (XVI в.) в значении ‘free from spot or stain; not marked with, or disfigured by, spots; of a pure or uniform colour’ – ‘без пятен’, ‘однотонный’ (о цвете, белом мехе горностае, теле, половом покрытии) [The Oxford English Dictionary, 1989, vol. XVI, p. 325]. Данное прилагательное образовано от существительного *spot*. В этом же веке зафиксировано употребление *spotless* в переносном значении ‘free from stain or blot; immaculate, pure; guiltless or innocent of something’ – ‘без пятен или позора, невинный’ (о любви, верности, невинной жизни, человеке, репутации). В современном языке семантическая структура слова усложнилась, включив в себя значение ‘безупречный, безукоризненный, совершенный’ (о безупречно чистом доме, скатерти, рубашке, репутации) [Козырева].

Слово **blank** зафиксировано в лексикографических источниках английского языка с первой трети XIV века в значении ‘white’ – ‘белый’ (об одежде, меле, сорочке, соколе, ястребе, луне, волосе) [The Oxford English Dictionary, 1989, vol. II, p. 260]. Наличие однокорневых соответствий данной лексемы в других германских языках (ср. др.-в.-нем. *blanch* ‘белый’, родств. др.-англ. *bliscan* ‘светить’, др.-исл. *blakk-r* ‘белый, блестящий’) указывает на общегерманское происхождение [Skeat, 2007, p. 44]. В ранненовоанглийский период семантическая структура слова усложняется. С одной стороны, от значения ‘белый’ образуется переносное значение ‘белый, бледный’ (о человеке) и далее ‘looking as if deprived of the faculty of speech or action; utterly disconcerted, discomfited, resourceless, or non-plussed’ – ‘удивленный, в замешательстве, крайне смущенный’ (о человеке, взгляде). С другой стороны, значение ‘белый’ становится производным для ряда значений. Среди них ‘неисписанный, чистый, без помет, пустой’ – ‘left white or fair; not written upon, free from written or printed characters, empty of all marks; said’ (о бумаге, паспорте) и с XVIII века ‘пустой, без наполнения, свободный, незанятый’ – ‘empty, without contents, void, bare’ (о площади, темноте, ланцете, ощущении, пространстве) [The Oxford English Dictionary, 1989, vol. II, p. 260]. На современном этапе

семантическая структура слова не претерпела изменений по сравнению с ранненовоанглийским периодом. [Англо-русский словарь общей лексики].

Таким образом, следует отметить, что ядерное *clean* лишь в единичных случаях употребляется в значении ‘ясный, прозрачный’ (о природных объектах), т. е. утрачивает значение прямой номинации. Прилагательное *clean* отмечается лишь в значении ‘ясный, четкий (о вкусе, запахе, звуке)’. Основным изменением в ЛСП «Чистота» в ранненовоанглийский период стала важная тенденция к переходу *pure* в ядро ЛСП. В приядерную зону ЛСП наряду с *pure*, *clean*, *sheer*, *net* и *cleansed* вошла еще одна лексема – *neat*. Ближнюю периферию составляют лексемы *spotless*, *fair*. В дальнюю периферию наряду с *immaculate* входят лексемы *blank*, *sweet* и *cleanly*. Наблюдается уменьшение номинативной плотности в субполе ‘без примеси’ (об абср.) (5), максимальная номинативная плотность зафиксирована в субполях ‘ясный, светлый, прозрачный’ (8) и ‘морально безупречный’ (9). Формируется самостоятельное ЛСП «ясный, светлый», в которое входят лексемы *sheer*, *clear*, *net*, *neat*. Схематичное представление ЛСП «Чистота» в ранненовоанглийский период представлено на рисунке 11:

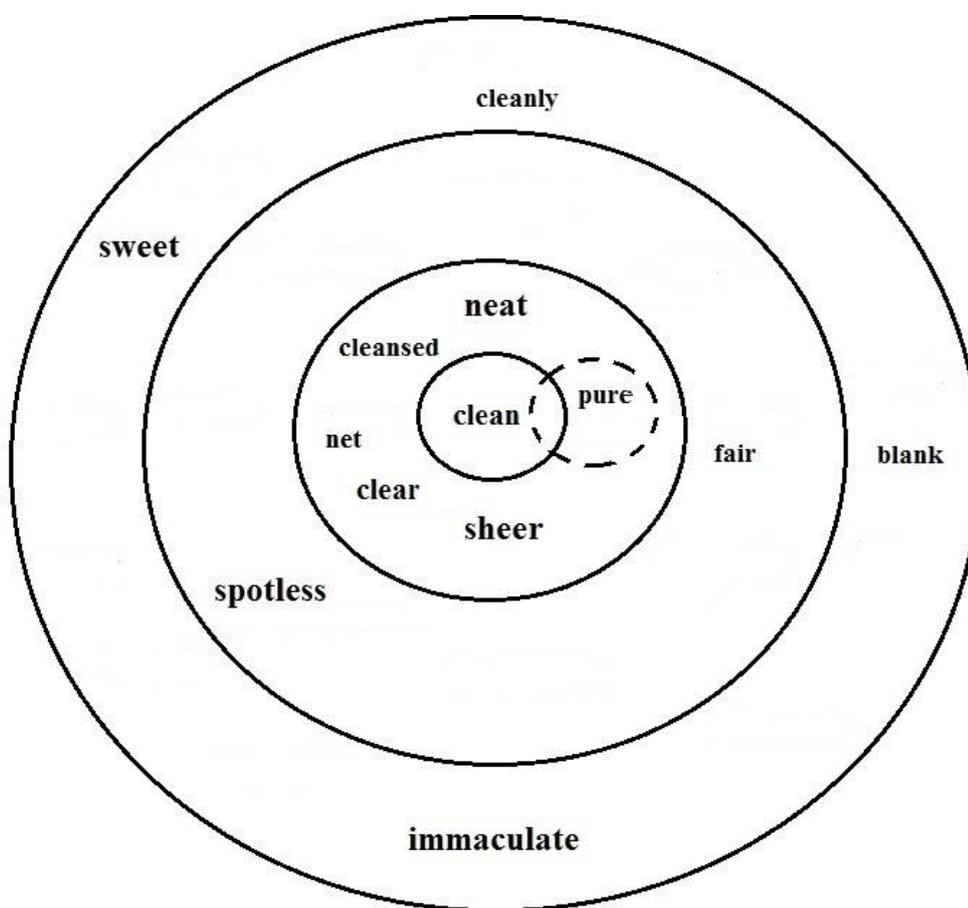

Рисунок 11

2.4.4. ЛСП «Чистота» в новоанглийский период

В современном английском сохраняется та понятийная структура, которая сложилась в раннеанглийском периоде. Это представлено в нижеприведенной таблице. Мы включаем в раздел «Лексемы собственно английского происхождения» лексические единицы не только собственно английского происхождения, но и образованные в английском языке от заимствований (см. таблицу 11):

Таблица 11

Субполе	Лексемы, сохранившиеся в ЛСП	Лексемы, пришедшие в ЛСП		Лексемы, вышедшие из употребления
		собственно английского происхождения	по происхождению заимствованные	
«без грязи и пятен»	clean immaculate spotless cleansed	washed scrubbed cleaned laundered unstained unsullied unused new fresh unmarked disinfected sterilized decontaminated	pristine sterile aseptic	
«без примеси и инородных веществ» (о конкр.)	clean pure (узк.) sheer (узк.) net neat	cleaned unpolluted uncontaminated	plain	
«ясный, прозрачный; блестящий» (зрительная перцепция)	clear sheer fair	bright cloudless unclouded blue sunny starry	transparent limpid translucent crystal clear	pure
«ясный, четкий» (о вкусе, запахе, звуке)	clean clear	bright		
«без примеси» (об абстр.)	pure neat			
«свободный от; пустой»	clean clear fair blank	empty unobstructed open unrestricted unhindered		

Субполе	Лексемы, сохранившиеся в ЛСП	Лексемы, пришедшие в ЛСП		Лексемы, вышедшие из употребления
		собственно английского происхождения	по происхождению заимствованные	
этическая оценка «морально безупречный»	clean (узк.) clear pure immaculate spotless cleanly fair cleansed	unstained unsullied unblemished		
общая положительная оценка «хороший»	neat immaculate fair sweet			
нормативная оценка «правильный, настоящий, законный»	clean fair		clear	
утилитарная оценка «не приводящий к загрязнению; здоровый»	clean cleanly		clear	

В новоанглийский период в выражении понятия «чистота» начинает принимать участие большое количество новых лексем, которые представляют собой прилагательные и, в значительной степени, причастные формы. Все они связаны с представлениями в языке о многочисленных современных способах достижения чистоты: *pristine* ‘девственный, неиспорченный вмешательством человека (о явлениях природы, физических свойствах, земле)’, ‘неиспорченный, свежий, новый (о промышленных изделиях, рубашке, условиях, красоте, а *pristine white shirt* – первозданная белизна футболки)’, *washed* ‘вымытый, смытый’, *scrubbed* ‘оттертый’, *cleaned* ‘очищенный от загрязнений, примеси, вычищенный’ (об угле, газе), *laundered* ‘выстиранный, отмытый’ (о ткани, белье, деньгах), *unstained* ‘без пятен, непятнистый’, ‘незапятнанный, непорочный’, *unsullied* ‘незапятнанный, незапачканный’ (прям. и перен.), *unblemished* ‘безукоризненный, безупречный, незапятнанный’ (о репутации), *disinfected* ‘продезинфицированный, обеззараженный’, *sterilized* ‘стерилизованный, обеззараженный’, *sterile* ‘стерильный’, *aseptic* ‘асептический’, *decontaminated* ‘обеззараженный’, *empty* ‘пустой, свободный’, *plain* ‘беспримесный’ (о шоколаде), *unused* ‘неиспользованный’ (о бумаге), *new* ‘новый’ (о неисписанном листке бумаги),

fresh ‘свежий, чистый’ (о скатерти), unmarked ‘без отметок’ (о бумаге), unpolluted ‘незагрязненный вредными или ядовитыми веществами’, uncontaminated ‘беспримесный’ (о еде, воздухе), transparent ‘прозрачный, просвечивающий’ (о стекле, пленке), limpid ‘прозрачный’ (о воде), translucent ‘просвечивающий, полупрозрачный’ (о коже), crystalclear ‘кристальноясный’, bright ‘ясный, яркий, блестящий’ (о шлеме, погоде), ‘ясный, четкий’ (о звуке), cloudless ‘безоблачный, ясный’, unclouded ‘безоблачный’, blue ‘синий, чистый, ясный’ (о небе), sunny ‘солнечный, яркий, золотистый’ (о дне, волосах), starry ‘звездный, сияющий, сверкающий’ (о ночи, искре, пыли, небе), unobstructed ‘беспрепятственный, свободный’, open ‘открытый, свободный’, unrestricted ‘неограниченный’, unhindered ‘свободный, беспрепятственный’ [Oxford Dictionary of English].

Более полная версия лексической экспликации этого ЛСП представлена в приложении (Приложение Г), куда мы включили из диссертационной работы Н. А. Сергиенко «Сопоставительное исследование лексико-семантических групп прилагательных с идентификатором „чистый/грязный“ и „clean/dirty“ (по материалам лексикографии)» расширенный вариант ЛСП «Чистота» в современном английском языке. В этом варианте приводятся наиболее активно используемые в современном английском языке причастные формы, которые преимущественно участвуют в выражении субполей ‘без примеси и инородных веществ’ и ‘без грязи и пятен’ (в результате действий человека): например, dusted ‘очищенный от пыли’, eluted ‘промытый в растворителе’, dighted ‘вытертый насухо’ и др. (130 лексем) [Сергиенко, 2006]. Большое количество причастий свидетельствует о том, что на современном этапе в сознании англичан стало актуальным понятие о том, каким способом достигается чистота (см. полный вариант в Приложении Г).

Итак, наибольшая плотность номинации в современном английском языке выявлена у субполя «без грязи и пятен» (20) и у субполя «ясный, прозрачный; блестящий» (зрительная перцепция) – 13. Третье место по плотности занимает субполе этической оценки (11). По девять лексем представлено в субполях «без примеси и инородных веществ» (о конкр.) и «свободный от; пустой» (9). Наименьшая плотность номинации отмечается у субполей общей положительной (4), нормативной (3) и утилитарной (3) оценок, у субполя «ясный, четкий» (о вкусе, запахе, звуке) – три и субполя «без примеси» (об абстр.) – два.

2.4.5. Общий вывод по ЛСП «Чистота» в английском языке

Анализ структуры ЛСП «Чистота» на синхронных срезах четырех периодов английского языка позволил прийти к выводу о том, что ядро поля на протяжении истории претерпевало изменения: с древнеанглийского по ранненовоанглийский периоды ядерной единицей сохранялось только прилагательное *clæne*, в современном английском ядерная часть представлена двумя единицами – *clean* и *pure*. Таким образом, во всех периодах в ядро входила лексема *clean*.

Сопоставление результатов этимологического анализа с данными исторического анализа показало, что этимологически исходным для *clean* было значение ‘ясный, прозрачный’ и вторичным – ‘чистый’. Исторически письменно засвидетельствованные факты древнеанглийского периода показывают основные его значения уже ‘чистый’ как ‘без грязи и пятен’ и ‘без примеси, однородный’. Следовательно, мы наблюдаем историческое развитие в семантике *clean* от ‘ясный, прозрачный’ к ‘чистый, без грязи и без примеси’, вероятно, произошедшее еще в период проживания англосаксов на материке. Все это позволяет сделать вывод, что особенность формирования признакового концепта «Чистый» на английской почве заключается в том, что исходно в нем лексемой *clean* синкретично были представлены разные аспекты представления о чистом: о чистом как ясном, прозрачном и однородном, без примеси (о природном) и о чистом как результате вмешательства человека.

Начиная с ранненовоанглийского периода наблюдается активное проникновение в ядерную зону лексем *pure* и *clear*. *Pure* и *clear* вошли в среднеанглийский период в узком значении, и уже к ранненовоанглийскому и новоанглийскому периодам расширилась семантическая структура этих слов, что повлияло на семантическую нагрузку ядерной лексемы *clean*, у которой сузилась сфера ее референции, и слово перестало употребляться в значении ‘ясный, прозрачный’ (относительно зрительной перцепции) и практически перестало использоваться в значении ‘без примеси, однородный’ и по отношению к человеку в значении ‘невинный, непорочный’. Определенная синкретичность понятий «чистый, без примеси», «без грязи и пятен» и «ясный, прозрачный», наблюдаемая

по данным языка, начиная с древнеанглийского языка, ослабляется к раннеанглийскому периоду. К новоанглийскому периоду относится тенденция к большей самостоятельности ЛСП «ясный, прозрачный», преимущественно выражаемого заимствованной по происхождению лексемой *clear*.

Околоядерная группа на протяжении истории английского языка оказалась подвижной: в древнеанглийский период она была представлена лексемой *scir*, в среднеанглийский – *sheer*, *lutter*, *cleansed* и заимствованными *pure*, *clear* и *net*, в ранненовоанглийский – *sheer*, *cleansed*, *pure*, *clear*, *net*, *neat*, в новоанглийский – *clear* и *sheer*.

В результате историко-этимологического анализа мы выявили семантические модели номинации, круг мотивировочных признаков в английском языке. Это либо обозначение способа очищения от грязи, пятен (*lutter* вымыть, прополоскать), либо исходное свойство однородности, несмешанности и ясности, прозрачности (о небе, воде; *clean*, *scir/sheer*). Все выявленные мотивировочные признаки оказываются связанными между собой «фамильным родством». Учитывая эти принципы номинации, можно говорить о неизменности понятийной части концепта и о синкретичном способе ее представления до средних веков. В средневековый период мы наблюдаем дискретное представление понятийной части концепта, что на языковом уровне отражается в наличии двух ядерных функционально взаимодополняющих друг друга лексем в ЛСП «Чистота» в современном английском языке (*clean*, *pure*).

Таким образом, придерживаясь принятой методики историко-лексикологического анализа, предполагающей определенную поэтапность и системность анализа языковых фактов, мы совместили выводы этого анализа с этимологическим (внутренняя и внешняя реконструкция) и определили историческую глубину формирования признакового концепта «Чистый» в английском языке, исходную его структуру и таким образом вышли на понятийные истоки, эволюцию структуры концепта, представленную сначала синкретично, затем расчлененно в лексических средствах языка, выявили динамику взаимодействия с близкими по понятийной основе ЛСП и степень влияния инокультурных концептов.

2.5. Общие выводы по эволюции признакового концепта «Чистый» в языковой картине мира немцев и англичан

Сопоставительный анализ признакового концепта «Чистый» в английском и немецком языках показал следующую картину:

1. Структура ядра ЛСП, представляющего признаковый концепт «Чистый» в двух исследуемых языках сходна: ядро ЛСП как в современном немецком, так и в английском языках представлено двумя лексемами: в немецком языке – *rein, sauber*, а в английском языке – *clean, pure*.

2. В количественном соотношении состав современного ЛСП в немецком и английском языках практически совпадает: в приядерной зоне ЛСП (без учета причастий) в немецком языке три лексем, а в английском – две; ближняя периферия в немецком языке представлена 29 прилагательными, в английском – восьмью, дальняя периферия поля в немецком языке насчитывает 45 лексем, в английском – 36. В ЛСП обоих языков наибольшее количество лексем находится в зонах ближней и дальней периферии, которые составляют причастия.

3. В формировании ЛСП «Чистота» в немецком и английском языках значительную роль сыграло инокультурное влияние. В немецком языке – со стороны народной латыни и французского языка, а в английском языке – прежде всего, влияние французского языка. При внешнем сходстве инокультурных контактов немецкого и английского языков с латинским языком как языком христианизации и с французским языком как культурно значимым для Германии и как государственным, литературным языком Англии на протяжении значительного периода (со времен Нормандского завоевания) наблюдаются определенные отличия в результате этого влияния в рассматриваемом нами ЛСП. Народнолатинское *sōbrius* пришло и в древневерхненемецкий, и в древнеанглийский языки, но в английском оно не сохранилось (утрачено с среднеанглийского периода), а в немецком стало ядерной лексемой ЛСП «Чистота» (с ранненововерхненемецкого периода). Это можно объяснить разной степенью укорененности нар.-лат. *sōbrius*: большей укорененностью в южнонемецких землях вследствие развитой монастырской культуры и романизации южных областей, влияния народной латыни, а в английской культуре не было такой широкой почвы для этого слова – влияния народной латыни. Оценивая результат влияния

французского языка, мы отмечаем большую степень его историко-культурного влияния на английский, вследствие чего французские по происхождению лексемы приняли активное участие в выражении понятия «чистота» – *pure* вошло в ядро ЛСП, а *clear* – в околядерную зону. В немецком языке заимствованное *klar* (соответствие англ. *clear*) заняло место в приядерной зоне.

В результате сопоставления особенностей лексического представления ЛСП в истории английского и немецкого языков была обнаружена следующая динамика.

1. Представление о чистоте в том и другом языках, вероятно, сформировалось на прагерманском уровне: наибольшая историческая глубина происхождения проанализированных лексем – прагерманский период.

2. В ЛСП «Чистота» в немецком языке сохранились все три прагерманские лексемы (*hreini*, *hlūtтар*, *schīr*). Их функциональная нагрузка на протяжении истории претерпевала изменения: *hreini* ('без грязи и пятен', 'без примеси', 'ясный, прозрачный' и оценочные значения) с древневерхненемецкого периода является ядерной лексемой ЛСП, у *hlūtтар* ('без примеси', 'ясный, светлый', этическая оценка 'нравственно безукоризненный') и *schīr* ('ясный, светлый', '(узк.) без примеси') зона референции уже.

3. В истории английского языка сохранились только две общегерманские лексемы, связанные с выражением чистоты – *hlūtor* и *sčīr*. На протяжении всей письменной истории английского языка они активно участвовали в выражении понятия «чистота» и в ЛСП долго занимали место в околядерной зоне (*hlūtor* постепенно сокращал свою функциональную значимость и в итоге архаизировался, а *schīr/sheer* сохраняется вплоть до современного английского периода). Основным функционально значимым языковым средством выражения понятия о чистоте с древнеанглийского периода лексикографические источники отмечают лексему *slāne* /*clean*, которая сохраняет свое место в ядре ЛСП до современности. Прилагательное *clean* является западногерманским регионализмом по происхождению. Этимологически оно, вероятно, связано с представлением о чистоте природной ('ясный, светлый, прозрачный'). Синкретичное представление о чистоте у этой лексики сформировалось еще на континенте (до переселения англосаксов в Британию).

4. В обоих языках ЛСП «Чистота» тесно взаимодействует с ЛСП «ясный/светлый». Как показывают типологические исследования, взаимодействие этих двух понятий характерно для многих языков мира [Архангельский, 2011].

5. Сопоставление структур понятийной части концепта в немецком и английском языках показало их сходство: три базовых понятийных компонента (о природной чистоте – «без примеси, однородный», «ясный, светлый, прозрачный» и о чистоте, создаваемой человеком, – «без грязи, пятен») сначала были выражены синкретично (ядерная лексема выражала все три аспекта чистоты), а затем, с принятием христианства и его особым вниманием к чистоте духовной, происходит дискретное представление понятийной части концепта, повлекшее за собой двухлексемное представление ядра ЛСП. Ядерные лексемны функционально взаимодополнительны. Тесное взаимодействие с оценочными субполями, активное участие в ряде положительных оценок (этическая, эстетическая, общая, нормативная) свидетельствуют о высокой значимости понятия «чистота» как в культуре немцев, так и англичан.

Проведенный полный поэтапный диахронический анализ с опорой на интегративный метод, на контекстную семантику, специфику зон референции, генерализацию мотивационных моделей номинации в ЛСП позволил выявить содержательную и структурную динамику в лексико-семантических полях, представляющих концепт «Чистый» на разных историко-культурных этапах у немцев и англичан. Содержательный вывод состоит в том, что уже на прагерманском этапе истории были осмыслены три понятийных (смысловых) компонента, связанных отношениями «фамильного родства», для представления понятия о чистоте: о чистоте природной – «без примеси, однородный», «ясный, светлый, прозрачный» и о чистоте, создаваемой человеком, – «без грязи, пятен». Эти понятийные компоненты реализовывались по отдельности в ряде лексических средств, а также совместно, синкретично представляли понятие в целом в какой-то одной, ставшей ядерной в ЛСП единице. Выявленные понятийные компоненты структуры концепта представляют собой когнитивное основание этого концепта, определяющее его историческое развитие.

Вероятно, появлению ядерной единицы предшествовала конкуренция синонимических средств, сформировавшихся на уровне племенных языков,

конкуренция, возникшая при объединении племенных группировок в большие сообщества и при становлении некоего койне. Реализованные в семантической структуре ядерной лексемы основные мотивационные схемы номинации в семантическом поле «Чистота» представляют собой результат существовавшей аспектации понятия «чистота» как сложного уже на прагерманском уровне.

Структурные изменения в ЛСП «Чистота» касались преимущественно его очень тесного взаимодействия с ЛСП «Ясность, светлость, прозрачность» и постепенного расширения оценочных зон, что свидетельствует об увеличении значимости понятия «чистота», получении им статуса особо культурнозначимого. Большая часть изменений в ЛСП «Чистота» представляет собой изменение статуса представляющих это поле лексических единиц.

Весь ход и результаты проведенного диахронического исследования ЛСП «Чистота» в немецком и английском языках позволили сделать ряд теоретических выводов, которые изложены в положениях, вынесенных на защиту.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование определило круг языковых единиц, представляющих лексико-семантическое поле «Чистота» в немецком и английском языках на разных этапах истории этих языков. Проследив особенности функционирования лексических средств, выражающих понятие «чистота» на разных этапах письменной истории языков, и проанализировав системные отношения между членами данных семантических полей, мы дополнили системный анализ языковых единиц в рамках лексико-семантических полей их «вертикальной» системной характеристикой – выявлением особенностей развития семантики анализируемых единиц в составе этимологических гнезд, в которых они формировались и развивались.

Примененная методика современного диахронического анализа позволила провести внутреннюю реконструкцию динамики содержательной стороны этих полей. Основным результатом этой реконструкции стало выявление содержательных компонентов понятийной части концепта, объединенных определенным «фамильным родством» («без грязи, пятен», «без примеси, однородный», «ясный, светлый, прозрачный») и двух этапов реализации понятийной части концепта – синкретичной и дискретной. На лексическом уровне это отразилось в структуре ядра ЛСП, первоначально выраженного одной лексической единицей (*rein/clean*), затем двумя (*rein, sauber / clean, pure*).

Результатом исследования стало и определение исторической глубины формирования представления о чистом у германцев (прагерманский уровень). Диалектные различия в прагерманском и исторические особенности расселения германцев позволяют обосновать различия в судьбе английского *clean* и немецкого *klein*. Обнаруженные различия в историко-культурной подоплеке объясняют разную степень влияния одних и тех же инокультурных концептов (латиноязычной христианской и светской французской культур) на немецкий и английский языки.

В проведенном исследовании эволюции признакового концепта «Чистый» в немецком и английском языках, кроме общей динамики в представлении концепта (синкретичной и дискретной), обнаружено общее когнитивное основание, представленное как оппозиция «чистота природная» – «чистота, создаваемая человеком». На основании примененной методики анализа концепт «Чистый»

представлен как диахронный феномен: определена константная часть – структура понятийной части концепта – и вариативная часть – оценочная составляющая концепта и образная (как внутренняя форма реализовавших концепт лексических единиц). Концепт «Чистый», являющийся собственно признаковым и выражающий признак «состояние», признак непостоянный, изменчивый, демонстрирует тесную связь с культурной семантикой и, соответственно, с оценкой. Результаты проделанной работы свидетельствуют об эффективности апробированной методики и, соответственно, принципиальную возможность ее использования применительно к исследованию концепта в эволюции.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ

1. Александрова, З. Е. Словарь синонимов русского языка [Текст] / З. Е. Александрова. – М. : Рус. яз., 1998. – 493 с.
2. Англо-русский словарь общей лексики [Электронный ресурс]. – М. : Русский язык-Медиа, 2004 // АBBYY Lingvo x5 : словарь : многоязычная версия. – Электрон. дан. – М., 2011. – 1 DVD-ROM (дата обращения: 18.03.2010).
3. Бенвенист, Э. Словарь индоевропейских социальных терминов [Текст] / Э. Бенвенист / пер. с фр., общ. ред. и вступ. ст. Ю. С. Степанова. – М. : Прогресс-Универс, 1995. – 495 с.
4. Большой англо-русский политехнический словарь. [Электронный ресурс]. – М. : РУССО, 1997 // АBBYY Lingvo x5 : словарь : многоязычная версия. – Электрон. дан. – М., 2011. – 1 DVD-ROM (дата обращения: 18.03.2010).
5. Большой англо-русский словарь [Текст]: в 2 т. / под общ. рук. И. Р. Гальперина. – М. : Русский язык, 1977. – Т. 1. – 822 с.
6. Большой англо-русский словарь [Текст]: в 2 т. / под общ. рук. И. Р. Гальперина. – М. : Русский язык, 1977. – Т. 2. – 864 с.
7. Большой англо-русский словарь по экономике и менеджменту [Электронный ресурс]. – М. : АBBYY, ООО «Экономикус», 2008 // АBBYY Lingvo x5 : словарь : многоязычная версия. – Электрон. дан. – М., 2011. – 1 DVD-ROM (дата обращения: 18.03.2010).
8. Большой немецко-русский словарь [Текст]: в 2 т. / под рук. О. И. Москальской. – М.: Русский язык, 1997. – Т. 1. – 760 с.
9. Большой немецко-русский словарь по общей лексике [Электронный ресурс] / Е. И. Лепинг [и др.]; под общ. рук. О. И. Москальской. – М. : Русский язык-Медиа, 2004 // АBBYY Lingvo x5 : словарь : многоязычная версия. – Электрон. дан. – М., 2011. – 1 DVD-ROM (дата обращения: 07.04.2011).
10. Большой толковый словарь русского языка [Текст] / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1534 с.
11. Вейсман, А. Д. Греческо-русский словарь [Текст] / А. Д. Вейсман. – 5-е изд., репр. (1899 г.). – М., 1991. – 650 с.
12. Ганшина, К. М. Французско-русский словарь [Текст] / Ганшина К. А. – М. : Рус. яз., 1939. – 868 с.

13. Глазунов, С. А. Новый англо-русский словарь современной разговорной лексики [Электронный ресурс] / С. А. Глазунов. – М. : Русский язык-Медиа, 2003 // АBBYY Lingvo x5 : словарь : многоязычная версия. – Электрон. дан. – М., 2011. – 1 DVD-ROM (дата обращения: 22.03.2011).
14. Дворецкий, И. Х. Латинско-русский словарь [Текст] / И. Х. Дворецкий. – М. : Русский язык, 2000. – 846 с.
15. Древнегреческо-русский словарь [Текст] : в 2 т. / под ред. И. Х. Дворецкого. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. – Т. 1: А-Л. – 1043 с.; Т. 2: М-Ω. – 860 с.
16. Исландско-русский словарь [Текст] / сост. В. П. Берков при участии А. Бедварссона. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1962. – 1032 с.
17. Козырева, М. Н. Англо-русский учебный словарь [Электронный ресурс] / М. Н. Козырева, И. В. Федорова. – 6-е изд., стереотип. – М. : Русский язык-Медиа, 2004 // АBBYY Lingvo x5 : словарь : многоязычная версия. – Электрон. дан. – М., 2011. – 1 DVD-ROM (дата обращения: 22.03.2011).
18. Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] / Е. С. Кубрякова [и др.]. – М. : Изд-во МГУ, 1996. – 248 с.
19. Латышско-русский словарь. [Текст] / сост. О. Логинова [и др.]. – Рига : Авотс, 1990. – 311 с.
20. Либерис, А. Литовско-русский словарь [Текст] / А. Либерис. – Вильнюс : Изд-во полит. и науч. лит., 1962. – 747 с.
21. Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] / под ред. В. Н. Ярцевой. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 682 с.
22. Русско-немецкий словарь [Текст] / под ред. М. Я. Цвиллинга. М. : Рус. яз., 1998. – 686 с.
23. Словарь синонимов русского языка [Текст] : в 2 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1970. – 1385 с.
24. Толковый словарь русского языка [Текст] : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – Репринт. изд. – М. : Астрель, 2000. – Т. 1: А-Кюрины. – 1562 с.; Т. 2: Л-Ояловеть. – 1040 с.; Т. 3: П-Ряшка. – 1424 с.; Т. 4: С-Ящурный. – 1499 с.

25. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка [Текст] : в 2 т. / П. Я. Черных. – М. : Рус. яз., 1994. – Т. 2 : Панцирь-Яшур. – 560 с.
26. A Concise Anglo-Saxon Dictionary [Electronic resource] / ed. Johan P. Clark Hall. – 2 nd ed. – [S. a.], 1916. – URL : http://lexicon.ff.cuni.cz/texts/oe_clarkhall_about.html (access date: 27.04.2012).
27. АБВУД Lingvo x5 [Электронный ресурс] : словарь : многоязычная версия. – Электрон. дан. – М. : АБВУД, 2011. – 1 DVD-ROM (дата обращения: 30.04.2012).
28. Althochdeutsche Literatur (8–10. Jh.) [Elektronische Ressource]. – URL : <http://www.mediaevum.de/texte/ahd.htm> (Zugangsdatum: 14.05.2012).
29. Barnhart, R. K. The Barnhart Concise Dictionary of Etymology [Text] / R. K. Barnhart. – N. Y. : Harper Collins Publishers, 1995. – 916 p.
30. Bergmann, G. Kleines sächsisches Wörterbuch [Text] / G. Bergmann. – München : Verlag C. H. Beck, 1986. – 234 S.
31. Berthold, L. Hessen-Nassauisches Volkswörterbuch [Text] : in 4 Bd. / L. Berthold. – Marburg : Elwert'sche Verlagsbuchhandlung, 1943.
32. Böning, H. Plattdeutsches Wörterbuch für das Oldenburger Land [Text] / H. Böning. – Oldenburg : Gerhård Stalling, 1941.
33. Bosworth, J. Anglo-Saxon Dictionary [Text] / J. Bosworth. – London : Clarendon, 1972. – 1302 p.
34. Brandenburg-Berlinisches Wörterbuch [Text] : in 4 Bd. / Bearb. von K. D. Gansleweit, A. Wiese, J. Wiese, R. Witkowski. – Neumunster : Akademie Verlag, 1994.– Bd. 3.
35. Buurman, O. Hochdeutsch-plattdeutsches Wörterbuch [Text] / O. Buurman. – Neumünster : Karl Wachhottz Verlag, 1962. – XVIII S., 960 Sp.
36. Cange, Du. Glossarium mediæ et infimæ latinitatis [Text] / Du Cange, Carolo du Fresne. – Niort L. Favre : Editio nova, aucta pluribus verbis aliorum scriptorum a Léopold Favre, 1886. – Vol. 7. – 694 p.
37. Christa, P. Wörterbuch der Trierer Mundart: Mit Sprachgesetzen derselben und Sprachproben in Prosa und Poesie [Text] / P. Christa. – Honnef a. Rh. : Verlag des Verfassers, 1927. – 237 S.

38. Collins Concise English Dictionary [Text]. – Lavis : LEGO Spa, 2008. – 1953 p.
39. Collins English Dictionary [Electronic resource]. – 8th Ed. – Harper Collins, 2006 // ABBYY Lingvo x5 : словарь : многоязычная версия. – Электрон. дан. – М., 2011. – 1 DVD-ROM (access date: 14.05.2013).
40. Creutz, G. Wörterbuch Hochdeutsch-Öcher Platt [Text] / G. Creutz. – Aachen : Verlag J. A. Mayer, 1987. – 158 S.
41. Cyriacks, H. 2000 Wörter Plattdeutsch: Ein Gebrauchswörterbuch [Text] / H. Cyriacks, P. Nissen. – Hamburg : Quickborn-Verlag, 2012. – 108 S.
42. Cyril Belica : Kookkurrenzdatenbank CCDB – V 3.3 / Eine korpuslinguistische Denk und Experimentierplattform [Elektronische Ressource]. – URL : <http://corpora.ids-mannheim.de/~cosmas> (Zugangsdatum: 22.05.2012).
43. Damköhler, E. Nordharzer Wörterbuch [Text] / E. Damköhler. – Aschersleben : Druck der Hallerschen Buchdruckerei, 1927.
44. Das Krüger Lexikon der Synonyme [Text] / Erich und Hildegard Bulitta. – Frankfurt am Main Umschlaggestaltung : Buchholz; Hinsch; Hensinger, 1993. – 1005 S.
45. Der neue SASS. [Text] Plattdeutsches Wörterbuch: Plattdeutsch-Hochdeutsch. Hochdeutsch-Plattdeutsch / Bearb. von H. Kahl, H. Thies. – Neumünster : Wachholtz Verlag, 2011. – 459 S.
46. Deutsches Etymologisches Wörterbuch [Elektronische Ressource]. – URL : <http://homepage.uibk.ac.at/~c30310/derwbhin.htm> (Zugangsdatum: 22.05.2012).
47. Dubois, J. Dictionnaire étymologique et historique du français [Text] / J. Dubois, H. Mitterand, A. Dauzat. – Paris : Larousse, 1996. – 822 p.
48. Duden Etymologie [Text] / Bearb. P. – Grebe Mannheim : Bibliographisches Inst., 1963. – 816 S.
49. Duden. [Text] Deutsches Universalwörterbuch / Hrsg. u. bearb. vom Wiss. Rat u. d. Mitarb.d. Dudenred. unter Leitung von Günter Drosdowski. – 2., völlig neu bearb. u. stark erw. Aufl. – Mannheim [u. a.] : Dudenverl., 1989. – 1816 S.
50. Duden. [Text] Die sinn- und sachverwandten Wörter / Hrsg. W. Müller. – Mannheim [u. a.] : Dudenverlag, 1993. – Bd. 8. – 800 S.
51. Duden. [Text] Etymologie. Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache / Hrsg. Phil. Haibil. Paul Grebe. – Mannheim : Dudenverl., 1963. – Bd. 7. – 816 S.

52. Duden online [Elektronische Ressource]. – URL : <http://www.duden.de/> (Zugangsdatum: 09.07.2013).
53. DWDS. Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache [Elektronische Ressource]. – URL : <http://www.dwds.de> (Zugangsdatum: 09.07.2013).
54. Ebner, J. Wie sagt man in Österreich? [Text] : Wörterbuch des österreichischen Deutsch / J. Ebner. – Mannheim : Bibliografisches Institut, 2010. – 106 S.
55. Eichhiff, J. Wortatlas der deutschen Umgangssprachen [Text] / J. Eichhiff. – Bern [u. a.] : K-G-Saur Verlag, 2000. – Bd. 4.
56. Etymologisches Wörterbuch der Deutschen (EWD) [Text] / durchges. und erg. von W. Pfeifer [etc.] : 1–2 Bde. – 2. Aufl.– Berlin, 1993. – Bd. 1. – 820 S.
57. Etymologisches Wörterbuch der Deutschen (EWD) [Text] / durchges. und erg. von W. Pfeifer [etc.] : 1–2 Bde. – Berlin, 1993. – Bd. 2. – S. 821-1665.
58. Fischer, H Schwäbisches Wörterbuch [Text] : in 7 Bd. / H. Fischer. – Tübingen : Verlag der H. Laupp'schen Buchhandlung, 1901-1936. – Bd. 1-7.
59. Fischer, H. Schwäbisches Handwörterbuch [Text] / H. Fischer. – Tübingen : Mohr Siebeck, 1991. – 687 S.
60. Frühmittelhochdeutsche Texte (11. Jh.) [Elektronische Ressource]. – URL : <http://texte.mediaevum.de/11mhd.htm> (Zugangsdatum: 09.07.2013).
61. Götz, D. Langenscheidts Grosswörterbuch Deutsch als Fremdsprache [Text] / D. Götz. – Moskau, 1998. – 1248 S.
62. Graff, E. G. Althochdeutscher Sprachschatz oder Wörterbuch der althochdeutschen Sprache [Text] : in 4 Bände / E. G. Graff. – Berlin, 1834. – Bände 1-4.
63. Grimm J. Deutsches Wörterbuch [Text] / J. Grimm, W. Grimm, H.-W. Bartz. – Leipzig : Verl. von S. Heizel, 1972. – Bd. 12. – 2848 S.
64. Gröner, H. Synonymwörterbuch [Text] / H. Gröner. – Leipzig, 1980 – 643 S.
65. Harte, G. Hochdeutsch-Plattdeutsches Wörterbuch [Text] / G. Harte, J. Harte. – Bremen : Verlag Schuster, 1997. – 283 S.
66. Heidermanns, F. Etymologisches Wörterbuch der germanischen Primäradjektive (Studia Linguistica Germanica) [Text] / F. Heidermanns. – Berlin [u. a.] : De Gruyter. – 1993. – 719 S.

67. Hennig, B. Kleines Mittelhochdeutsches Wörterbuch [Text] / B. Hennig. – Tübingen, 2001. – 503 S.
68. Hessen-Nassauisches Wörterbuch [Elektronische Ressource]. – Elektronische Daten. – URL : <http://www.lagis-hessen.de> (Zugangsdatum: 15.01.2014).
69. Hoffman, F. Niederhessisches Wörterbuch [Text] / F. Hoffman. – Marburg : N. G. Elwert'sche Verlagsbuchhandlung, 1926. – 278 S.
70. Holthausen, F. Altenglisches etymologisches Wörterbuch [Text] / F. Holthausen. – Heidelberg : Carl Winters Universitätsbuchhandlung, 1934. – 428 S.
71. Holthausen, F. Altsächsisches Wörterbuch [Text] : in 3 Bd. / F. Holthausen. – Köln : Röhlau-Verlag, 1934. – Bd. 1-3.
72. Jensen, P. Wörterbuch der nordfriesischen Sprache der Wiedingharde [Text] : in 2 Bd. / P. Jensen. – Neumünster : Verlegt bei Karl Wachholtz, 1927. – Bd. 1-2.
73. Kluge, F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache [Text] / F. Kluge Bearb. von E. Seebold, 23., erweiterte Auflage. – Berlin [u. a.] : Walter de Gruyter, 1995. – 1900 S.
74. Köbler, G. Althochdeutsches Wörterbuch, 1995 [Elektronische Ressource] / G. Köbler. – URL : <http://www.koeblergerhard.de> (Zugangsdatum: 03.09.2013).
75. Küpper, H. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache [Text] : in 6 Bd. / H. Küpper. – Claassen Verlag, 1964. – Bd. 3. – 273 S.
76. Lehmann, W. P. A gothic etymological dictionary [Text] / P. Jensen. – Leiden : E. J. Brill, 1986. – 413 S.
77. Lexer, M. Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch [Text] / M. Lexer. – Stuttgart : Wiss. Verl.-Ges., 1992. – 413 S.
78. Lübben, A. Mittelniederdeutsches Handwörterbuch [Text] / A. Lübben, Ch. Walter. – Leipzig : Diedr. Soltau's Verlag, 1888. – 599 S.
79. Maurer, F. Süddeutsches Wörterbuch [Text] / F. Maurer. – Marburg : N. G. Elwert Verlag, 1978-1998. – Bd. 4-5.
80. Mensing, O. Schleswig-Holsteinisches Wörterbuch [Text] : in 5 Bd. / O. Mensing. – Neumunster : Verlegt bel Karl Wachgoltz, 1927-1935. – Bd. 1-5.
81. Meyers Lexikon online [Elektronische Ressource]. – URL : <http://lexikon.meyers.de> (Zugangsdatum: 25.09.2014).

82. Middle English Dictionary [Text] / Editor H. Kurath; associate editor Sh. M. Kuhn. – Michigan : University of Michigan Press, 1952. – 28 pts.
83. Mittelhochdeutsche Texte (11-14 Jh.) [Elektronische Ressource]. – URL : <http://texte.mediaevum.de/11mhd.htm> (Zugangsdatum: 02.10.2013).
84. Mittelhochdeutsches Wörterbuch [Elektronische Ressource]. – URL : <http://www.mhdwb-online.de/wb.php?buchstabe=A&portion=0> (Zugangsdatum: 02.10.2013).
85. Mitzka, W. Schlesisches Wörterbuch [Text] : in 3 Bd. / W. Mitzka. – Berlin : Walter de Gruyter & Co, 1963–1965. – Bd. 1-3.
86. Müller, K. Lexikon der Redensarten [Text] : Herkunft und Bedeutung deutscher Redewendungen / K. Müller. – München, 2005. – 781 S.
87. Müller-Fraureuth, K. Wörterbuch der obersächsischen und erzgebirgischen Mundarten [Text] : in 2 Bd. / K. Müller-Fraureuth. – Dresden : Verlag von Wilhelm Baensch, 1911-1914. – Bd. 1 – 575 S.; Bd. 2 – 819 S.
88. Normann, R. V. Das treffende Fremdwort [Text] : Wörterbuch Deutsch – Fremd / R. v. Normann. – Frankfurt am Main : Eichborn, 1991. – 378 S.
89. NRGRA Corpus : Universität des Saarlandes [Elektronische Ressource]. – URL : <http://www.coli.uni-sb.de/sfb378/negra-corpus/> (Zugangsdatum: 08.10.2013).
90. Oxford Dictionary of English [Text] / Ed. by J. Pearsall, P. Hanks. – 2nd ed. – Oxford : Oxford University Press, 2005. – 2088 p.
91. Oxford Dictionary of English [Electronic resource]. – 3rd ed. – Oxford : Oxford University Press, 2010 // ABBYY Lingvo x5 : словарь : многоязычная версия. – Электрон. дан. – М., 2011. – 1 DVD-ROM (access date: 08.10.2013).
92. Paul, H. Deutsches Wörterbuch / Bedeutungsgeschichte und Aufbau unseres Wortschatzes [Text] / H. Paul. – 9. vollst. neu bearb. Aufl. – Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 1992. – 1130 S.
93. Plattdeutsches Wörterbuch [Elektronische Ressource]. – URL : <http://www.plattdeutsches-woerterbuch.de> (Zugangsdatum: 08.10.2013).
94. Plattdeutsch-Hochdeutsches Wörterbuch [Text] / Bearb. von W. Lindow. – Leer : Verlag Schuster, 1998. – 247 S.
95. Pokorny, J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch [Text] : in 3 Bücher / J. Pokorny. – Bern : Francke, 1969. – 1183 S.

96. Post, R. Kleines pfälzisches Wörterbuch [Text] / R. Post. – Neckarsteinach : Edition Tintenfaß, 2011 – 184 S.
97. Raith, J. Altenglisches Wörterbuch zum altenglischen Lesebuch (Prosa und Poesie) [Text] / J. Raith. – München : M. Hueber, 1944. – 172 S.
98. Rey, A. Dictionnaire historique de la langue française [Text] / A. Rey. – Éd. enrichie. – Paris : Le Robert, 2010. – T. 1-3.
99. Rheinisches Wörterbuch : in 9 Bd. [Text] / Hrsg. J. Müller. – Berlin : Erika Klopp Verlag, 1948-1958. – Bd. 1-9.
100. Roedder, E. Volkssprache und Wortschatz des Badischen Frankenlandes [Text] / E. Roedder. – N. Y. : Modern Language Association of America, 1936. – 606 S.
101. Ruoff, A. Häufigkeitwörterbuch gesprochener Sprache [Text] / A. Ruoff. – Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 1981. – 517 S.
102. Schmeller, J. A. Bayerisches Wörterbuch [Text] / J. A. Schmeller. – 2. Aufl. – München : Rudolf Oldenburg, 1872-77. – Bd. 1-4.
103. Schülerduden. [Text] Die richtige Wortwahl: ein vergleichendes Wörterbuch sinnverwandten Ausdrücke / Hrsg. und bearb. von W. Müller. – Mannheim [u. a.] : Dudenverlag, 1990 – 553 S.
104. Schützeichel, R. Althochdeutsches Wörterbuch [Text] / R. Schützeichel. – Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 1989. – 309 S.
105. Skeat, W. An Etymological Dictionary of the English Language [Text] / W. Skeat. – Oxford : At the Clarendon Press, 1884. – 844 p.
106. Skeat, W. Concise Dictionary of English Etymology [Text] / W. Skeat. – London : Wordsworth Editions Limited, 2007. – 643 p.
107. Sprachatlas der deutschen Schweiz [Text]: in 8 Bd. / Hrsg. R. Hotzenköcherle. – Bern, Basel : Francke Verlag, 1962-1997. – Bd. 1-8.
108. Sprachatlas von Unterfranken [Text]: in 7 Bd. / Hrsg. H. R. Wolf. – Heidelberg : Universitätsverlag Winter, 2009. – Bd. 1-7.
109. Sprechen Sie Bairisch? [Text] : Für Bayern und solche, die es noch werden wollen. – Fränkisch-Crumbach : Tosa, 2011. – 128 S.
110. Sprechen Sie Berlinisch? [Text] : Für Berliner und solche, die es noch werden wollen. – Wien : Tosa, 2006. – 128 S.

111. Sprechen Sie Hessisch? [Text] : Für Hessen und solche, die es noch werden wollen. – Wien : Tosa, 2008. – 128 S.
112. Sprechen Sie Platt? [Text] : Für Norddeutsche und solche, die es noch werden wollen. – Fränkisch-Crumbach : Tosa, 2011. – 128 S.
113. Sprechen Sie Sächsisch? [Text] : Für Sachsen und solche, die es noch werden wollen. – Fränkisch-Crumbach : Tosa, 2011. – 128 S.
114. Sprechen Sie Schwäbisch? [Text] : Für Schwaben und solche, die es noch werden wollen. – Fränkisch-Crumbach : Tosa, 2011. – 128 S.
115. Stiek, J.- R. M. Wi snack platt [Text] : Plattdeutsch von A–Z / J.- R. M. Stiek. – München : Compact Verlag, 1999. – 256 S.
116. Stürenberg, C. H. Ostfriesisches Wörterbuch [Text] / C. H. Stürenberg. – Aurich, 1857 – 356 S.
117. The Online Etymology Dictionary [Electronic resource]. – URL : <http://www.etymonline.com/> (access date: 29.02.2014).
118. The Oxford Dictionary of English Etymology [Text] / Ed. by C. T. Onions with the assistance of G. W. S. Friedrichsen and R. W. Burchfield. – Oxford : At the Calderon Press, 1996. – 1024 p.
119. The Oxford Dictionary of Synonyms and Antonyms [Text]. – St. Ives : Clays, 2007. – 514 p.
120. The Oxford English Dictionary [Text] / Prepared by J. A. Simpson, E. C. Weiner. – 2th ed. – Oxford : Clarendon Press, 1989. – Vol. 2, 3, 5, 7, 10, 12, 15, 16.
121. The shorter Oxford English Dictionary on historical principles [Text] / prepared by W. Little, H. W. Fowler, J. Coulson; revised and edited by C. T. Onions. – Glasgow [a. o.] : Oxford University Press, 1956. – 2515 p.
122. Verdam, J. Middelnederlandsch Handwoordenboek [Text] / J. Verdam. – Gravenhage : Martinus Nijhoff, 1932. – 811 S.
123. Wackernagel, W. Altdeutsches Handwörterbuch [Text] / W. Wackernagel. – Basel : Schweighauserische Verlagsbuchhandlung, 1878. – 409 S.
124. Weber, A. Sag es treffender [Text] : ein Wörterbuch für alle, die täglich diktieren und schreiben / A. Weber. – Essen, 1993. – 448 S.
125. Webster, M. Webster`s New Dictionary of Synonyms [Text] / M. Webster. – Springfield, Mass. : Merriam 1973. – 909 S.

126. Wenzel, W. Wortatlas des Kreises Wetzlar und der umliegenden Gebiete [Text] / W. Wenzel. – Marburg : N. G. Elwert'sche Verlagebuchhandlung, 1930. – 144 S.
127. Wesche, H. Niedersächsisches Wörterbuch [Text] / H. Wesche. – Neumünster : Karl Wachholtz Verlag, 1958.
128. Wörterbuch von elsässischen Mundarten [Text] : in 2 Bd. / Bearb. von E. Martin, H. Lienhart. – Tübingen : Verlag von Karl J., 1899. – Bd. 1-2.
129. Wörterbuchnetz – Wörterbuch der elsässischen Mundarten [Elektronische Ressource]. – URL : <http://woerterbuchnetz.de/ElsWB> (Zugangsdatum: 16.04.2014).
130. Woxikon: Synonyme, Fremdwörter und Antonyme (Gegenteil, Gegensatz) Datenbank [Elektronische Ressource]. – URL : <http://synonyme.woxikon.de> (Zugangsdatum: 16.04.2014).
131. Wrede, A. Neuer kölnischer Sprachschatz. Lexikon der Kölner Mundart [Text] / A. Wrede. – Köln, Greven Verlag, 1999. – 1168 S.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абишева, К. М. Категоризация и ее основные принципы [Текст] / К. М. Абишева // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 2. – С. 21-30.
2. Алексеева, Л. С. Древнеанглийский язык [Текст] / Л. С. Алексеева. – М. : Высш. шк., 1971. – 254 с.
3. Алефиренко, Н. Ф. Спорные проблемы семантики [Текст] / Н. Ф. Алефиренко. – М. : Гнозис, 2005. – 326 с.
4. Алпатов, В. М. Об антропоцентрическом и системоцентричном подходах к языку [Текст] / В. М. Алпатов // Вопросы языкознания. – 1993. – № 3. – С. 15-26.
5. Апресян, Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. [Текст] «Языки русской культуры» : избранные труды / Ю. Д. Апресян. – М. : Школа, 1995. – Т. 2. – 766 с.
6. Арутюнова, Н. Д. Аксиология в механизмах жизни и языка [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Проблемы структурной лингвистики. – М., 1984. – С. 5-23.
7. Арутюнова, Н. Д. Логические теории значения [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Принципы и методы семантических исследований. – М., 1976. – С. 92-118.
8. Арутюнова, Н. Д. О работе группы «Логический анализ языка» Института языкознания [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Избранное. 1988-1995. – М., 2003. – С. 7-23.
9. Арутюнова, Н. Д. Об объекте общей оценки [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Вопросы языкознания. – 1985. – № 3. – С. 13-23.
10. Архангельский, Т. А. Качественные признаки «чистый», «грязный», «прозрачный», «мутный»: к построению семантической типологии [Текст] / Т. А. Архангельский, М. Г. Тагабилева, Л. С. Холкина // Acta linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. – СПб., 2011. – Т. VII, ч. 3. – С. 257-260.
11. Архипов, И. К. Природа концепта и методы его изучения [Текст] / И. К. Архипов // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования : сб. науч. тр. – М., 2007. – С. 33-42.
12. Аскольдов, С. А. Концепт и слово [Текст] / С. А. Аскольдов // Русская словесность. Антология / под ред. В. П. Нерознака. – М., 1997. – С. 267-279.

13. Бабушкин, А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка [Текст] / А. П. Бабушкин. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1996. – 103 с.

14. Багирова, Д. Р. Функционально-семантические особенности английских прилагательных, выражающих понятие «чистый» в сопоставлении с их армянскими коррелятами [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Багирова Джульетта Рубеновна. – М., 1983.

15. Балашова, Е. А. К вопросу об отражении наивной картины мира в лексикографии и лексикологии [Электронный ресурс] / Е. А. Балашова // Филологические заметки. – 2006. – Т. 2. – Режим доступа : <http://philologicalstudies.org/dokumenty/2006/vol2/14.pdf> (дата обращения: 11.11.2010).

16. Балли, Ш. Французская стилистика [Текст] / Ш. Балли / пер. с фр. К. А. Долинина. – М. : Изд-во иностр. лит., 1961. – 393 с.

17. Барнет, В. К вопросу о методологии синхронного среза в диахронии [Текст] / В. Барнет // Языкознание в Чехословакии : сб. ст. 1956-1974 / под ред. А. Г. Широковой. – М., 1978. – С. 134-141.

18. Бах, А. История немецкого языка [Текст] / А. Бах. – М. : Изд-во иностр. лит., 1956. – 342 с.

19. Белая, Е. Н. Теория и практика межкультурной коммуникации [Текст] : учеб. пособие / Е. Н. Белая. – М. : Форум, 2011. – 208 с.

20. Беляевская, Е. Г. Концептуальный анализ: модифицированная версия методов структурной лингвистики? [Текст] / Е. Г. Беляевская // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования : сб. науч. тр. – М., 2007. – С. 60-69.

21. Беляевская, Е. Г. О характере когнитивных оснований языковых категорий [Текст] / Е. Г. Беляевская // Когнитивные аспекты языковой категоризации : сб. науч. тр. / отв. ред. Л. Н. Манерко. – Рязань, 2000. – С. 9-14.

22. Беляевская, Е. Г. Семантика слова [Текст] / Е. Г. Беляевская. – М. : Высш. шк., 1987. – 126 с.

23. Березович, Е. Л. К этнолингвистической интерпретации семантических полей [Текст] / Е. Л. Березович // Вопросы языкознания. – 2004. – № 6. – С. 3-24.

24. Берков, В. П. Современные германские языки [Текст]: учебник / В. П. Берков. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: АСТ, 2001. – 336 с.
25. Болдырев, Н. Н. Актуальные задачи когнитивной лингвистики на современном этапе [Текст] / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 1. – С. 5-13.
26. Болдырев, Н. Н. Когнитивная основа лексических категорий и их интерпретирующий потенциал [Текст] / Н. Н. Болдырев, Л. А. Панасенко // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 2. – С. 5-12.
27. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика (курс лекций по английской филологии) [Текст] / Н. Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во Тамбов. ун-та, 2000. – 312 с.
28. Болдырев, Н. Н. Концептуальная основа языка [Текст] / Н. Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка: коллективная монография / отв. ред. Н. Н. Болдырев. – М.; Тамбов, 2009. – Вып. 4: Концептуализация мира в языке. – С. 25-108.
29. Болдырев, Н. Н. Проблемы исследования языкового знания [Текст] / Н. Н. Болдырев // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования: сб. науч. тр. – М.; Калуга, 2007. – С. 95–109.
30. Болдырев, Н. Н. Языковая репрезентация основных уровней познания [Текст] / Н. Н. Болдырев, О. В. Магировская // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2009. – № 2. – С. 7-16.
31. Болдырев, Н. Н. Языковые категории как формат знания [Текст] / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 2. – С. 5-22.
32. Бурлак, С. А. Параллели между славянскими и германскими языками: индоевропейское наследие и типологическое сходство [Текст] / С. А. Бурлак, А. С. Мельников, А. В. Циммерлинг // Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением / отв. ред. Т. М. Николаева. – М., 2002. – С. 112-184.
33. Бычков, В. В. Русская средневековая эстетика XI-XVII вв. [Текст] / В. В. Бычков. – 2-е изд. – М.: Мысль, 1995. – 638 с.
34. Вайсгербер, Й. Л. Язык и философия [Текст] / Й. Л. Вайсгербер // Вопросы языкознания. – 1993. – № 2. – С. 114-124.

35. Варбот, Ж. Ж. Диахронический аспект проблемы языковой картины мира [Текст] / Ж. Ж. Варбот // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы : материалы междунар. науч. конф. (Москва, 8-10 июня 2002 г.) / сост. Н. К. Онипенко. – М., 2003. – С. 343-347.

36. Варбот, Ж. Ж. Опыт историко-этимологического исследования лексико-семантических полей в семинаре по русской этимологии [Текст] / Ж. Ж. Варбот // Славянские языки и литературы в синхронии и диахронии : материалы междунар. науч. конф. (Москва, 26-28 нояб. 2013 г.). – М., 2013. – С. 53-56.

37. Варбот, Ж. Ж. Этимологические гнезда и лексико-семантические поля в диахронии и синхронии [Текст] / Ж. Ж. Варбот // Славянское языкознание. XIV : Междунар. съезд славистов : докл. российской делегации. (Охрид, 10–16 сент. 2008 г.). – М., 2008. – С. 84-95.

38. Васильев, Л. М. Теория семантических полей [Текст] / Л. М. Васильев // Вопросы языкознания. – 1971. – № 5. – С. 105-113.

39. Васильева, В. Ф. «Языковая картина мира»: миф или реальность (полемиические заметки) [Текст] / В. Ф. Васильева // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. – 2009. – № 3. – С. 22-31.

40. Введение в германскую филологию [Текст] : учебник для филологических факультетов / М. Г. Арсеньева, С. П. Балашова, В. П. Берков, Л. Н. Соловьева. – 5-е изд., испр. и доп. – М. : ГИС, 2006. – 318 с.

41. Вежбицкая, А. Лексикография и концептуальный анализ языка [Текст] / А. Вежбицкая. – М. : Языки русской культуры, 2001. – 200 с.

42. Вилюман, В. Г. Английская синонимика [Текст] : Введение в теорию синонимии и методику изучения синонимов / В. Г. Вилюман. – М. : Высш. шк., 1980. – 346 с.

43. Виноградов, В. А. Вступительное слово при открытии круглого стола «Концептуальный анализ языка: современные направления» [Текст] / В. А. Виноградов // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования : сб. науч. тр. – М.; Калуга, 2007. – С. 5-6.

44. Виноградов, В. В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования [Текст] / В. В. Виноградов // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 6-34.

45. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки [Текст] / Е. М. Вольф. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.
46. Воркачев, С. Г. Концепт как «зонтиковый термин» [Текст] / С. Г. Воркачев // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М., 2003. – Вып. 24 – С. 5-12.
47. Воркачев, С. Г. Постулаты лингвоконцептологии [Текст] / С. Г. Воркачев // Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. – Волгоград, 2005. – Т. 1. – С. 10-11.
48. Воркачев, С. Г. Счастье как лингвокультурологический концепт [Текст] / С. Г. Воркачев. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2004. – 192 с.
49. Гак, В. Г. Пределы семантической эволюции слов [Текст] / В. Г. Гак // Русский язык сегодня : сб. ст. / отв. ред. Л. П. Крысин. – М., 2003. – Вып. 2. – С. 88-97.
50. Гамкрелидзе, Т. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. [Текст] Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры / Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов. – Тбилиси : Изд-во Тбилис. ун-та, 1984. – 1328 с.
51. Голованова, Е. И. Когнитивный подход в исторических исследованиях [Текст] / Е. И. Голованова // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования : сб. науч. тр. – М.; Калуга, 2007. – С. 248-255.
52. Гумбольдт, В. Ф. Язык и философия культуры [Текст] / В. Ф. Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1985. – 452 с.
53. Гуревич, А. Я. Категории средневековой культуры [Текст] / А. Я. Гуревич. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Искусство, 1984. – 350 с.
54. Гуревич, П. С. Культурология [Текст] / П. С. Гуревич. – М. : Проект, 2003. – 336 с.
55. Дальхеева, А. М. Концептуальное заимствование как вид языкового контакта [Текст] / А. М. Дальхеева // Вестн. Иркут. гос. лингвист. ун-та. Сер. Филология. – 2009. – № 3 (7). – С. 41-45.
56. Демьянков, В. З. «Концепт» в философии языка и в когнитивной лингвистике [Текст] / В. З. Демьянков // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования : сб. науч. тр. – М.; Калуга, 2007. – С. 6-33.

57. Демьянков, В. З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века [Текст] / В. З. Демьянков // Язык и наука конца 20 века. – М., 1995. – С. 239-320.

58. Демьянков, В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода [Текст] / В. З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17-33.

59. Долгих, Н. Г. Теория семантического поля на современном этапе развития семасиологии [Текст] / Н. Г. Долгих // Филологические науки. – 1973. – № 1. – С. 89-98.

60. Дронова, Л. П. Диахроническое представление концепта [Текст]: к методике анализа / Л. П. Дронова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2014. – № 3. – С. 59-64.

61. Дронова, Л. П. Методика диахронического исследования и когнитивный подход к языку [Текст] / Л. П. Дронова // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер. Филология. – 2013. – № 2 (22). – С. 22-39.

62. Дронова, Л. П. Методика диахронического исследования и когнитивный подход к языку [Текст] Статья 2 / Л. П. Дронова // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер. Филология. – 2014. – № 2 (28). – С. 16-24.

63. Дронова, Л. П. Полный бензобак и открытые ворота, или проблема верификации в семантической реконструкции [Текст] / Л. П. Дронова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2011. – № 3. – С. 102-107.

64. Дронова, Л. П. Синхрония и диахрония: отложенная встреча? [Текст] / Л. П. Дронова // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер. Филология. – 2009. – № 3(7). – С. 116-123.

65. Дронова, Л. П. Становление и эволюция модально-оценочной лексики русского языка [Текст]: этнолингвистический аспект / Л. П. Дронова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. – 256 с.

66. Евтушенко, О. В. О перспективах изучения структуры концепта [Текст] / О. В. Евтушенко // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2009. – № 1. – С. 35-42.

67. Зиновьева, Е. И. Понятие «концепта» в рамках спецкурса «языковая картина мира [Текст]: концептосфера русского языка» / Е. И. Зиновьева //

Лингвистика, методика и культурология в преподавании русского языка как иностранного : сб. ст. / под ред. Е. Е. Юркова. – СПб., 2003. – С. 17-21.

68. Иванов, В. В. Вероятностное определение лингвистического времени (в связи с проблемой применения статистических методов в сравнительно-историческом языкознании) [Текст] / В. В. Иванов // Вопросы статистики речи : (материалы совещания). – Л., 1958. – С. 69-70.

69. Ильин, В. В. Язык – Понимание – Культура [Текст] / В. В. Ильин // Язык и культура. Факты и ценности : к 70-летию Юрия Сергеевича Степанова. – М., 2001. – С. 267-272.

70. Ильинская, Т. Н. История формирования и эволюция концепта „сила“ во французском и русском языках [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Ильинская Татьяна Николаевна. – Томск, 2006. – 155 с.

71. Ирисханова, О. К. Концептуальный анализ и процессы дефокусирования [Текст] / О. К. Ирисханова // Концептуальный анализ языка : современные направления исследования : сб. науч. тр. – М.; Калуга, 2007. – С. 69–80.

72. История древнего мира: учебник для 5-6 классов средней школы / под ред. А. В. Мишулина. – М. : Учпедгиз, 1950. – 254 с.; 5 карт.

73. Казанская, М. Д. К сравнительному изучению прилагательных в германских языках (английское light и шведское ljus) [Текст] / М. Д. Казанская // Исследования по сравнительной лексикологии германских языков. – М., 1968. – № 327. – С. 36-44.

74. Капанадзе, Л. А. Номинация [Текст] / Л. А. Капанадзе // Русская разговорная речь. – М., 1973. – С. 403-463.

75. Карасик, В. И. Базовые характеристики лингвокультурных концептов [Текст] / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. – Волгоград, 2005. – Т. 1. – С. 13-15.

76. Карасик, В. И. Языковая кристаллизация смысла [Текст] / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2010. – 352 с.

77. Карасик, В. И. Языковой круг [Текст] : личность, концепты, дискурс: монография / В. И. Карасик. – 2-е изд. – М. : Гнозис, 2004. – 390 с.

78. Караулов, Ю. Н. «Четыре кита» современной лингвистики, или о предпосылках включения «языковой личности» в объект науки о языке [Текст] /

Ю. Н. Караулов // Соотношение частнонаучных методов и методологии в филологической науке : сб. науч. тр. – М., 1986. – С. 33-52.

79. Караулов, Ю. Н. Общая и русская идеография [Текст] / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1996. – 264 с.

80. Касевич, В. Б. Буддизм. [Текст] Картина мира. Язык / В. Б. Касевич. – СПб. : Изд. дом С.-Петербур. гос. ун-та, 2004. – 282 с.

81. Касевич, В. Б. О когнитивной лингвистике [Текст] / В. Б. Касевич // Общее языкознание и теория грамматики : материалы чтений, посвященные 90-летию со дня рождения С. Д. Кацнельсона. – СПб., 1998. – С. 14-21.

82. Касевич, В. Б. Типология языков и типология культур [Текст] / В. Б. Касевич // Типологические и сопоставительные методы в славянском языкознании : сб.ст. – М., 1993. – С. 26-37.

83. Касьянова, Л. Ю. Заимствование концептов как релевантный фактор обновления концептосферы языка [Текст] / Л. Ю. Касьянова // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. – 2008. – Вып. 6 (62). – С. 18-24.

84. Кибрик, А. Е. Лингвистическая реконструкция когнитивной структуры [Текст] / А. Е. Кибрик // Вопросы языкознания. – 2008. – № 4. – С. 51-76.

85. Климов, Г. А. Основы лингвистической компаративистики [Текст] / Г. А. Климов. – М. : Наука, 1990. – 168 с.

86. Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика [Текст] / И. М. Кобозева. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.

87. Кобякова, Т. И. Концепты духовности в русской языковой картине мира. [Текст] Лингвокультурологический словарь / Т. И. Кобякова / под ред. Л. Г. Саяховой. – Уфа : Изд-во Башк. гос. ун-та, 2004. – 158 с.

88. Колшанский, Г. В. Объективная картина мира в познании и языке [Текст] / Г. В. Колшанский. – М. : Наука, 1990. – 103 с.

89. Копчук, Л. Б. Статус обиходно-разговорного языка в системе немецких социолектов [Текст] / Л. Б. Копчук // Материалы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН Агнии Николаевны Десницкой. СПб., 16-17 апр. 2002 г. – СПб., 2002. – С. 102-108.

90. Корнилов, О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов [Текст] / О. А. Корнилов. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : ЧеРо, 2003. – 349 с.
91. Косериу, Э. Синхрония, Диахрония и история [Текст] : проблема языкового изменения : пер. с исп. / Э. Косериу. – 3-е изд. – М. : Едиториал УРСС, 2010. – 208 с.
92. Коч, Н. Исследование концептов как теоретическая и методологическая проблема [Текст] / Н. Коч // Наукові записки. Сер. Філологічні науки (мовознавство). – Кіровоград, 2010. – Вип. 89 (1). – С. 316-320.
93. Кравченко, А. В. Что изучает концептология? [Текст] / А. В. Кравченко // Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал : материалы 1-й междунар. конф. Барнаул, 5-7 окт. 2011 г. – Барнаул, 2011. – С. 248-251.
94. Кривоносов, А. Т. Философия языка [Текст] / А. Т. Кривоносов. – М., Нью-Йорк : Азбуковник, 2012. – 787 с.
95. Кривченко, Е. Л. К понятию «Семантическое поле» и методам изучения [Текст] / Е. Л. Кривченко // Филологические науки. – 1973. – № 1. – С. 99-103.
96. Крысин, Л. П. Языковое взаимодействие как проблемы диахронической социолингвистики [Текст] / Л. П. Крысин // Диахроническая социолингвистика / ред. В. К. Журавлев. – М., 1993. – С. 131-151.
97. Крысин, Л. П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни [Текст] / Л. П. Крысин // Русский язык конца XX столетия (1985-1995) / отв. ред. Е. А. Земская. – М., 1996. – С. 142-161.
98. Крысин, Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке [Текст] / Л. П. Крысин. – М. : Наука, 1968. – 208 с.
99. Крысин, Л. П. Лексическое заимствование и калькирование [Текст] / Л. П. Крысин // Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX-XXI веков. – М., 2008. – С. 167-174.
100. Крысин, Л. П. Лингвистический аспект изучения этностереотипов [Текст] / Л. П. Крысин // Встречи этнических культур в зеркале языка: в сопоставительном лингвокультурном аспекте. – М., 2002. – С. 171-175.

101. Кубрякова, Е. С. В поисках сущности языка [Текст] / Е. С. Кубрякова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2009. – № 1. – С. 5-12.
102. Кубрякова, Е. С. Начальные этапы становления когнитивизмы: лингвистика – психология – когнитивная наука [Текст] / Е. С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 34-47.
103. Кубрякова, Е. С. Предисловие [Текст] / Е. С. Кубрякова // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования : сб. науч. тр. – М.; Калуга, 2007. – С. 7–18.
104. Кубрякова, Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира [Текст] / Е. С. Кубрякова // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М., 1988. – С. 141-172
105. Кубрякова, Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века [Текст] : (опыт парадигмального анализа) / Е. С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века. – М., 1995. – С. 144-238.
106. Кубрякова, Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке [Текст] : части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М., 2004. – 560 с.
107. Кузлякин, С. В. Проблема создания концептуальной модели в лингвистических исследованиях [Текст] / С. В. Кузлякин // Русистика и современность. – СПб., 2005. – Т. 1: Лингвокультурология и межкультурная коммуникация. – С. 136-141.
108. Кузнецова, А. И. Понятие семантической системы языка и методы её исследования [Текст] / А. И. Кузнецова. – М. : Изд-во МГУ, 1963. – 341 с.
109. Лакофф, Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении [Текст] / Дж. Лакофф. – М. : Гнозис, 2011. – Кн. 1: Разум вне машины. – 512 с.
110. Лапшина, М. Н. Семантическая деривация в когнитивном аспекте: на материале английского языка [Текст] : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / Лапшина Марина Николаевна. – СПб, 1996. – 331 с.
111. Ларина, М. Б. К вопросу о способах структурирования знания в языке [Электронный ресурс] : концепт, значение, понятие, образ / М. Б. Ларина // Вестн.

Кузбас. гос. пед. акад. – 2010. – № 1 (2). – Режим доступа: <http://vestnik.kuzspa.ru/articles/3/> (дата обращения: 17.09.2011).

112. Леман, В. П. Новое в индоевропейских исследованиях [Текст] / В. П. Леман // Вопросы языкознания. – 1991. – № 4. – С. 5-30.

113. Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка [Текст] / Д. С. Лихачев // Русская словесность: антология. – М., 1997. – С. 280–287.

114. Логутенкова, Т. Г. Особенности формирования древних германских литературных языков [Текст] / Т. Г. Логутенкова // Языковая динамика : сб. науч. трудов. – Тверь, 1996. – С. 43-54.

115. Ломакина, О. О. Синонимия эксклюдов [Текст] / О. О. Ломакина // Романо-германские лингвистические исследования и методика преподавания иностранных языков : материалы Междунар. науч. конф. XX Дульзоновские чтения. – Томск, 1997. – Ч. 2. – С. 69-70.

116. Лотман, Ю. М. Проблема византийского влияния на русскую культуру в типологическом освещении [Текст] / Ю. М. Лотман // Византия и Русь / отв. ред. Г. К. Вагнер. – М., 1989. – С. 227-336.

117. Лотман, Ю. М. Проблема византийского влияния на русскую культуру в типологическом освещении [Текст] / Ю. М. Лотман // Избранные статьи : в 3 т. – Таллинн, 1992. – Т. 1. – С. 120-134.

118. Лурия, А. Р. Язык и сознание [Текст] / А. Р. Лурия / под ред. Е. Д. Хомской. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 320 с.

119. Макаев, Э. А. Общая теория сравнительного языкознания [Текст] / Э. А. Макаев. – М. : Наука, 1977. – 203 с.

120. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика [Текст] / В. А. Маслова. – Минск, 2008. – 272 с.

121. Маслова, В. А. Лингвокультурология [Текст] : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. – М. : Академия, 2001. – 208 с.

122. Матвеевко, В. А. Красота мира в древнерусских религиозных контекстах [Текст] / В. А. Матвеевко // Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М., 2004. – С. 64-78.

123. Матузова, В. И. Английские средневековые источники IX-XIII вв. [Текст] / В. И. Матузова. – М. : Наука, 1979. – 268 с.

124. Моисеева, А. П. Культура. Особенности научных подходов. [Электронный ресурс] Языки культуры / А. П. Моисеева // Кафедра культурологии и социальной коммуникации. Гуманитарный факультет. Томский политехнический университет. – Режим доступа: <http://ctl.tpu.ru/files/teoria1.htm> (дата обращения: 24.12.2012).

125. Молчалина, Г. Г. Лингвокультурные концепты и паремическое моделирование [Текст] / Г. Г. Молчалина, О. В. Тарбеева // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования : сб. науч. тр. – М.; Калуга, 2007. – С. 42–59.

126. Мыркин, В. Я. Чувственно-иконическое значение слова [Текст] / В. Я. Мыркин // Филологические науки. – 2005. – № 5. – С. 102-107.

127. Никитин, М. В. Курс лингвистической семантики [Текст]: учеб. пособие / М. В. Никитин. – 2-е изд., доп. и исп. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. – 819 с.

128. Никитин, М. В. Развернутые тезисы о концептах [Текст] / М. В. Никитин // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 53-64.

129. Новикова, Т. Б. Заимствование лингвокультурных концептов (на материале английского и русского языков) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Новикова Татьяна Борисовна. – Волгоград, 2005. – 21 с.

130. Паршин, П. Б. Теоретические перевороты и методологический мятеж в лингвистике XX века [Текст] / П. Б. Паршин // Вопросы языкознания. – 1996. – № 2. – С. 19-42.

131. Петрухина, Е. В. Концептуальный анализ языка и семантические доминанты языковой картины мира [Текст] / Е. В. Петрухина // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования : сб. науч. тр. – М.; Калуга, 2007. – С. 80-94.

132. Павиленис, Р. И. Проблема смысла. [Текст] Современный логико-философский анализ языка / Р. И. Павиленис. – М. : Мысль, 1983. – 286 с.

133. Пименова, М. В. Методология концептуальных исследований [Текст] / М. В. Пименова // Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. – Волгоград, 2005. – Т. 1. – С. 14-16.
134. Пименова, М. В. Предисловие [Текст] / М. В. Пименова // Введение в когнитивную лингвистику / под ред. М. В. Пименовой. – Кемерово, 2004. – Вып. 4. – 208 с.
135. Поздняков, К. И. Сравнительная грамматика атлантических языков. Именные классы и фонеморфология [Текст] / К. И. Поздняков. – М. : Наука, 1993. – 376 с.
136. Попова, З. Д. Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку [Текст] / З. Д. Попова, И. А. Стернин // Антология концептов. – Волгоград, 2005. – Т. 1. – С. 7-10.
137. Попова, З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике [Текст] / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2001. – 191 с.
138. Попова, З. Д. Проблема моделирования концептов в лингвокогнитивных исследованиях [Текст] / З. Д. Попова, И. А. Стернин // Мир человека и мир языка : коллективная монография / отв. ред. М. В. Пименова. – Кемерово, 2003. – С. 6-16.
139. Проблемы теории реконструкции [Текст] / В. А. Виноградов [и др.] // Материалы Всероссийской конференции «Теория лингвистической реконструкции». (Москва, 12-14 окт. 1987). – М., 1987. – С. 3-21.
140. Прохоров, Ю. Е. В поисках концепта [Текст] / Ю. Е. Прохоров. – М. : Флинта, 2008. – 170 с.
141. Рахилина, Е. В. Когнитивная семантика [Текст] : История. Персоналии. Идеи. Результаты / Е. В. Рахилина // Семиотика и информатика. – 1998. – Вып. 36. – С. 274-323.
142. Рахилина, Е. В. X Международная конференция по когнитивной лингвистике [Текст] / Е. В. Рахилина // Вопросы языкознания. – 2008. – № 2. – С. 154-157.
143. Ромашко, С. А. Реконструкция праязыковых процессов и диахроническая социолингвистика [Текст] / С. А. Ромашко // Диахроническая социолингвистика. – М., 1993. – С. 73-104.

144. Селиверстова, О. Н. Когнитивная семантика на фоне общего развития лингвистической науки [Текст] / О. Н. Селиверстова // Вопросы языкознания. – 2002. – № 6. – С. 12-25.
145. Семенюк, Н. С. К типологии форм существования немецкого языка [Текст] / Н. С. Семенюк // Проблемы общего и германского языкознания. – М., 1978. – С. 116-125.
146. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии [Текст] / Э. Сепер. – М. : Издательская группа «Прогресс – Универс», 1993. – 123 с.
147. Сергиевский, М. В. История французского языка [Текст] : учебник для ин-тов иностр. яз. и филол. фак. гос. ун-тов и пед. ин-тов / М. В. Сергиевский. – М. : Изд-во лит. на иностр. языках, 1947. – 280 с.
148. Сергиенко, Н. А. Сопоставительное исследование лексико-семантических групп прилагательных с идентификатором «чистый/грязный» и «clean/dirty» (по материалам лексикографии) [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Сергиенко Наталья Александровна. – Екатеринбург, 2006. – 189 с.
149. Серебренников, Б. А. Вероятные обоснования в компаративистике [Текст] / Б. А. Серебренников. – М. : Наука, 1974. – 352 с.
150. Серебренников, Б. А. Роль человеческого фактора в языке. [Текст] Язык и картина мира / Б. А. Серебренников. – М. : Наука, 1988. – 242 с.
151. Сеченов, И. М. Элементы мысли [Текст] / И. М. Сеченов. – СПб. [и др.] : Питер, 2001. – 402 с.
152. Степанов, Ю. С. «Понятие», «Концепт», «Антиконцепт». [Текст] Векторные явления в семантике / Ю. С. Степанов // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования : сб. науч. тр. – М. ; Калуга, 2007. – С. 19-26.
153. Степанов, Ю. С. Изменчивый «образ языка» в науке XX века [Текст] / Ю. С. Степанов // Язык и наука конца XX века : сб. ст. / под ред. Ю. С. Степанова. – М., 1995. – С. 7-34.
154. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. [Текст] Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М. : Языки рус. культуры, 1997. – 824 с.

155. Степанов, Ю. С. Семиотика [Текст] : антология / Ю. С. Степанов. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Академический Проспект; Екатеринбург : Деловая книга, 2001. – 702 с.

156. Стернин, И. А. Моделирование концепта в концептологии [Текст] / И. А. Стернин // Международный Конгресс по когнитивной лингвистике : сб. материалов. – Тамбов, 2006. – С. 77-79.

157. Сукаленко, Н. И. Отражение обыденного сознания в образной языковой картине мира [Текст] / Н. И. Сукаленко. – Киев : Наукова думка, 1992. – 164 с.

158. Сулименко, Н. Е. К изучению концепта в курсе лексикологии [Текст] / Н. Е. Сулименко // Мир человека и мир языка: коллективная монография / отв. ред. М. В. Пименова. – Кемерово, 2003. – С. 17-32.

159. Тарасов, Е. Ф. Диалог культур в зеркале языка [Текст] / Е. Ф. Тарасов // Встречи этнических культур в зеркале языка: (в сопоставительном лингвокультурном аспекте). – М., 2002. – С. 110-121.

160. Телия, В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира [Текст] / В. Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М., 1988. – С. 173-203.

161. Тищенко, И. Е. Концепт как диахронный феномен [Текст] : на материале исследования концепта «смелость» во французском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Тищенко Илья Евгеньевич. – Кемерово, 2008. – 195 с.

162. Тодд, М. Варвары. [Текст] Древние германцы. Быт, религия, культура / М. Тодд; пер. с англ. Н. Ю. Чехонадской. – М. : Центрполиграф, 2005. – 221 с.

163. Толстая, С. М. Категория признака в символическом языке культуры (вместо предисловия) [Текст] / С. М. Толстая // Признаковое пространство культуры. – М, 2002. – С. 7-20.

164. Толстая, С. М. Мотивационные семантические модели и картина мира [Текст] / С. М. Толстая // Русский язык в научном освещении. – 2002. – № 1 (3). – С. 112-127.

165. Топоров, В. Н. О некоторых теоретических основаниях этимологического анализа [Текст] / В. Н. Топоров // Вопросы языкознания. – 1960. – № 3. – С. 44-59.

166. Трубацев, О. Н. Праславянское лексическое наследие и древнерусская лексика дописьменного периода [Текст] / О. Н. Трубацев // Труды по этимологии: Слово. История. Культура. – М., 2004. – Т. 1. – С. 539-560.

167. Трубацев, О. Н. Реконструкция слов и их значений [Текст] / О. Н. Трубацев // Вопросы языкознания. – 1980. – № 3. – С. 3-14.

168. Трубацев, О. Н. Синхрония, диахрония – und kein Ende... [Текст] / О. Н. Трубацев // Труды по этимологии: Слово. История. Культура. – М., 2004. – Т. 1. – С. 511-521.

169. Трубацев, О. Н. Этимологические исследования [Текст] / О. Н. Трубацев // Труды по этимологии: Слово. История. Культура. – М., 2004. – Т. 1. – С. 36-53.

170. Трубацев, О. Н. Этногенез славян и индоевропейская проблема [Текст] / О. Н. Трубацев // Этимология. 1988–1990. – М., 1992. – С. 12-28.

171. Уорф, Б. Л. Наука и языкознание [Текст] / Б. Л. Уорф // Новое в лингвистике. – 1960. – Вып. 1. – С. 169-182.

172. Уфимцева, А. А. Опыт изучения лексики как системы (на материале английского языка) [Текст] / А. А. Уфимцева. – М. : Изд-во АН СССР, 1962. – 286 с.

173. Уфимцева, А. А. Слово в лексико-семантической системе языка [Текст] / А. А. Уфимцева. – М. : Наука, 1968. – 271 с.

174. Фрумкина, Р. М. Есть ли у современной лингвистики своя этимология? [Текст] / Р. М. Фрумкина // Язык и наука конца XX века. – М., 1995. – С. 74-117.

175. Фрумкина, Р. М. Категоризация и концептуальные классы [Текст] / Р. М. Фрумкина // Семантика и категоризация. – М., 1991. – С. 45-60.

176. Хомутова Т. Н. Научные парадигмы в лингвистике [Текст] / Т. Н. Хомутова // Вестн. Челябин. гос. ун-та. Сер. Филология. Искусствоведение. – 2009. – № 35 (173). – С. 142-151.

177. Ченки, А. Современные когнитивные подходы к семантике: сходства и различия в теориях и целях [Текст] / А. Ченки // Вопросы языкознания. – 1996. – № 2. – С. 68-78.

178. Чернейко, Л. О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени [Текст] / Л. О. Чернейко. – М. : Изд-во МГУ, 1997. – 320 с.

179. Шайкевич, А. Я. Русская языковая картина мира в ряду других картинок [Текст] / А. Я. Шайкевич // Московский лингвистический журнал. – 2005. – Т. 8, № 2. – С. 5-21.
180. Щерба, Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике [Текст] / Л. В. Щерба. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1958. – 180 с.
181. Щур, Г. С. Теория поля в лингвистике [Текст] / Г. С. Щур. – М. : Наука, 1974. – 253 с.
182. Эко, У. Искусство и красота в средневековой эстетике [Текст] : пер. с итал. / У. Эко. – СПб. : Алетейя, 2003. – 256 с.
183. Яковлева, Е. С. О концепте чистоты в современном русском языковом сознании и в исторической перспективе [Текст] / Е. С. Яковлева // Логический анализ языка: Языки этики. – М., 2000. – С. 200-216.
184. Яковлева, Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира [Текст] / Е. С. Яковлева // Вопросы языкознания. – 1994. – № 5. – С. 73-89.
185. Ярцева, В. П. Диахроническое изучение системы языка [Текст] / В. П. Ярцева // О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языка. – М., 1960. – С. 39-49.
186. Aitchison, J. Review: Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things [Text] / J. Aitchison // International Journal of Lexicography. – 1990. – Vol. 3, № 4. – P. 149-154.
187. Bogusławski, A. Small is beautiful [Text] : A note on verbs of small events / A. Bogusławski // Типологические обоснования в грамматике: к 70-летию проф. В. С. Храковского. – М., 2004. – 61-75 с.
188. Gaupp, O. Zur Geschichte des Wortes «Rein» [Text] : Diss. / Gaupp Otto. – Tübingen: H. Laupp, 1920. – 71 S.
189. Haarmann, H. Weltgeschichte der Sprachen [Text] : von der Fruehzeit des Menschen bis zur Gegenwart / H. Haarmann. – München : C. H. Beck, 2006. – 397 S.
190. Kirkeby, O. F. Cognitive science [Text] / O. F. Kirkeby // The encyclopedia of language and linguistics. – Oxford [et al.] : Pergamon Press, 1994. – Vol. 2. – P. 593-600.
191. König, W. Dtv-Atlas: Deutsche Sprache [Text] / W. König. – München : Deutscher Taschenbuch Verlag GmbH & Co. KG, 2011. – 256 S.

192. Lakoff, G. *Women, Fire and Dangerous Things*. [Text] What categories reveal about the mind / G. Lakoff. – Chicago : The University of Chicago Press, 1987. – 614 p.

193. Lieb, H.-H. *Sprache und Intentionalität* [Text] : der Zusammenbruch des Kognitivismus / H.-H. Lieb // *Sprachtheorie: Der Sprachbegriff in Wissenschaft und Alltag*. – Düsseldorf: Schwann, 1987. – S. 11-76.

194. Meillet, A. *Linguistique historique et linguistique générale* [Texte] / A. Meillet. – Paris, 1926. – 355 p.

195. *Roman World at the time of Constantinus the Great* [Electronic resource] // Wikimedia commons. – [Electronic data]. – [S. l., s. a.]. – URL : https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Costantino_nord-limes_png.PNG (access date: 03.06.2014).

196. Rosch, E. *Cognitive Representations of Semantic Categories* [Text] / E. Rosch // *Journal of Experimental Psychology*. – 1975. – General 104. – P. 192-233.

197. Rosch, E. H. *Natural categories* [Text] / E. H. Rosch // *Cong. Psych.* – 1973. – Vol. 4, № 3. – P. 47–48.

198. Schmidt, W. *Geschichte der deutschen Sprache : Ein Lehrbuch für das germanische Studium* [Text] / W. Schmidt. – 10. Auflage. – Stuttgart : S. Hirzel Verlag, 2007. – 489 S.

199. Searle, J. R. *The rediscovery of the mind* [Text] / J. R. Searle. – Cambridge (Mass) : MIT Press, 1992. – 286 p.

200. *Un/Reinheit: Konzepte und Praktiken im Kulturvergleich* [Text] / Hrsg. von A. Malinar, M. Vöhler, B. Seidensticker. – München : Wilhelm Fink Verlag, 2009. – 356 S.

201. Von Eckardt, B. *What is cognitive science* [Text] / B. Von Eckardt – Cambridge, MA : MIT Press (Mass.), 1993. – 469 p.

202. Wittgenstein, L. J. J. *Philosophical investigations* [Text] / L. J. J. Wittgenstein / Translated by G. E. M. Anscombe. – Oxford : Blackwell, 1972. – 250 p.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Языки и диалекты

англ.	английский
герм.	германский
гот.	готский
греч.	греческий
др.-англ.	древнеанглийский
др.-в.-нем.	древневерхненемецкий
(др.)-греч.	(древне)греческий
др.-инд.	древнеиндийский
др.-ирл.	древнеирландский
др.-исл.	древнеисландский
др.-сакс.	древнесаксонский
и.-е.	индоевропейский
ирл.	ирландский
исл.	исландский
лат.	латинский
лит.	литовский
нем.	немецкий
ср.-н.-нем.	средненижненемецкий
нидерл.	нидерландский
норв.	норвежский
рус.	русский
ср.-в.-нем.	средневерхненемецкий
швед.	шведский

Приложение А

Семантическая структура слова *rein* по словарю Гетца

Гетц в своем словаре выделяет семь ЛСВ слова *rein* [Götz, 1998]:

- 1) 'nicht mit anderen Stoffen gemischt, pur – **не смешанный с другими веществами**': *Gold, Silber, Alkohol, Baumwolle; chemisch rein; das Kleid ist aus reiner Seide;*
- 2) 'nicht mit anderen Tönen oder Farben gemischt – **не смешанный с другими тонами или красками**': *ein Blau, ein Ton, rein weiß;*
- 3) 'sehr klar – **очень ясный**': *ein Klang, eine Stimme; etwas klingt rein, jemand singt rein;*
- 4) 'ohne Akzent, akzentfrei – **без акцента**': *eine Aussprache; ein reines Französisch sprechen;*
- 5) 'ganz sauber – **совершенно чистый**': *ein Hemd, Wäsche, Luft, Wasser;*
- 6) 'ohne schlechte Gedanken, unschuldig (besonders sexueller Art) – **без плохих мыслей, невинный, неиспорченный**': *Gedanken, eine Liebe, ein reines Herz haben;*
- 7) nur attributiv verwendet oder adverbial, gespr. 'nicht anders als, pur – **ничто иное как, чистый**': *Es war der reine Zufall, dass wir uns heute getroffen haben; Dieserr Antrag ist eine reine Formalität.*

Приложение Б

Лексические единицы, представляющие периферию ЛСП «чистота» в современный немецкий период

Adrett

Прилагательное *adrett* употребляется относительно приятного внешнего вида в значении ‘чистый и опрятный на внешность’ (чаще об одежде). Слово стало известно в немецком языке в XVII веке (1664 *addroichten Kleidung* – удобная, практичная одежда). В немецкий язык оно проникло из старофранцузского, где имелось слово *adroit* ‘искусный, ловкий’; ранее имело значение ‘красиво сделанный’. В немецком языке до XVIII века использовалось во французском написании *adroit*, затем *adrett* (по сходности французского произношения того времени) [EWD, Bd. I, S. 14]. Во французский язык данное слово было заимствованно из народной латыни **addirēctus* ‘упорядоченный’, лат. *dīrgere* (*dīrēctum*) ‘выпрямлять, направлять’ [EWD, Bd. I, S.14; Paul, S. 18]. В современном немецком языке слово употребляется в значении ‘милый, ухоженный, элегантный’ (*adrett gekleidet* – элегантно одетый), семантическая структура, сложившаяся еще в XVII веке, сохранилась [Paul, S. 18].

Echt

Современное немецкое *echt* известно в значениях ‘неподдельный, чистокровный, беспримесный, настоящий; типичный’ (прямое и переносное): *der Ringstech* (*rein*) *golgen* – кольцо из чистого золота; *ein echtes* (*reinrassiges*) *Pudel* – чистокровный пудель, *eine echte Freundschaft* – настоящая дружба, *ein echter Notstand* – по-настоящему бедственное положение, *ein echtes Problem* – настоящая проблема, *ihr Schmerz war echt* – ее боль была неподдельной [Duden. Deutsches Universalwörterbuch, S. 385-386]. Первые упоминания слова *echt* относятся к XIII веку (Саксонское зеркало), где слово используется в юридической сфере в форме *ē(h)acht/echt* ‘законный, справедливый’ и этимологически у него первичное значение ‘неподдельный, настоящий, законный’ [EWD, Bd. I, S. 259] [Paul, S. 191-192]. В современном немецком оно становится общеупотребительным в значении ‘неподдельный, чистый’.

Fleckenlos

Fleckenlos (ср.: *fleckenfrei*) является синонимом к *rein* и *sauber*, иногда употребляется вместе с *sauber* для того, чтобы уточнить, что предмет чистый, а именно, не имеет пятен. *Fleckenlos* употребляется по отношению к конкретным предметам в значении ‘без [разных] пятен, чистый’ (*die Hose ist wieder fleckenlos sauber* – штаны снова чистые, без пятен), есть и переносное значение (относительно поведения и образа жизни) – ‘безупречный, безукоризненный’. Слово состоит из двух частей: *Fleck* ‘пятно’ и *los* ‘без’. Таким образом, развитие значения шло от ‘без пятен’ к ‘чистый’, а затем ‘безупречный’ [Duden. Deutsches Universalwörterbuch, S. 516].

Hygienisch

В современном немецком языке семантическая структура слова *hygienisch* представлена двумя ЛСВ: первый ЛСВ ‘соответствующий гигиене’ (например, *eine hygienische Maßnahme, Unterweisung* – гигиенические меры, указание); второе значение – ‘безупречный относительно чистоты, соответствующий предписаниям о чистоте’ (*eine hygienische Verpackung* – чистая, стерильная упаковка; *hygienisch verpackte Speisen* – стерильно запакованная еда).

Слово *hygienisch* появилось в немецком языке в XVIII веке, образовано от существительного *Hygiene* ‘гигиена, забота о здоровье; гигиена (наука)’, заимствованное в XVI веке из медицинской лексики старо-французского *hygiène*, которое, в свою очередь, заимствованно из греч. *υγιεία* ‘здоровый образ жизни; здоровье’ [EWD, Bd. I, S. 567].

Naturrein

Слово *naturrein* в современном немецком языке используется только относительно продуктов питания и имеет значение ‘имеющий неизменное природное состояние; без чужеродной примеси’. Состоит из двух частей: *Natur* ‘природа’ и *rein* ‘чистый’, т. е. дословно ‘чистый от природы’ [Duden. Deutsches Universalwörterbuch, S. 1065].

Natürlich

Современное немецкое *natürlich* имеет богатую семантическую структуру [Duden. Deutsches Universalwörterbuch, S. 1065]:

1. а) «zur Natur gehörend; in der Natur vorkommend, nicht künstlich vom Menschen nachgebildet, hergestellt – относящийся к природе, происходящий в природе, не искусственно порожденный человеком» (о конкретных и абстрактных предметах);

б) «sich aus der Natur gesetzlichkeit ergebend – проистекающий на основе законов природы» (о конкретных и абстрактных предметах, о человеке);

в) «der Wirklichkeit entsprechend – соответствующий действительности» (о конкретных предметах);

Из вышеперечисленных значений можно сделать следующий вывод: нечто, созданное природой и неизменное впоследствии человеком, т. е. не подверженное инородному влиянию, а, следовательно, чистое.

2. «angeboren – врожденный» (например, о цвете волос);

3. «in der Natur des Menschen begründet – заложенный в природе человека» (например, о потребностях);

4. «in der Natur von etw. begründet; folgerichtig – заложенный в природе чего-либо, логичный»;

5. «unverbildet, ungezwungen, nicht gekünstelt – неиспорченный, естественный, простой, не искусственный» (например, о поведении, нраве). Если речь идет о неиспорченном поведении, то подразумевается такой вид поведения, когда на него нет влияния со стороны, оно «свободно от вредного влияния», а, следовательно, «чистое». Влияние и искусственность как его результат являются своего рода примесью.

Regelrecht

Первое значение слова regelrecht – «einer Regel, Ordnung, Vorschrift entsprechend; ordnungsgemäß, vorschriftsmäßig; wie es sich gehört – соответствующий правилу, порядку, предписанию; надлежащий, предписанный, например, о процедуре, акте, процессе». Второе значение слова используется в разговорной речи как усиление: «richtiggehend, richtig – точный, настоящий, правильный» [Duden. Deutsches Universalwörterbuch, S. 1229].

Richtig

Семантическая структура слова **richtig** представлена тремя значениями [Duden. Deutsches Universalwörterbuch, S. 1254]:

1. а) 'als Entscheidung, Verhalten o. d. tatsächlichen Sachverhalt, der realen Gegebenheit entsprechend – соответствующий действительным обстоятельствам, реальной данности как явление, образ действия и т. п.' об абстрактных и конкретных вещах;

б) 'keinen [logischen] Fehler, keine Unstimmigkeiten enthaltend – не содержащий логических ошибок и противоречий', например, о решении, о поступках;

2. а) 'für jmdn., etw. am besten geeignet – в высшей степени подходящий, удобный для кого-либо', например, о месте, о человеке;

б) 'den Erwartungen, die man an die betreffende Person od. Sache stellt, entsprechend; wie es sich gehört; ordentlich – соответствующий ожиданиям относительно каких-либо персон или вещей, порядочный (о конкретных и абстрактных вещах)';

3. а) 'in der wahren Bedeutung des betreffenden Wortes; nicht scheinbar, sondern echt; wirklich, tatsächlich – в истинном значении слова, не кажущийся, а настоящий, действительный';

б) (oft ugs.) 'regelrecht, richtiggehend' – разг. 'настоящий, подлинный' (как усиление существительного).

Первое и третье значения richtig характеризуют предмет как настоящий, неподдельный, несут признак усиления.

Vollkommen

Vollkommen в своей семантической структуре содержит два значения [Duden. Deutsches Universalwörterbuch, S. 1686]: 'ohne Fehler, unübertrefflich – без ошибок, непревзойденный' (о конкретных и абстрактных предметах) и 'vollständig, völlig, gänzlich – полный, окончательный, совершенный' (об абстрактных предметах).

Vollständig

Первое значение слова vollständig – 'alles Dazugehörende umfassend, alle Teile aufweisend – охватывающий все, имеющий все части' (о конкретных и абстрактных предметах). Второе значение количественное – 'völlig, gänzlich – полный, совершенный' [Duden. Deutsches Universalwörterbuch, S. 1686].

Wirklich

Семантическая структура **wirklich** выглядит следующим образом [Duden. Deutsches Universalwörterbuch, S. 1746]:

1. 'in der Wirklichkeit vorhanden; der Wirklichkeit entsprechend – имеющийся в действительности' (о конкретных и абстрактных предметах);
2. 'den Vorstellungen, die mit etwas verbunden werden, genau entsprechend; im eigentlichen Sinne – четко соответствующий представлениям, связанными с чем-то; в прямом смысле' (об абстрактных предметах).

Absolut

Слово **absolut** многозначное. Проведем последовательный анализ семантической структуры **absolut** [Duden. Deutsches Universalwörterbuch, S. 70]:

1. 'allein herrschend, souverän; unumschränkt – господствующий один, суверенный, неограниченный', например, о властителе, монархии;
2. 'unbedingt, uneingeschränkt, unangefochten, völlig – безусловный, неограниченный, бесспорный, полный', например, о свободе;
3. 'vollkommen, in höchster Weise ideal, ungetrübt, ungestört – совершенный, в высшей степени идеальный, неомраченный, спокойный';
4. 'nicht mehr steigerbar, überbietbar – неспособный более подниматься, превосходный, перевыполненный', например, о границе, рекорде, температуре;
5. 'völlig, gänzlich, vollständig – полный, целый, окончательный', например, об отдыхе;
6. (meist Philos.) 'rein, beziehungslos, für sich betrachtet' – филос.: 'чистый, не соотносящийся [не связанный] ни с чем, отдельно взятый', например, о мыслях, бытии, искусстве, музыке;
7. 'unabhängig; ohne Hilfsmittel, Bindungen, Beeinflussungen [auskommend] – независимый, обходящийся без вспомогательных средств, влияния', например, абсолютная величина;
8. (Naturw.) 'chemisch [fast] rein – естественные науки: химически [почти] чистый', например, алкоголь, эфир. Значение несет семантику несмешанности с чем-либо, с каким-либо веществом;
9. <intensivierend bei Adj. und Verben> 'überhaupt, ganz und gar' – усиление при прилагательных и глаголах: 'вообще, совсем, всецело'.

Komplett

Первое значение слова **komplett** подразделяется на три составляющих [Duden. Deutsches Universalwörterbuch, S. 876]:

- а) 'vollständig – полный, совершенный', например, об устройствах, организациях, обеспечении;
- б) 'als Ganzes [vorhanden] – (имеющийся) в полном наличии', например, о собраниях, коллекциях;
- в) (ugs., oft emotional übertreibend oder scherzh.) 'absolut, völlig' – (разг., чаще эмоционально преувеличенный или шуточный) 'абсолютный, полный'.

Второе значение слова употребляется в австрийских диалектах и означает 'полностью занятый; набитый битком (voll besetzt)', например, о троллейбусе.

Völlig

Völlig имеет только одно значение ('ohne Einschränkung vorhanden; ganz – не имеющий ограничений, целый') [Duden. Deutsches Universalwörterbuch, S. 1686], которое ни с одним из значений **rein** не совпадает. Для того чтобы выявить какому значению **rein** синонимично слово **völlig**, мы обратимся к результатам опросника, заполненного носителями языка. Было выявлено, что **rein** и **völlig** могут встречаться в одних и тех же контекстах, взаимозаменяясь. Например, выражения *die reine Wahrheit sagen* и *die völlige Wahrheit sagen* являются равнозначными.

Durchscheinend и durchsichtig

Durchscheinend ('so beschaffen, dass Licht durch das Betreffende durchscheinen kann; lichtdurchlässig – способный пропускать свет, светопроницаемый', например, о шторах, фарфоре) и **durchsichtig** ('so beschaffen, dass man hindurchsehen kann; transparent; leicht durchschaubar – такой, сквозь который легко можно смотреть; прозрачный') синонимичны [Duden. Deutsches Universalwörterbuch, S. 379-380].

Gläsern

Gläsern в прямом смысле означает 'сделанный из стекла (aus Glas bestehend, hergestellt)' [Duden. Deutsches Universalwörterbuch, S. 613], а в переносном может переводиться как

‘хрупкий; чистый, прозрачный; неподвижный, застывший’ [Большой немецко-русский словарь, т. I, с. 558].

Transparent

Transparent имеет одно значение – ‘durchsichtig, durchscheinend, Licht durchlassend’ (‘прозрачный, просвечивающий, пропускающий свет’, например, о бумаге). Предмет может пропускать свет, если на нем нет загрязнений, препятствующих проникновению света.

Unbeschmutzt

Unbeschmutzt – причастие прошедшего времени от глагола beschmutzen (‘засорять, загрязнять, пачкать; осквернять’) [Большой немецко-русский словарь, т. II, с. 242] с приставной *un-*. Данное причастие можно перевести как ‘незагрязненный, незапачканный, незасоренный’, т. е. ‘без грязи и пятен’.

Unverfälscht

Unverfälscht – причастие прошедшего времени от глагола verfälschen (подделывать, фальсифицировать) [Большой немецко-русский словарь, т. II, с. 509] с отрицательной приставкой *un-*. Слово используется в двух значениях: ‘неподдельный (о чувстве); непритворный, искренний’ и ‘натуральный, чистый, нефальсифицированный’ [Duden. Deutsches Universalwörterbuch, S. 492].

Schmutzfrei

Schmutzfrei переводится как ‘очищенный от загрязнений’ [Duden online], дословно ‘свободный от грязи’.

Makellos

Makellos имеет одно значение – ‘ohne Makel, ohne einen beeinträchtigen den Fehler oder Mangeln – без упрека, без ошибок или недостатков, приносящих вред’, например, о фигуре, коже, поверхности, перен. о репутации [Duden. Deutsches Universalwörterbuch, S. 981]. Т. е. ‘без упрека и ошибок’, а, следовательно, ‘без пятен и грязи, чистый’.

Unvermischt

Unvermischt – причастие прошедшего времени от глагола vermischen ‘смешивать’ с отрицательной приставкой *un-* [Duden. Deutsches Universalwörterbuch, S. 1620]. Данная единица переводится как ‘несмешанный, чистый’, например, о красках, дружбе [Большой немецко-русский словарь, т. II, с. 492].

Unversetzt

Причастие прошедшего времени *unversetzt* образовано от глагола *versetzen* ‘перемещать, переводить, замещать, преграждать, отдавать в долг’. *Versetzt* можно перевести как ‘неперемещенный, незамещенный’ (например, *unversetzte Milch, Anordnung, Echtzeit* – молоко, расстановка, реальное время) [Большой немецко-русский словарь, т. II, с. 530].

Ungetrübt

Причастие прошедшего времени *ungetrübt* происходит от глагола *trüben* ‘мутить, затуманивать, омрачать, матировать’ и приставки с отрицательным значением *un-* [Большой немецко-русский словарь, т. II, с. 450]. Причастие *getrübt* переводится как ‘мутный, не отстоявшийся’. *Ungetrübt* имеет значение ‘durch nichts beeinträchtigt – ничем не нарушенный’, например, о счастье, каникулах, радости [Duden. Deutsches Universalwörterbuch, S. 1604].

Unberührt

Unberührt – причастие прошедшего времени от глагола *berühren* ‘касаться, трогать, беспокоить’ [Большой немецко-русский словарь, т. I, с. 239]. Unberührt имеет значение – ‘nicht berührt [unbenutzt, beschädigt o. ä.]; das Landschaft im Naturzustand belassen; jungfräulich – не тронутый [использованный, поврежденный]; оставленный в своем естественном состоянии (о ландшафте), девственный (о конкретных предметах)’ [Duden. Deutsches Universalwörterbuch, S. 1597].

Schuldlos

Schuldlos имеет значение – ‘nicht schuldig, ohne eigenes Verschulden (не виновный, без личной вины о человеке)’ [Duden. Deutsches Universalwörterbuch, S. 1357]. Слово образовано от существительного *Schuld* ‘вина’ при помощи суффикса с отрицательным значением *-los-*. Вину можно рассматривать как «загрязнение» репутации. Таким образом, человека невинного можно считать чистым в моральном плане.

Unschuldig

Unschuldig образовано от прилагательного *schuldig* ‘виновный, должный, надлежащий, обязанный’ и приставки с отрицательным значением *un-*. В свою очередь *schuldig* происходит от глагола *schulden* ‘быть должным’ [Большой немецко-русский словарь, т. II, с. 324]. В отличие от

schuldlos, unschuldig в своей семантической структуре имеет четыре значения [Duden. Deutsches Universalwörterbuch, S. 1610]:

1. 'nicht schuldig, (an etw.) nicht schuldseind – невиноватый, быть в чем-либо невиновным' (например, в несчастном случае);

2. а) 'sittlichrein, gut, keiner bösen Tat, keines bösen Gedankens fähig, unverdorben – нравственно чистый, хороший, без плохих поступков, не способный на плохие мысли, неиспорченный'. Например, человек без плохих помыслов, не делающий плохих поступков считается чистым. 'Чистый' в данном случае выступает как общеоценочное значение – 'хороший'. Человек нравственно чистый не замазан грехом;

б) 'ein unschuldiges Wesen erkennen lassend – позволяющий распознать невиновное поведение' (например, о лице);

3. 'nichts Schlechtes, Böses, Verwerfliches darstellend; harmlos – не представляющий ничего плохого, злого, дурного; безвредный' (например, о развлечении);

4. 'unberührt, jungfräulich – нетронутый, девственный'.

Unverdorben

Unverdorben– причастие прошедшего времени, образуется от глагола verderben 'портить[ся], [по]губить, гнить, скисать, приходить в упадок' [Большой немецко-русский словарь, т. II, с. 505] с прибавлением приставки с отрицательным значением un- и переводится как 'неиспорченный; непорочный, невинный' [Большой немецко-русский словарь, т. II, с. 492]. Нечто неиспорченное не имеет следов порчи, грязи, примеси. Например, неиспорченная еда не имеет плесени, а, следовательно, чистая.

Blitzsauber

Blitzsauber имеет разговорное (эмоционально-усилительное) значение – 'vor Sauberkeit glänzend – блистающий чистотой'. Данное значение выражает высокую степень чистоты. Второе значение распространено в южно-германских диалектах особенно по отношению к женщине: 'äußerlich und charakterlich alle gewünschten Qualitäten aufweisend; prächtig – соответствующий всем желаемым качествам, как во внешнем плане, так и по характеру; великолепный' [Duden. Deutsches Universalwörterbuch, S. 269].

Gesäubert

Gesäubert – причастие прошедшего времени, образованное от глагола säubern 'чистить, мыть, убирать, очищать, освобождать' [Большой немецко-русский словарь, т. II, с. 286].

Gepflegt

Один из оттенков значения **gepflegt** ('einem gewissen Anspruch auf Niveau und Kultiviertheit genügend: eine sehr gepflegte Ausdrucksweise – соответствующий определенному требованию уровня (стандарта) и культурности', например, очень культурная манера выражения) – характеризует человека и его поступки как 'приемлемые, допустимые' [Duden. Deutsches Universalwörterbuch, S. 565].

Ordentlich

Слово ordentlich имеет следующий ряд значений [Duden. Deutsches Universalwörterbuch, S. 1104]:

1. а) 'auf Ordnung haltend; ordnungsliebend – соблюдающий порядок, любящий порядок' (о человеке);

б) 'geordnet, in eine bestimmte Ordnung gebracht, wie es sich gehört – упорядоченный, приведенный в определенный порядок' (например, о комнате);

2. 'den geltenden bürgerlichen Vorstellungen entsprechend; anständig, rechtschaffen – соответствующий действующим гражданским представлениям; подобающий, приличный, честный' (например, о жизни);

3. 'nach einer bestimmten Ordnung eingesetzt, erfolgend o. ä.; planmäßig – действующий по определенным правилам, планомерный' (например, о трудовом договоре, о суде);

4. а) 'richtig; wie man sich etw. wünscht oder vorstellt – правильный; такой, каким себе это представляют или желают';

б) 'gehörig, in ausreichendem, vollem Maße – приличный, порядочный (о количестве), в достаточной, полной мере';

в) '[ganz]gut – [совершенно] хороший' (об конкретных предметах).

Schmuck

Schmuck слово однозначное: 'veraltend: in der Aufmachung, der äußeren Erscheinung sehr ansprechend, von angenehmem, nettem Aussehen, hübsch – устаревшее: во всем параде, очень

приятный на внешний вид, милый' (например, о девушке, паре, одежде, доме) [Duden. Deutsches Universalwörterbuch, S. 1338].

Schön

Слово schön многозначно [Duden. Deutsches Universalwörterbuch, S. 1248]:

1. 'sobeschaffen, dass es in seiner Art besonders reizvoll, ansprechend ist, sehr angenehm oder wohltuend auf das Auge oder Ohr wirkt – прелестный, приятный в своем виде, очень приятно и благотворно влияющий на глаза или уши' (например, о цвете, взгляде, голосе, женщине, цветах);
2. (in Verbindung mit «so») verblasst als Ausdruck kritischer oder ironischer Distanz – (в сочетании с «так») употребляется как выражение критической или иронической дистанции;
3. (ugs.) 'im Hinblick auf Anzahl, Menge, Ausmaß beträchtlich' – 'значительный по отношению к количеству, массе, размерам' (например, о сумме, о возрасте, успехе).

Akkurat

Akkurat имеет значение 'sorgfältig, ordentlich (тщательный, упорядоченный)' – употребляется относительно действий [Duden. Deutsches Universalwörterbuch, S. 86].

Genau

Genau имеет одно значение – 'mit einem Muster, Vorbild, einer Vergleichsgröße [bis in die Einzelheiten] übereinstimmend; einwandfrei stimmend, exakt; gründlich, gewissenhaft, ins einzelne gehend; sorgfältig; sparsam, geizig, knapp (соответствующий примеру, образцу, эталонной величине; безупречно совпадающий, точный; основательный, добросовестный, вдающийся в подробности, тщательный, экономный, скупой, скудный)' [Duden. Deutsches Universalwörterbuch, S. 589].

Gewissenhaft

Gewissenhaft означает 'mit großer Genauigkeit und Sorgfalt vorgehend (происходящий с большой тщательностью и добросовестностью)' [Duden. Deutsches Universalwörterbuch, S. 608].

Penibel

Семантика слова penibel разделяется на два значения. Первое значение – 'трудный, кропотливый, например, о работе', второе – 'педантичный, точный, аккуратный о человеке' [Большой немецко-русский словарь, т. II, с. 186].

Sorgfältig

Sorgfältig несет значение 'voller Sorgfalt, von Sorgfalt zeugend – полный заботы, очень тщательный, свидетельствующий о добросовестности' (о работе) [Duden. Deutsches Universalwörterbuch, S. 1420].

Aufgeräumt

Aufgeräumt – причастие прошедшего времени от глагола aufräumen 'убирать, расчищать, наводить уборку' [Большой немецко-русский словарь, т. I, с. 144, 150]. Соответственно данное слово имеет значение 'прибранный, расчищенный'. Убранный предмет не содержит грязи и пятен).

Einwandfrei

Первое значение слова einwandfrei – 'keinen Anlaß zu Beanstandungen gebend; in tadellosem Zustand; ohne Fehler oder Mängel (не дающий повода к претензиям, в безупречном состоянии, без ошибок и изъянов, например, о работе, о репутации)' [Duden. Deutsches Universalwörterbuch, S. 415], т. е. характеризуется выполненная работа (а так же конкретный или абстрактный предмет) как безупречная.

Tadellos

Tadellos имеет значение 'emotional: in bewundernswerter Weisegut, einwandfrei – эмоционально: на удивление хороший, безупречный' (о конкретных и абстрактных предметах) [Duden. Deutsches Universalwörterbuch, S. 1508].

Wohngeordnet

Слово wohngeordnet состоит из корня -wohn- (означающего процесс обитания и проживания) и причастия прошедшего времени geordnet 'упорядоченный' [Большой немецко-русский словарь, т. II, с. 538]. Данная языковая единица употребляется относительно места проживания и характеризует его как 'хорошее, прибранное, чистое, комфортное'

In Ordnung

Выражение in Ordnung является разговорным и переводится как 'в порядке' [Большой немецко-русский словарь, т. II, с. 144, 172]. Это выражение применимо не только к ситуации или конкретным вещам, но и употребляется по отношению к человеку, характеризуя его как порядочного: der ist in Ordnung! – этот не подведет!, на него можно положиться! Таким образом, мы видим, что данное словосочетание несет в себе общеоценочное значение.

Anständig

Anständig известно в значениях ‘sittlich einwandfrei, den geltenden Moralbegriffen entsprechend, gut, korrekt – нравственно безупречный, соответствующий общепринятым нормам морали’ (например, о поведении) и в разговорном ‘anständig «beträchtlich, ziemlich (значительный, достаточный)’.

Aufrecht

Прилагательное aufrecht имеет три значения [Большой немецко-русский словарь, т. I, с. 151]:

1. ‘прямой, вертикальный’ (например, о походке, осанке);
2. ‘прямой, честный; смелый, отважный’ (о характере, человеке);
3. (юриспруденция) ‘сохраняющий (законную) силу, действительный’.

Ehrenhaft

Ehrenhaft ‘den Vorstellungen, Geboten von Ehre und Anständigkeit entsprechend (соответствующий представлениям и требованиям о чести и порядочности)’ о человеке, поступках, намерениях характеризует человека как нравственного, честного [Duden. Deutsches Universalwörterbuch, S. 390].

Ehrlich

Ehrlich в своем втором устаревшем значении ‘anständig, ohne Schande (порядочный, без позора)’, например, о человеке, имени понимается как ‘имеющий незапятнанную репутацию, верный кодексу чести’ [Duden. Deutsches Universalwörterbuch, S. 390]. Если говорить о человеке или об имени, то имеется в виду наследственная нравственная чистота.

Fair

Fair употребляется по отношению к оценке поведения человека – ‘den Regeln des Zusammenlebens entsprechend; anständig, gerecht in seinem Verhalten gegenüber anderen – соответствующий правилам совместного проживания, приличный, справедливый в своем поведении относительно других’. Также данная языковая единица используется в спортивной лексике со значением ‘den [Spiel]regeln entsprechend – соответствующий правилам игры’, например, ein fairer Wettkampf (честное соревнование).

Gebürllich

Слово gebürllich переводится как ‘надлежащий, уместный, приличествующий; пристойный’ [Большой немецко-русский словарь, т. I, с. 520].

Gerecht

Одно из значений слова gerecht является библейским термином, характеризующим человека как ‘повинующегося Богу’, т. е. ‘набожного, благочестивого’, либо Бога как ‘милосердного, сострадающего’ (von Menschen: ‘Gott gehorsam, fromm; trotz Sünden von Gott akzeptiert’; von Gott: ‘die Menschen trotz Sünde akzeptiert, gnädig, warmherzig’), т. е. человек ‘нравственно чистый’, следовательно, ‘благочестивый’ [Duden. Deutsches Universalwörterbuch, S. 567].

Rechtschaffen

Rechtschaffen в первом значении употребляется по отношению к человеку и поведению – ‘ehrlich und anständig; redlich – честный и приличный, порядочный’. Второе значение слова rechtschaffen подразделяется на две группы:

- а) ‘groß, stark, beträchtlich – большой, сильный, значительный’ (например, о голоде, жажде);
- б) <intensivierend bei Adj. und Verben> ‘sehr, überaus, stark’ – <признак усиления при прилагательных и глаголах> ‘очень, чрезвычайно, сильно’ [Duden. Deutsches Universalwörterbuch, S. 1224].

Redlich

Первое значение слова redlich – ‘rechtschaffen, aufrichtig, ehrlich und verlässlich’ (‘прямой, искренний, честный и надежный’ о человеке, образе мыслей)». Второе значение разговорное – ‘sehr [groß] (очень [большой])’ [Duden. Deutsches Universalwörterbuch, S. 1227].

Ritterlich

Семантическая структура слова ritterlich выглядит следующим образом [Duden. Deutsches Universalwörterbuch, S. 1260]:

1. ‘einem Ritter gemäß, entsprechend – соответствующий рыцарю’ (например, об идеале);
2. ‘edel, vornehm, anständig und fair – благородный, знатный, приличный и порядочный’;

3. ‘zuvorkommend-höflich und hilfsbereit’ (bes. gegen Frauen) – ‘обходительно-вежливый и услужливый’ (особенно по отношению к женщинам).

Solidarisch

Структура *solidarisch* представлена следующим образом [Duden. Deutsches Universalwörterbuch, S. 1414]:

1. ‘mit jemandem übereinstimmend und für ihn einstehend, eintretend – согласный с кем-либо и за него ручающийся’ (о позиции), т. е. ‘не вызывающий возражений и упреков’;

2. (Rechtsspr.) ‘gemeinsam verantwortlich; gegenseitig verpflichtet’ – (юрисдикция) ‘отвечающий совместно; обоюднообязанный’.

Sportlich

Слово *sportlich* разделяется на значения [Duden. Deutsches Universalwörterbuch, S. 1438]:

а) ‘den Sport betreffend, auf ihm beruhend – соответствующий спорту, основанный на нем’;

б) ‘fair – порядочный’ (о поведении);

в) ‘in einer Weise, die dem Sport imponieren der Leistung gleicht, ähnelt – подобный спорту своими внушительными достижениями’ (например, о темпе);

а) ‘wie vom Sport geprägt und daher elastisch-schlank – созданный при занятии спортом и поэтому эластично-стройный’ (например, о типе, о внешнем виде, о действии);

б) ‘einfach und zweckmäßig im Schnitt; flottwirkend – простой и рациональный по фасону; свободно сидящий’ (об одежде).

Zuverlässig

Слово *zuverlässig* используется в значении ‘so, dass man sich auf ihn, darauf verlassen kann – такой, на которого можно положиться’ чаще по отношению к человеку и в значении ‘glaubwürdig [gesichert] – заслуживающий доверия [гарантированный]’ (например, об источнике информации, свидетеле) [Duden. Deutsches Universalwörterbuch, S. 1807]. Надежным человек считается в том случае, если он честный, нравственный.

Auffällig

Слово *auffällig*, имеющее значение ‘die Aufmerksamkeit erregend, auf sich ziehend – привлекающий внимание, обращающий на себя внимание’ (о поведении, красках, об одежде), может быть применимо к внешней (положительной) характеристике девушки [Duden. Deutsches Universalwörterbuch, S. 153].

Приложение В

Лексемы ЛСП «чистота» в истории английского языка по историческому словарю The Oxford English Dictionary, 1989

clean

- 883 г. – ‘pure, undefiled, unsullied’, ‘free from any defiling or deteriorating ingredient; unmixed with foreign matter, pure, unadulterated’ - ‘без ингредиента, который портит или ухудшает’, ‘не смешанный с иной материей’, ‘настоящий, подлинный’ (вода, воздух, атмосфера, металл)
- 897 г. – ‘free from dirt or filth; unsoiled or unstained’ - ‘без грязи’, ‘без пятен’
- 971 г. – ‘void of spiritual or moral stain or pollution (or what is so considered); pure, undefiled, chaste, innocent’ – ‘без духовных или моральных изъянов, пятен, позора, незамаренный, целомудренный, невинный’
- 1000 г. – fig. ‘clear’ – перен. ‘без того, что заглушает какое-либо качество’, ‘настоящий’, например, чистое блаженство
- 1000 г. – ‘clear in sound or tone’ - о звуке или тоне ‘чистый, ясный’
- 1000 г. – ‘free from ceremonial defilement, according to the Mosaic Law, and similar codes’ – ‘без нарушения церемонии’, ‘согласно Моисееву Закону’
- 1000 г. – of beasts ‘not defiling, fit to be used for food’ – о звере ‘подходящий для пищи’
- 1040 г. – ‘free from anything that dims luster or transparency’ - ‘без того, что заглушает блеск или прозрачность’, т. е. ‘яркий, блестящий’ например, об алмазе
- 1300 г. – ‘where nothing is left behind; entire, complete, total, perfect, sheer’ – ‘полный, совершенный, абсолютный’
- 1300 г. – ‘guiltless of charge or accusation, innocent’ - ‘невинный, невиновный’ с юридической точки зрения
- 1300 г. – ‘clear of all encumbrance or restrictions’ - ‘не обремененный ограничениями или затруднениями’
- 1340 г. – ‘fair’, fine, proper’ an epithet of admiration or commendation, the force of which it is in many instances difficult to ascertain – ‘порядочный, утонченный, приличный’ (эпитет, передающий восторг, одобрение)
- 1375 г. – ‘unencumbered by anything standing or lying in the way; clear, bare, void’, ‘free from rocks, and the like’ – ‘без препятствий или без неровностей’, ‘необремененный, пустой, свободный’
- 1382 г. – ‘free from the pollution of leprosy or other contagious disease’ – ‘не больной проказой или другими инфекционными заболеваниями’
- 1400 г. – of style or language ‘free from faults, correct, pure, chaste, elegant’ – о стиле или языке ‘без дефектов, корректный, чистый, элегантный’
- 1400 г. – ‘sharp (of wit), clever, smart, skilful, adroit, dexterous; neat and finished in action’ – ‘острый’ об уме, ‘умный, проворный, ловкий, опытный’
- 1568 г. – ‘clean in habit: usually of beasts’ – ‘чистый от природы, по натуре’ обычно о животном
- 1600 г. – phrases (fig.) ‘clean bill of health’, ‘to have clean hands? to keep the hands clean’ –выражения, перен. ‘чистый, здоровый’, ‘иметь чистые руки – незапятнанность, честность’,
Usually he keeps a clean tongue – Обычно он воздерживается от крепких выражений
to make a clean job of it – сделать дело как надо, добротнo, тщательно
to come clean – признаваться, говорить правду
to show a clean pair of heels – удирать со всех ног
make a clean breast to smth. – ничего не скрывать, всё выложить начистоту, чистосердечно признаться, откровенно всё рассказать
- 1641 г. – ‘gelded’ – ‘кастрированный’
- 1666 г. – of ships ‘having the bottom free from barnacles’ - о корабле ‘имеющий чистое днище без наростов’, of whaling or fishing vessels ‘with no fish or oil aboard, empty’ - о китобойном промысле или рыболовстве корабля ‘без рыбы на борту, пустой’
- 1677 г. – ‘clear of inequalities or unevennesses, clean-cut’ – ‘равномерный’, ‘ровный’
- 1674 г. – of paper ‘not written on, blank’ - о бумаге ‘неисписанный, чистый’
- 1709 г. – ship-building ‘built on fine tapering lines’ – судостр. ‘с зауженной кормой’
- 1838 г. – of deer or their horns ‘that have shed their velvet’ - об олене или его рогах ‘потерявший свою бархатистость’

- 1867 г. – of writings, entertainment, etc ‘free from obscenity or indelicate treatment of sexual matters’ - о произведении, развлечении, вечеринке и проч. ‘без непристойностей или бестактного обращения сексуального характера’
- 1886 г. – ‘unfeathered: said of pigeons which have no feathers on the legs or feet’ – ‘без оперения’ о пингвинах
- 1916 г. – of aircraft ‘designed to minimize obstruction to the airflow, streamlined’ – о самолете ‘сделанный с максимальным обтеканием воздуха, обтекаемый’
- 1917 г. – with reference to sensations of taste, smell ‘sharp, fresh, distinctive’ - перцепция вкуса, обоняния ‘свежий, острый, различительный’
- 1926 г. – slang ‘containing no incriminating material; not bogged’ – сленг ‘не удерживающий нелегальный материал, не оборудованный подслушивающим устройством’
- 1926 г. – slang ‘free from suspicion of criminal or treacherous intent or involvement’, ‘not carrying incriminating material (as drugs, weapons, etc.)’ – сленг ‘без подозрений, криминала или вероломного умысла, участия’, ‘не носящий запрещенные вещи (наркотики, оружие)’
- 1953 г. – slang ‘free from or cured of addiction to drugs’ – сленг ‘не имеющий наркотической зависимости или вылеченный от нее’
- 1956 г. – of a nuclear device or weapon ‘producing relatively little radioactivity or fall-out’ – о ядерном устройстве или оружии ‘производящий небольшое количество радиации’
- 1968 г. – of a second-hand motor car ‘in good condition’ – о б/у машине ‘в хорошем состоянии’ (коммерческое употребление)
- 1386 г. – ‘neatly-made, well-fashioned; not unwieldy; trim, shapely, comely’ – ‘не громоздкий, аккуратный, стройный, хорошо сложенный, миловидный, привлекательный’, о пахатной земле ‘без сорняков, корешков’, ‘пригодная для сельского хозяйства’

māre

- 1400-1703 гг. – of other things material and immaterial ‘pure, unmixed’ – о предметах и абстр. вещах ‘несмешанный, чистый’ (молоко, слово Господа, счастье, радость, мел)
- 1444-1881 гг. – ‘done, performed, or exercised by a person or persons specifiel without the help of any one else; sole’ – ‘сделанный, выполненный или задействованный одним человеком, без чей-либо еще помощи’, ‘единственный’
- 1536-1775 гг. – ‘that is what it is in the full sense of the term; nothing short of (what is expressed by the ab.); absolute, entire, sheer, perfect, downright’ – ‘абсолютно, совершенно, ничего больше чем’
- 1545-1660 гг. – of wine ‘not mixed with water’ – о вине ‘не смешанный с водой’
- 1559-1766 гг. – law. ‘right as distinguished from possession’ – юр. mere right ‘голое право’ (право без возможности его осуществления), (право на какое-л. имущество без возможности его использования или право на какое-л. действие без возможности осуществления этого действия)
- 1561-1836 гг. – of a people or their language ‘pure, unmixed’ – о людях и их языке и национальности ‘чистый, без примеси’
- 1581-1868 – ‘having no greater extent, range, value, power, or importance than the designation implies; that is barely or only what it is said ti be’ – ‘имеющий большой вес, объем, силу, ранг, ценность’ 1732-1955 гг. - ‘незначительный, обычный, глупый, неподходящий’

immaculate

- 1430 г. – fig. ‘free from spot or stain; pure, spotless, unblemished, undefiled’ – перен. ‘без пятен, безукоризненный, незамаренный’ в т. ч. об ягненке библ. (1450)
- 1687 г. – ‘Immaculate Conception’ – ‘непорочное зачатие’
- 1735 г. – ‘spotly clean or neat’ – ‘идеально чистый’ например, о шапке
- 1797 г. – ‘without coloured spots or marks; unspotted’ – ‘без цветных пятен, без пятен’
- 1832 г. – ‘free from fault of flaw’ – ‘без дефектов и изъянов’ (гл. обр. с ирон., с негативным оттенком)
- 1841 г. – of manuscripts or printed books ‘absolutly free from textual errors’ – о тексте, книги ‘не содержащий ошибок’

spotless

- 1588 г. – ‘free from spot or stain; not marked with, or disfigured by, spots; of a pure or uniform colour’ – ‘без пятен’, ‘не маркированный’, ‘чистый, однотонный’ (о цвете, белом мехе горностаия, теле, половом покрытии)
- 1577 г. – fig. ‘free from stain or blot; immaculate, pure’ – перен. ‘без пятен или позора’
- 1619 г. – ‘guiltless or innocent of something’ – ‘невинный’
- 1827 г. – in specific names – в именах собственных

pure

- 1247 г. – ‘not mixed with anything else; free from admixture or adulteration; unmixed, unalloyed; often qualifying names of colours’, ‘not mixed with, or not having in or upon it, anything that defiles, corrupts, or impairs; unsullied, untainted, clean’, ‘visibly or optically clear, spotless, stainless; clear, transparent’ – ‘без примеси’, ‘незамаранный’, ‘внешне чистый’ (о крови человека - 1297 г., воде - 1398 г., золоте - 1362 г., о лунном и солнечном свете - 1481 г., зеркале - 1638 г., луче света - 1750 г., о жидкости, отфильтрованной от осадка - 1784 г., о цвете - 1797 г., алкоголе - 1800 г., о воздухе без смога - 1804 г., не смешанный с берлинской (прусской) лазурью (синий краситель) - 1839 г., белоснежном снеге - 1860 г.)
- 1297 г. – ‘taken by itself, with nothing added; ... and nothing else; nothing but ..., nothing besides ..., no more than ...; mere, simple’ – ‘без чего-либо еще, ничего более, ничего кроме’ (о яме - 1375 г., старости - 1400 г., силе - 1494 г., нужде - 1593 г., шуте, клоуне - 1639 г., изобретении, находке - 1724 г., новеллах - 1860 г., об отсрочке - 1861 г., о простом знании - 1875 г., о понятной метафоре - 1954 г., о простой игрушке - 1977 г.) часто в сочетании pure and simple ‘как таковой, без примеси, самый настоящий, не что иное как; просто-напросто’
- 1297 г. – in emphatic or intensive sense ‘nothing short of ..., absolute, sheer, thorough, utter, perfect, complete’ – для усиления смысла ‘абсолютный, идеальный, полный, совершенный’ (о злости, ярости - 1297 г., совершенно маленький - 1394 г., абсолютно легко - 1491 г., совершенно старый человек - 1560 г., идеально хорошее место для воздуха - 1710 г., очень хорошая сестра - 1750 г., курс был направлен ПРЯМО на болото - 1810 г., ты ПРОСТО разбил мое сердце - 1928 г., она была ПРОСТО сумасшедшая - 1932 г., совершенная случайность - 1937 г.)
- 1297 г. – ‘that is the thing itself, not something else; true, real, genuine; very’ – ‘реальный, настоящий, правдивый, действительный’ (о крови, боли)
- 1297 г. – of colour ‘purely, with no admixture of any other colour’ – о цвете ‘чистый, без примеси другого цвета’ (... 1297 г., о белизне - 1530 г., о чистом желтом цвете золота - 1853 г.)
- 1340 г. – ‘free from moral defilement or corruption; of unblemished character or nature; unstained or unstained with evil; guiltless, innocent; guileless, sincere’ – ‘без моральных загрязнений, порчи’ (о действиях - 1340 г., сердце - 1526 г., о безгрешных мыслях - 1667 г., об Адаме - 1719 г., нравственности - 1790 г., дружбе - 1849 г., о правлении - 1851 г., о руках, «не замаранных в крови» - 1855 г.)
- 1377 г. – ‘without foreign or extraneous admixture, free from anything not properly pertaining to it; simple, homogeneous, unmixed, unalloyed’ – ‘без чужеродной примеси’, ‘не имеющий нечистых отношений’, ‘простой, однородный’ (о природе, человеке, тексте библии, мысли)
- 1390 г. – ‘free from admixture or anything debasing or deteriorating; unadulterated, uncorrupted, uncontaminated; conforming accurately to a standard of quality or style; faultless, correct’ – ‘без примеси или того, что ухудшает, портит’, ‘настоящий, подлинный’, ‘неиспорченный, беспримесный’, ‘безукоризненный’, ‘без позора, невинный’ (о ведении баталий - 13.. г., о речи, языке - 1540 г., 1617 г., об учениках Заратустра - 1788 г., теле - 1849 г., вкусе - 1882 г.)
- 1430 г. – ‘sexually undefiled; chaste’ – ‘целомудренный, непорочный’ (о женщине, Деве Марии, божьей матери)
- 1475 г. – in reference to descent or lineage ‘of unmixed descent, pure-blooded’ – о происхождении ‘чистокровный’ как ‘без примеси’
- 1536 г. – law. ‘having no condition annexed; absolute, unconditional’ – юр. ‘не имеющий отношения к содеянному’, ‘абсолютный, безоговорочный’
- 1598 г. – applied mockingly to Puritans; also to Quakers – с издевкой о пуританах или квакерах
- 1607 г. – ‘intact, unbroken, perfect, entire’ – ‘неповрежденный’, ‘неразбитый, целый’, ‘превосходный’ (устарело) (о рогах)

- 1611 г. – ‘free from ceremonial defilement; fit for sacred service or use; clean’ – ‘ритуально чистый, пригодный для ритуального обряда, чистый’ (о мясе, одежде)
- 1641 г. – of a subject of study or practice ‘restricted to that which essentially belong to it; not including its relations with kindred or connected subjects’ – о разделе науки ‘чистый’, напр, математика
- 1650 г. – gram. of a vowel ‘preceded by another vowel’, of the stem of a word ‘ending in a vowel’, of a consonant ‘not accompanied by another consonant’, in Arabic of a syllable ‘ending in a vowel, open’ – грам. о гласном звуке ‘предшествующий другому гласному’, об основе слова ‘оканчивающаяся на гласный’, о согласном (например, s) ‘не сопровождающийся другим согласным’. В араб. яз. о слоге ‘заканчивающийся на гласный, открытый’
- 1675 г. – slang or colloq. (? orig. ironical) ‘fine, excellent, capital, jolly, nice, splendid’ – разг., сленг (ирон.?) ‘отличный, превосходный, изящный, утонченный, главный, веселый, милый, роскошный’ (о распутной?) жизни в Лондоне – 1675 г., новости – 1695 г., о мужчинах – 1884 г.)
- 1697 г. – logic ‘of a proposition or syllogism’ – лог. ‘о предложении, плане или силлогизме’
- 1872 г. – of a musical sound or voice ‘free from roughness, harshness, or discordant quality; smooth, clear, said of tones that are perfectly in tune’ – о муз. звуке или голосе ‘без шероховатости, резкости или диссонанса; приятный’, ‘ясный’, ‘без неприятных оттенков’
- 1889 г. – forestry of a wood or plantation ‘consisting of trees of only one species’ – в лесоводстве о дереве или плантации ‘состоящий только из одного вида’
- 1890 г. – philos. and psycho. ‘the essential, transcendental self distinguished from the empirical self’ – философ. и псих. ‘внутренне присущий, трансцендентальный’ – pure ego.
- 1895 г. – biol. pure culture ‘a culture in which only one species or clone is present’ – биол. ‘чистый, без примеси, без клонирования’ чистая культура, вид, сорт

clear

- 1297 г. – of light, colour, things illuminated ‘brightly shining, bright, brilliant’ – о свете, цвете очень интенсивном ‘ярко сияющий, светящийся, яркий, искрящийся’
- 1297 г. – ‘free from cloud, mists, and haze’ – ‘безоблачный’, ‘без дыма, тумана’ – день, погода, небо
- 1300 г. – ‘allowing light to pass through, transparent’ – ‘прозрачный, просвечивающий’ (о проникновении света)
- 1300 г. – ‘bright or shining, as polished illuminated surfaces; lustrous’ – о поверхности ‘блестящий, яркий, отполированный’
- 1300 г. – of the complexion, skin ‘bright, fresh and of pure colour; blooming’ – о цвете лица, коже ‘свежий, чистый оттенок’
- 1300 г. – of words, statements, explanations, meaning ‘easy to understand, fully intelligible, free from obscurity of sense, perspicuous’ – о речи, словах ‘понятный, четкий’
- 1300 г. – of sounds, voice ‘ringing, pure and well-defined, unmixed with dulling or interfered noises; distinctly audible’ – о звуке. голосе ‘звонкий, ясный, отчетливо слышимый’
- 1320 г. – of the day, daylight ‘fully light, bright’ – о дне, дневном свете ‘солнечный, светлый’
- 1340 г. – of the faculty of discernment ‘that sees discerns, or judges without confusion of ideas’ – о способности понимать ‘без путаницы в идеях’
- 1374 г. – fig. of unclouded countenance or spirit ‘serene, cheerful’ – перен. о безоблачном состоянии духа ‘безмятежный’, ‘яркий, радостный’ (о возрасте – 1374 г., взгляде – 1590 г., лице – 1853 г.)
- 1374 г. – ‘illustrious’ – ‘знаменитый, известный, прославленный’
- 1380 г. – ‘manifest to the mind or judgement, evident, plain’ – ‘понятный для сознания, решения’
- 1382 г. – of the weather ‘full of sunshine, bright, fine; serene, fair’ – о погоде ‘солнечный, ясный, хороший’
- 1382 г. – of moral purity, innocence fig. ‘pure, guileless, unsophisticated’ – перен. о моральной чистоте, невинности ‘простодушный, бесхитростный, неподдельный’
- 1398 г. – of a vision, conception, notion, view, memory ‘distinct, unclouded, free from confusion’ – об идее, взгляде, концепции ‘внятный, понятный, четкий’
- 1400 г. – ‘unspotted, unsullied; free from fault, offence, or guilt; innocent’ – о моральном поведении ‘незапачканный, без недостатков, невинный’
- 1420 г. – a common epithet of women ‘beautiful, beauteous, fair’ – эпитет к женщине ‘красивый, прекрасный’

- 1483 г. – of coloured liquids ‘translucent, pellucid, free from sediment, not turbid or opaque’ – о цвете жидкости ‘прозрачный, без осадка, не мутный’
- 1500 г. – of free, unencumbered condition – ‘свободный, необремененный’
- 1529 г. – ‘free from all limitation, qualification, question, or shortcoming; absolute, complete’ – ‘абсолютный, полный’
- 1576 г. – of the eyes, and faculty of sight ‘seeing distinctly, having keen perception’ – о глазах, зрении ‘четко видящий’
- 1604 г. – of persons ‘having a vivid or distinct impression or opinion; subjectively free from doubt; certain, convinced, confident, positive, determined’ – о человеке ‘не сомневающийся, уверенный’
- 1607 г. – ‘free or emptied of contents, load, or cargo; empty’ – ‘без тревоги или затруднения, без долгов’
- 1642 г. – ‘free from roughness, protuberances, knots, branches’ – ‘без шероховатости, выступов, узлов, сучьев’
- 1658 г. – ‘free from encumbering contact; disengaged, unentangled, out of reach, quite free’ – ‘без обременения, свободный, освобожденный’
- 1664 г. – of a case at law ‘of which the solution is evident’ – о судебном деле ‘явное, очевидное решение’
- 1688 г. – slang. ‘very drunk’ – разг. ‘очень пьяный’
- 1712 г. – ‘free from pecuniary complications’ – без финансовых, материальных осложнений
- 1818 г. – fig. ‘now expressing the purity or uncloudedness of light’ – перен. ‘безоблачный’
- 1835 г. – of vision, perception, discernment, of lines, marks, division ‘clearly seen, distinct, well-marked, sharp – о зрительной перцепции ‘отчетливый, ясный’
- 1918 г. – phonetics ‘designating one of two varieties of lateral consonant’ – фонет. о согласных звуках ‘обозначающий один или два варианта латеральных согласных’
- 1928 г. – ‘not in cipher or code’ – ‘без шифра или кода’

sheer

ср.-англ. schere

- 1205 г. – ‘exempt, free (from service or fealty); clear, acquitted (from guilt or crime)’ – ‘свободный’, ‘освобожденный от (службы или верности)’, ‘освободившийся (выплативший) от долга’ (о чел.)
- 1290 г. – of the wind ‘blowing steadily in one direction’ – ‘дующий постоянно в одном направлении (о ветре)’
- 1290 г. – ‘свободный от присяги, службы’, ‘свободный от вины, преступления’
- 1400 г. – of hair ‘thin, sparse’ – о волосах ‘тонкий’
- 1565 г. – of textile fabrics ‘thin, fine, diaphanous’ – о ткани ‘тонкий, прозрачный’
- 1565 г. – of light ‘bright, shining’, of water, crystal ‘clear and pure; translucent’ – о свете ‘яркий, блестящий, светящийся’, о воде, кристалле ‘ясный, прозрачный’
- 1583 г. – ‘neither more nor less than (what is expressed by the sb.); that and nothing else; unmitigated, unqualified; downright, absolute, pure’ – ‘абсолютный, полный’ (о нужде, вере, любви, силе, истощении, болване, бандите)
- 1596 г. – of material substance ‘unmixed or unaccompanied with other matter’, esp. of strong drink ‘undiluted with water’, ‘taken alone without solid food’ – ‘не смешанный с другим веществом, материей’ (часто о крепких напитках) как ‘неразбавленный водой’ (о вине, напитке, воде, песке, бренди, эл, пиве)
- 1622 г. – of an immaterial thing ‘taken or existing by itself, ... alone’ – ‘единственный, только, лишь’ (о деньгах, слове божьем, разуме)
- 1632 г. – of an article of food ‘thin, not containing much substance’, of an animal ‘lean’ – о еде, животных ‘легкий, не содержащий много калорий, постный’
- 1800 г. – ‘continued perpendicularly or very steeply down or up without break or halting-place’ – ‘вертикальный, перпендикулярный’

blank

родств. др-англ. blican 'светить'

- 1325 г. – 'white, pale, colourless' – 'белый, бледный, бесцветный' (об одежде – 1325 г., меле – 1500 г., сорочке – 1562 г., соколе – 1575 г., ястребе – 1615 г., луне – 1667, 1726 гг., волосе – 1821 г.)
- 1542 г. – of persons 'looking as if deprived of the faculty of speech or action; shut up, utterly disconcerted, discomfited, resourceless, or non-plussed' – 'удивленный, в замешательстве, крайне смущенный' (о человеке, взгляде)
- 1547 г. – of a paper 'left white or fair; not written upon, free from written or printed characters' – 'неисписанный, чистый, без помет' (о бумаге – 1547, 1687, 1712 гг., паспорте – 1708 г.)
- 1547 г. – blank verse 'without rime' – о стихе 'белый, нерифмованный'
- 1553 г. – 'void of result, unsuccessful, fruitless, nugatory; amounting to or producing nothing' – 'безуспешный, бесплодный, напрасный' (о возвращении – 1627 г., договоре – 1643 г., завершении – 1699 г., дне – 1832 г.)
- 1596 г. – 'mere, bare, simple' – 'простой' (о славе)
- 1634 г. – of emotions 'prostrating the whole faculties; unrelieved, helpless, stark, sheer' – об эмоциях 'беспомощный, обессиленный' (о благоговении – 1634 г., грусти/унынии – 1717 г. - страхе – 1809 г., испуге – 1837 г., унынии – 1875 г.)
- 1729 г. – fig. 'void of interest or event; vacant, having nothing in it' – 'без выгоды, интереса' (о промежутке времени – 1729 г., ночи – 1803 г., годе – 1867 г.)
- 1746 г. – blank versifier – о версификаторе (поэте) 'белый'
- 1748 г. – 'empty, without contents, void, bare' – 'пустой, без наполнения, свободный, незанятый' (о площади – 1748 г., темноте – 1840 г., ланцете – 1849 г., ощущении – 1855 г. пространстве – 1856 г.)
- 1839 г. – 'pure, unmixed, utter, downright, sheer, absolute (with a negative or privative force)' – 'настоящий, абсолютный' (абсолютно невозможно – 1839 г., белизна – 1856 г., атеизм – 1871 г.)
- 1859 г. – of the face or look 'void of expression, expressing no attention, interest, or emotion; vacant' – о выражении лица или взгляде 'без эмоций, без интереса и внимания' (о сонных глазах – 1859 г., лице – 1884 г. - о пристальном взгляде – 1884 г., глазах – 1924 г.)

pristine

- 1534 г. – 'of or pertaining to the earliest period or state; original, former; primitive, ancient' – 'древний; первоначальный, изначальный' (о свободе, чистоте, простоте языка, береге, состоянии/чувстве счастья)
- 1923 г. – 'having its original condition; unmarred, unspoilt?' of a natural object, physical feature, or the like 'unspoilt by human interference, untouched; virginal, pure', of manufactured object 'spotless, pure in colour; fresh, good as new' – 'сохранившийся в первозданном виде, девственный, неиспорченный вмешательством человека (о явлениях природы, физических свойствах, земле)', 'неиспорченный, неискаженный, сохранивший цвет, свежий как новый (о промышленных изделиях, рубашке, условиях, красоте)'

neat

- 1542 г. – 'clean; free from dirt or impurities' – 'без грязи и примеси' (о конкретных предметах, о ткани – 1542 г.)
- 1546 г. – of persons 'inclined to refinement or elegance; finely or elegantly dressed; trim or smart in apparel' – о чел. и его одежде 'утонченный, изящный, элегантный, опрятный'
- 1549 г. – 'characterized by elegance of form or arrangement, with freedom from all unnecessary additions or embellishments; of agreeable but simple appearance; nicely made or proportioned' – 'пропорциональный, хорошо сделанный' (о городе – 1549, 1773 гг., улице – 1601 г., о постройках, домах, особняках – 1630, 1661, 1806, 1856 гг., садах – 1717 г., месте – 1773 г., о пропорции – 1576 г., о глазах – 1601 г., молотке – 1669 г., о пятнах на агате – 1833 г., мебели – 1888 г.)
- 1559 г. – of women 'trim, smart' – 'хорошенький, привлекательный' (о женщине – 1559 г.)
- 1577 г. – of persons (and animals) 'inclined to cleanliness or tidiness' – 'склонный к чистоте, опрятности, опрятный' (о человеке или животном – 1577 г., + перен. «Если он найдет хоть

- волосок на своем блюде с мысом, он до него не дотронется. Вот такой он в своем СКЛОННОМ К ЧИСТОТЕ (предвзятом?) суеверии»)
- 1579 г. – of liquors ‘pure, unadulterated; not mixed with water, undiluted’ – ‘неразбавленный водой, несмешанный’ (о ликере, вине, спирте, роме, бренди - 1579 г.)
- 1586 г. – of language or style ‘well selected or expressed; clear, and to the point; cleverly or smart, put or phrased’ – ‘лаконичный, отточенный’ (о языке и стиле – 1586 г.)
- 1591 г. – ‘clear, bright’ – ‘ясный, яркий’ (о кристалле – 1591 г., цвете – 1668 г., камне – 1697 г., стекле – 1797 г.)
- 1596 г. – ‘put or kept in good order, tidy’ – ‘приведенный в порядок, аккуратный’ (о вещах – 1596 г., зданиях – 1718 г., торговой книге – 1745 г., жилище – 1794 г., о волосах и одежде – 1865 г.)
- 1598 г. – ‘cleverly contrived or executed; involving special accuracy or precision’ – ‘умело и правильно сделанный, изощренный’ (о прыжке – 1598 г., обмане – 1625 г., пути – 1675 г., о частях, долях – 1846 г., образце – 1855 г., вращении – 1865 г.)
- 1599 г. – ‘free from any reductions; clear, net’ – ‘без сокращений, полный, целый’ (о денежной сумме, доле – 1599, 1670, 1817 гг.)
- 1611 г. – of preparations ‘dainty, elegant, tasteful’ – ‘деликатесный, вкусный (о приготовлении (чаще в кулинарии) как ‘хорошо сделанный’ (о стряпне – 1611 г., банкете – 1634 г., блюде – 1668 г., приготовлении – 1682 г., ужине – 1731 г., лекарстве – 1799 г.)
- 1612 г. – ‘exhibiting skill and precision in action or expression’ – ‘демонстрирующий умение и точность в действии или выражении’ (о решении – 1612 г., манере вести беседу – 1684 г., о шарме – 1806 г.)
- 1615 г. – ‘denoting freedom from disease’ – ‘не отмеченный болезнью’ (о пациенте - 1615 г.)
- 1634 г. – of dress ‘elegant, trim’ – ‘элегантный, аккуратный, опрятный’ (об одежде – 1634 г.)
- 1651 г. – so of other substances ‘pure’ – ‘неразбавленный, без примеси’ (о меди – 1651 г., золоте – 1660 г., мыле – 1885 г.)
- 1682 г. – ‘exact, precise’ – ‘точный, определенный’ (сейчас в совр. англ. нет, только диалектное) о сумме - 1682 г., пропорции – 1755 г., о длине веток – 1875 г.)
- 1686 г. – of a language ‘pure’ – ‘чистый, правильный’ (о языке – 1686 г.)
- 1715 г. – ‘unbroken, complete’ – ‘неразбитый, целый’ (о бутылке вина – 1715 г.)
- 1827 г. – slang, in ironical use ‘rare, fine’ – жарг. с иронией ‘исключительный, хороший’ (о человеке – 1827 г.)
- 1860 г. – fig. ‘pure, unadulterated’ – перен. ‘чистый, без примеси, настоящий’, напр, правда
- 1884 г. – spec. of wool – (спец.) ‘хорошо сделанный’ (о шерсти, ее качестве – 1884 г.)
- 1932 г. – neat cement – ‘a mortar made from cement and water only, without the addition of sand’ – о цементе без примеси песка ‘чистый, без примеси’
- 1934 г. – colloq. ‘excellent, desirable, attractive’ – разг. ‘отличный, приятный, привлекательный’ (восклицание в качестве наречия – 1934 г., об ужине - 1974 г.)

net

- 13.., 1542 г. – of persons ‘trim, smart, or elegant’ – о чел. и его одежде ‘аккуратный, опрятный, элегантный’
- 1481 г. – ‘clean, free from filth; bright, clear’ – ‘чистый, без грязи’, ‘яркий, ясный’ (о человеке – 1528, 1579 гг., слоновой кости – 1590 г., руках – 1596 г., о теле человека – 1609 г.) Значение исчезло в нач. XVII века. из фр. net
- 1520 г. – of amounts ‘free from, or not subject to, any deduction; remaining after all necessary deductions have been made’ – о сумме, величине (цена, вес) ‘чистый, нетто, оставшийся после вычета’ из ит. netto
- 1637 г. – of things ‘neat, smart’ – ‘приятный, милый’ (о беседе – 1637 г., панталонах – 1819 г.)
- 1713 г. – ‘pure, unadulterated, unmixed’ – ‘чистый, несмешанный, настоящий’ (о вине – 1713 г., сахаре – 1765 г., цементе – 1839 г.)
- 1890 г. – spec. ‘sold at, based upon, net price’ – (спец. термин) ‘проданный по чистой цене’ (Net Book Agreement – „Соглашение о минимальной цене книг“)
- 1909 г. - net-priced имеющий цену нетто, чистую, реальную цену
- 1928 г. - net reproduction rate чистый - коэффициент воспроизводства населения
- 1930 г. – net worth - стоимость имущества за вычетом обязательств, собственный капитал предприятия
- 1945 г. - net national product - чистый продукт страны, национальный доход

fair

- 888 г. – ‘beautiful’, of persons; chiefly with reference to the face – ‘прекрасный’ о лице, теле, женщине, животном, сказочном персонаже
- 1000 г. – of sound, odours ‘agreeable, delightful’ – о звуке или запахе ‘приятный, восхитительный’
- 1000 г. – of external manifestations, words, promises ‘attractive or pleasing at the first sight or hearing; specious, plausible, flattering’ – о словах, обещаниях ‘благовидный, правдоподобный, льстивый, хвалебный’
- 1175 г. – of character, conduct, reputation ‘free from moral stain, spotless, unblemishes’ – о поведении, репутации ‘нравственно безукоризненный, невинный’
- 1205 г. – ‘favourable; benign; unobstructed’, of the weather ‘favourable, not wet or stormy; fine, bright, sunny’ - ‘благоприятный, подходящий’, ‘добрый’, ‘беспрепятственный, свободный’ (о погоде – 1250 г., дне – 1450 г.)
- 1220 г. – of animals ‘hence in Huting use applied distinctively to a roebuck of the fifth year’ – о животных ‘прекрасный, хороший’ (о подходящем для охоты животном)
- 1240 г. – of an amount, an estate, fortune ‘considerable, handsome, liberal’ – о величине, имении, состоянии ‘значительный, солидный’
- 1340 г. – of conduct, action, arguments, methods ‘free from bias, fraud, or injustice; equitable, legitimate’ – о руководстве, действиях, методах, аргументах ‘без обмана, предвзятости, справедливый’
- 1340 г. – of a means or procedure, and of language ‘gentle, peaceable, not violent’ – о средстве, методе процедуре, речи ‘мягкий, спокойный, не интенсивный’
- 1340 г. – of water ‘clean, pure’, of colour ‘clear, not cloudy’ – о воде ‘чистый’, о цвете ‘не мутный’, о цвете ‘ясный, не мутный’
- 1350 г. – used in courteous or respectful address – используется в вежливом обращении (например, дорогой отец – 1350 г., сестра, сын – 1450 г., сестры – 1483 г., сир - 1530, 1588, 1820 гг., сестра – 1568 г., лорд - 1889 г.)
- 1375 г. – of a star, omen ‘propitious’ – о звезде, знаке ‘обещающий успех’, ‘вероятный, многообещающий’
- 1380 г. – ‘desirable, reputable’ – ‘превосходный, почтенный’
- 1380 г. – of language, diction ‘elegant’ – о языке, произношении ‘отменный’
- 1384 г. – of the wind ‘favourable to a ship’s course’ – о ветре ‘попутный благоприятный’
- 1400 г. – of fruit, flesh ‘sound, free from disease or specks; free from blemish or disfigurement’ – о фруктах, теле, звуке ‘без дефектов, недостатков, искажений’, ‘без болезни’, ‘без пятен’
- 1420 г. – of things in general ‘clean, unsoiled, unstained’, of paper ‘not written upon, unused’ – о вещах ‘без пятен и грязи’, о бумаге ‘неисписанный, неиспользованный’
- 1440 г. – applied to women ‘as expressing the quality characteristic of their sex’ – о женщинах ‘качество, характеризующее женский пол’, the fair sex – прекрасный пол, женщины
- 1486 г. – of a line, curve, or surface ‘free from roughnesses or irregularities; smooth, even’ – о линии, поверхности ‘без шершавости, неровности, нарушений, гладкий, ровный’
- 1523 г. – ‘free from obstacles; unobstructed, open’ – ‘беспрепятственный, свободный, открытый’
- 1551 г. – of complexion and hair ‘light as opposed to dark’ – о цвете лица и волос ‘светлый’
- 1577 г. – ‘open to view, plainly to be seen, clear, distinct’ – ‘ясный, отчетливый’
- 1595 г. – ‘upright conduct in a game; equity in the conditions or opportunities afforded to a player’ – об игре ‘честный’
- 1697 г. – of handwriting ‘neat, clear, legible’ – о подчерке, высказывании ‘ясный, понятный, разборчивый’
- 1711 г. – of conditions, position ‘affording an equal chance of success; not unduly favourable or adverse to either side’ – о позиции ‘объективно оценивающий’
- 1866 г. – ‘reasonable’ – ‘разумный логичный’
- 1872 г. – dial. or slang. ‘unquestionable, absolute, complete, through’ – разг. ‘совершенный, абсолютный’
- 1898 г. – ‘something or someone highly enjoyable or satisfactory’ – ‘очень хорошо выглядящий’

Приложение Г

ЛСП «чистота» в современном английском языке из диссертационной работы Н. А. Сергиенко «Сопоставительное исследование лексико-семантических групп прилагательных с идентификатором „чистый/грязный“ и „clean/dirty“ (по материалам лексикографии)»

Abluted 'промытый', antiseptic 'асептический', bathed 'выкупанный в ванне', bayed 'омытый водой; залитый', beaten 'выбитый (о мебели без пыли)', bedewed 'покрытый росой', brushed 'очищенный щеткой', bucked 'отбеленный', burnished 'отшлифованный, отполированный', clarified 'осветленный', clean 'чистый', cleaned 'очищенный' (о газе, угле), cleanly 'чистоплотный; опрятный; аккуратный', cleansed 'очищенный', curetted 'выскобленный, прочищенный', dandy 'отличный, превосходный', degreased 'обезжиренный, очищенный от смазки', dapper 'опрятный, аккуратный', degreased 'обезжиренный', destained 'обесцвеченный, без красителя', detergent 'моющий, очищающий (о порошке, жидкости)', dighted 'вытертый насухо', disinfected 'обеззараженный', drossed 'отшлакованный, очищенный от шлака', dry-cleaned 'подвергшийся химической чистке', dusted 'очищенный от пыли', Dusted down 'отряхнувшийся, вычищенный', eluted 'промытый в растворителе', embrocated 'втертый (о мазе), обезболенный', expurgated 'удаленный, убранный, вычеркнутый, очищенный (от нежелательного)', expurged 'вычеркнутый, избавленный (например, от непристойностей, обидных слов)', fair 'порядочный, честный', 'ясный, чистый', 'привлекательный', fanned 'сдутый, выдутый', feat 'хороший, изящный', fettled 'вычищенный (о скоте)', flushed 'смытый (о содержимом унитаза)', fluxed 'офлюсованный, выплавленный', gargled 'прополосканный (о горле)', graved 'очищенный путём сжигания наслоений и повторного накладывания слоя смолы (о подводной части судна)', groomed 'ухоженный', hogged 'отскрабанный, очищенный щеткой', immaculate 'безукоризненно чистый, опрятный', 'незапятнанный, безупречный', laundered 'выстиранный, выглаженный', 'отмытый, легализированный (о деньгах)', laved 'омытый, вымытый', licked 'вылизанный', limewashed 'с известковой побелкой', mopped 'вымытый, протертый шваброй', natty 'изящный; аккуратный, опрятный', neat 'ясный, чистый, очищенный от лишнего', 'аккуратный, опрятный, чистый; чистоплотный', 'чистый, неразбавленный (обычно о напитках)', net 'чистый, нетто', orderly 'опрятный, аккуратный', pasteurized 'пастеризованный', pecked 'выдолбленный, просверленный', pickled 'протравленный (кислотой), сквашенный', point-device 'аккуратный, совершенный, тщательный', polished 'полированный, начищенный, лощеный', rounced 'затертый сандаракон, выдавленный (о рисунке)', preened 'прихорошившийся, очищенный клювом (о перьях)', preppy 'старомодный', prewashed 'замоченный, предварительно вымытый', primed 'нарядившийся, прихорошившийся', primp 'наряжать(ся), прихорашиваться', pruned 'урезанный, подрезанный, удаленный, отсеченный', rumiced 'отшлифованный, зачищенный пемзой', ruger 'очищенный, удаленный, прошедший чистку (при помощи слабительного)', purified 'рафинированный, очищенный от примесей', raked 'собранный, подчищенный, разровненный граблями', razed 'снесенный, сровненный с землей, сбритый', redded 'приведенный в порядок, расчищенный', riddled 'выкорчеванный, выплунутый, расчищенный (от пней)', rinsed 'сполоснутый, прополосканный (о горле, носе, белье)', rubbed 'стертый, оттертый', rubbedup 'начищенный, отполированный', rubbeddown 'вытертый досуха, зачищенный, очищенный (о лошади)', sandblasted 'очищенный пескоструйным аппаратом', sandpapered 'зачищенный, отшлифованный наждачной бумагой', sanified 'санированный, оздоровленный', sanitary 'санитарный, гигиенический', sanitated 'санированный, излеченный', sanitized 'подвергнутый санитарной обработке', scalded 'ошпаренный кипятком', scavenged 'убранный (о мусоре, грязи)', 'собранный (о пошлинах)', scoured 'обезжиренный', scraped 'отскобленный', scratch-brushed 'затертый щеткой', scrubbed 'отшелушенный, скрабированный', scrubbed-boarded 'отстиранный на стиральной доске', scudded 'смытый сильным дождем', self-cleaned 'самоочищенный, самообдудый', self-cleansed 'самоочищенный', shampooed 'вымытый шампунем', shot-blasted 'подвергнутый дробеструйной обработке', skewed 'сдвинутый, перекрашенный', slickened 'сглаженный', slimed 'ошамованный, очищенный от слизи', sludged 'отстоявшийся (о смазочном масле)', sluiced 'слитый, спущенный (о воде)', smart 'красивый, шикарный', smeeked 'окуренный, выкуранный (удаленный)', smoked 'окуренный, консервированный копчением', snug 'аккуратный', soaped 'намыленный, вымытый мылом', soiless 'незапятнанный', spruce 'нарядный, щеголеватый, элегантный', soured 'вымоченный, замаринованный', spickandspan 'абсолютно свежий, новый',

sponged 'вытертый, очищенный губкой', spring-cleaned 'прошедший генеральную уборку', sterile 'стерильный', sterilized 'стерилизованный, освобожденный от микроорганизмов', swilled 'прополосканный, облитый водой', sudsed 'вспененный', swabbed 'вымытый, протертый шваброй', swept 'подметенный', terse 'краткий, сжатый, лаконичный', tiddly 'первоклассный, пьяный, модный', tidy 'аккуратный, опрятный', tight 'тугой, туго завязанный', toweled 'вытертый полотенцем', trig 'нарядный, модный, щеголеватый', trim 'опрятный, элегантный, подтянутый', tubbed 'искупанный в ванне, кадке', tumbled 'упавший, брошенный', unblemished 'незапятнанный, неопороченный', unpolluted 'непорочный, незагрязненный', unsoiled 'незапачканный, незагрязненный', unspotted 'незапятнанный, незапачканный', unstained 'неиспачканный, неокрашенный', unvarnished 'нелакированный', upswept 'неподметенный, невыметенный', vacuumed 'пропылесосенный', vacked, vacuum-cleaned 'пропылесосенный', washed 'вымытый, обогащенный (о руде)', whisked 'смахнутый', wiped 'вытертый', wire-brushed 'почищенный проволочной щеткой' [Сергиенко, 2006, с. 188].

Приложение Д

Рисунок Д.1 – Римская империя во времена Константина Великого

РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ с I-го по IV век новой эры

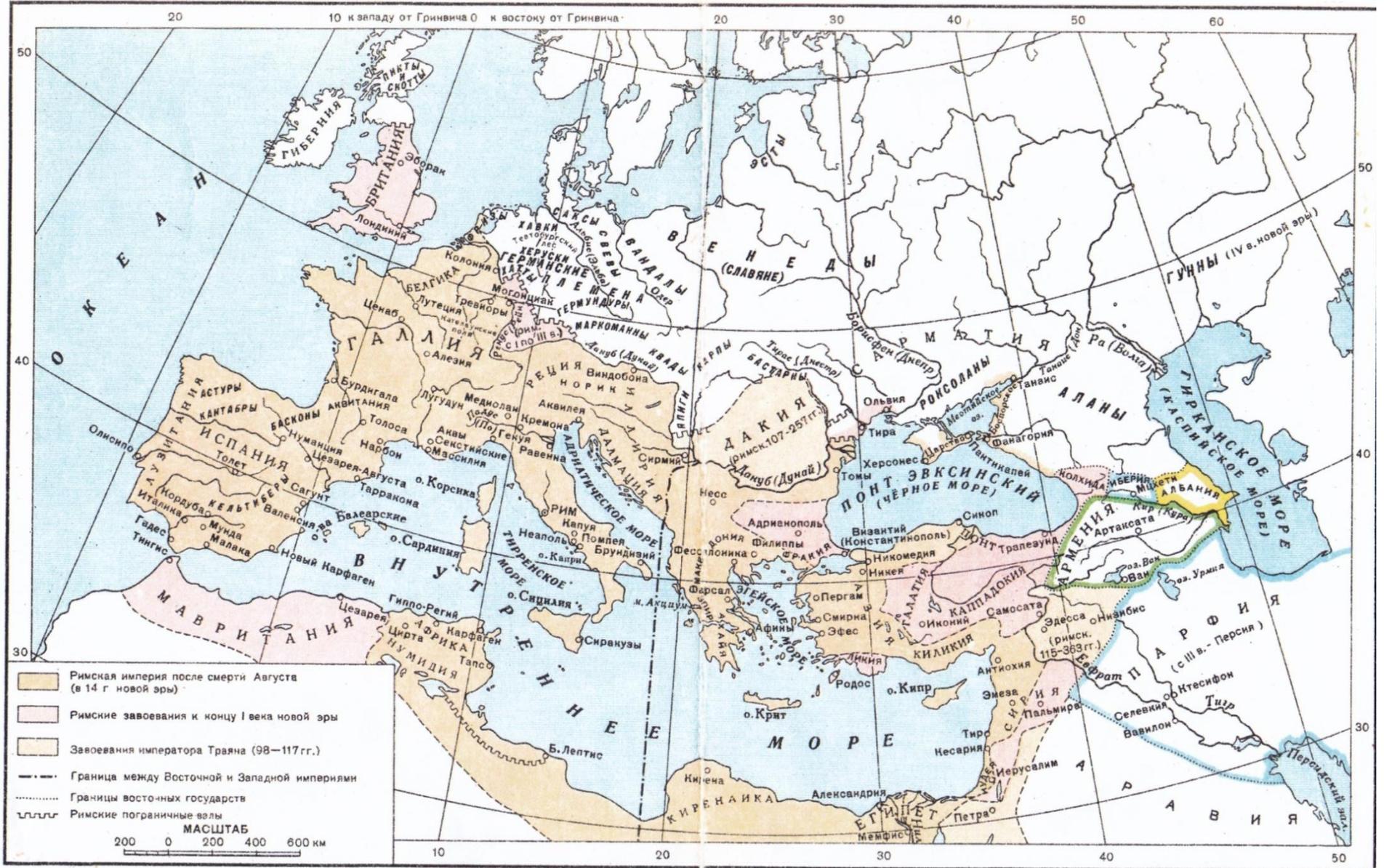

Рисунок Д.2 – Римская империя с I по IV век новой эры